Проф. В. Ф. Левитскій

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ

ХОЗЯЙСТВЕННАГО БЫТА.

I. ВЫПУСКЪ.

ГРЕЦІЯ, РИМЪ и СРЕДНІЕ ВѢКА.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., д. № 19.
1907.

А36 8-1 Проф 38

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ авторъ читаетъ, между прочимъ, „Курсъ исторіи политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта“. въ которомъ отводитъ сравнительно много мѣста характеристикѣ исторически смѣнявшихся экономическихъ режимовъ. Курсъ этотъ, начиная съ 1885 года, многократно былъ издаваемъ студентами, въ видѣ литографированныхъ записокъ. Въ настоящемъ году авторъ рѣшилъ его напечатать. Вторая половина курса, отведенная исторіи экономическихъ школъ, должна выйти во второй половинѣ этого года.

Харьковъ, 1907 года
14-го Марта.

В. Левитскій.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
26	1 сверху	229	429
44	33 „	Эмилономъ	Эмилаиомъ
55	25 „	грозитъ	грозятъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Мѣсто, занимаемое историческими науками о народномъ хозяйствѣ въ системѣ современной политической экономіи. Предметъ и задача исторіи народнаго хозяйства и исторіи экономическихъ ученій. Взаимодѣйствіе между явленіями хозяйственнаго быта и экономическими ученіями. Періоды въ исторіи политической экономіи. Пособія по исторіи политической экономіи . . . . . 1—6.

Древній міръ. Очеркъ исторіи хозяйственнаго быта Греціи. Греческое хозяйство патріархальнаго періода (Oikenwirtschaft). Характеристика домашняго (ойкоснаго) хозяйства по Одиссеѣ Гомера. Разложеніе домашняго хозяйства Аттики. Развитіе торговли и обрабатывающей промышленности. Рабы, ихъ происхожденіе, численный составъ и роль въ греческомъ хозяйствѣ. Характеръ экономическаго законодательства въ древней Греціи. Экономическія реформы Солона. Развитіе промышленности въ Греціи послѣ смерти Солона. Кредитныя операціи. Государственное хозяйство Аттики. Заключеніе о двухъ періодахъ въ исторіи греческаго хозяйства. Литература по исторіи хозяйства Греціи . . . . . 7—23.

Экономическія ученія грековъ. Фукидидъ. Ксенофонтъ. Платонъ. Аристотель Литература по исторіи экономическихъ ученій въ Греціи . . . 24—33

Очеркъ хозяйственнаго быта римлянъ. Общій характеръ римскаго хозяйства Положеніе рабовъ. Господство натуральнаго хозяйства. Тенденціи развитія мѣнового хозяйства въ періодъ мірового господства Рима. Однообразное законодательство. Пути сообщенія. Пассивный характеръ римской торговли. Неблагопріятныя условія для развитія ремеслъ. Положеніе землевладѣнія и аграрное законодательство въ Римѣ. Происхожденіе неравномѣрнаго распредѣленія земельной собственности. Причины разоренія мелкихъ пахарей. Господство латифундій. Значеніе аграрныхъ реформъ Гая Лициніи Столона и Гракховыхъ законовъ. Характеръ аграрной политики послѣ Гракховъ. Экономическое законодательство Юлія Цезаря. Римскій колонатъ. Регулированіе его въ законахъ Ѳеодосія и Юстиніана. Происхожденіе колоната и прикрѣпленія рабовъ—теоріи Родбертуса—Ягетцова и другихъ. Значеніе этого института въ послѣдніе вѣка римской имперіи. . . . . 33—53

Состояніе экономическихъ знаній въ Римѣ. Почему римляне оставили слабый слѣдъ въ изученіи экономической стороны общественной жизни? Scriptores de Re Agraria и Scriptores de Re Rustica. Катонъ. Варронъ. Коллумела. Цицеронъ. Литература по исторіи хозяйства и экономическихъ воззрѣній римлянъ. . . . . 53—58.

Средніе вѣка. Связь среднихъ вѣковъ съ древнимъ періодомъ исторіи. Культурная роль католической церкви. Общій характеръ среднихъ вѣковъ и средневѣковаго хозяйства въ особенности Два періода въ исторіи средневѣковаго хозяйства. Феодализмъ, какъ система аграрныхъ отношеній. Періодъ подготовленія феодализма. Прекарное владѣніе и преобра-

зованіе типа поземельной собственности. Типы феодальнаго землевладѣнія: бенефиціи, феоды и цензивы. Соціальное положеніе цензульныхъ владѣльцевъ· колоны, литы и рабы. Организація средневѣковой юрисдикціи. Общій типъ феодальнаго хозяйства. Господскій дворъ (Hof—Kloster-Willen-Wirthschaft). Фискальные доходы господскаго двора . . . . . 39—84.

Обрабатывающая промышленность въ средніе вѣка. Организація ремесленнаго труда въ формѣ цеховъ. Три періода въ исторіи цеховъ Возникновеніе цеховъ. Организація свободныхъ цеховъ. Вліяніе цеховой организаціи на развитіе обрабатывающей промышленности. Насколько цеховая организація обезпечивала интересы потребителей ремесленныхъ издѣлій. Вырожденіе цеховъ. . . . . 84—93.

Происхожденіе и развитіе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли. Города, какъ укрѣпленные пункты (Burg) и города, какъ средоточія торговли и промысловъ. Возникновеніе рынковъ сбыта въ королевскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Первоначальный сельскій характеръ городскихъ поселеній. Возникновеніе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли. Первоначальный составъ городского населенія. Аристократическіе роды Зависимое населеніе городовъ и его постепенное освобожденіе. Городскія вольности и пріобрѣтеніе правъ землевладѣнія зависимыми элементами населенія. Три стадіи эволюціи городской земельной собственности. Вліяніе преобразованія въ землевладѣніи на строй городского управленія. Демократизація послѣдняго. Три типа городовъ въ отношеніи ихъ управленія . . . . . 93—101

Экономическая политика средневѣковыхъ городовъ. Одностороннее преслѣдованіе интересовъ городовъ, въ ущербъ деревнямъ. Пріемы меркантилитической политики. Законодательство о складочныхъ мѣстахъ и путяхъ сообщенія. Союзы торговцевъ для внутренней и иностранной торговли: гильдіи и ганзы. Вліяніе на развитіе торговыхъ сношеній—роста королевской власти и крестовыхъ походовъ. Литература по исторіи средневѣковаго хозяйства. . . . . 101—107

Экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка. Католическіе теологи, какъ представители экономическихъ ученій въ средніе вѣка. Два цикла экономическихъ воззрѣній христіанскихъ теологовъ. Возрѣнія Евангелія и первыхъ отцовъ церкви на хозяйственную жизнь. Историческій смыслъ и значеніе евангельскихъ воззрѣній на хозяйственную жизнь. Почему эти воззрѣнія находили для себя благопріятную почву въ Западной Европѣ къ началу среднихъ вѣковъ. Преобразованіе теологической доктрины въ отношеніи экономическихъ воззрѣній во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Ѳома Аквинскій и занимавшія его экономическія проблеммы. Его ученія о цѣнѣ, торговлѣ, о процентахъ на капиталъ, собственности. Экономическія воззрѣнія котолическихъ теологовъ конца среднихъ вѣковъ. Литература по исторіи экономическихъ воззрѣній въ средніе вѣка . . . . . 107—121

Новое время. (15—18 в.). Коренныя перемѣны въ складѣ хозяйства народовъ Западной Европы въ началѣ новаго періода исторіи . . . . . 122—126.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящее время широкой спеціализаціи въ области научныхъ изслѣдованій изученіе народнаго хозяйства подѣлено между цѣлымъ рядомъ экономическихъ дисциплинъ. Среди нихъ теоретическая политическая экономія и статистика, каждая съ своей особой точки зрѣнія. изслѣдуютъ фактически существующія явленія народнаго хозяйства современнаго намъ историческаго періода. При чемъ теоретическая экономія изучаетъ экономическія явленія въ общихъ чертахъ, со стороны ихъ типическихъ формъ, а статистика со стороны ихъ индивидуальныхъ особенностей, зависящихъ отъ условій мѣста и времени. Прикладная политическая экономія, или экономическая политика, также изслѣдуетъ фактическія хозяйственныя отношенія, но въ связи съ тѣми измѣненіями въ народномъ хозяйствѣ, которыя желательны въ видахъ достиженія человѣческаго благосостоянія. Возможность такихъ измѣненій проистекаетъ изъ того, что человѣкъ своими волевыми дѣйствіями является однимъ изъ факторовъ преобразованія формъ и условій хозяйственной жизни и проведенія этическихъ началъ въ строй народнаго хозяйства. Наряду съ самодѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, расчитанною на усовершенствованіе хозяйственной жизни (выражающуюся, напр., въ улучшеніи техники производства, въ организаціи разныхъ видовъ кооперацій и т. п.), могущественнымъ органомъ реформы хозяйственныхъ отношеній является государство, насколько его дѣятельность проявляется въ экономическомъ законодательствѣ.

Кромѣ этихъ дисциплинъ, изслѣдованіемъ современнаго хозяйства занимается также наука о финансахъ. Изучая отмежеванную ей область государственнаго, земскаго и городского хозяйства, она является въ однѣхъ частяхъ теоретическою, а въ другихъ прикладною дисциплиною.

Въ противоположность съ названными дисциплинами, исторія народнаго хозяйства и исторія экономическихъ ученій имѣютъ своимъ предметомъ не современную, а прошлую хозяйственную жизнь народовъ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она выразилась въ разныя историческія эпохи.

Въ чемъ же состоитъ задача исторіи народнаго хозяйства? Характеръ народнаго хозяйства измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ человѣческой культуры и общественности. Жизнь древнихъ народовъ создала особый

складъ хозяйственныхъ отношеній, отличный отъ хозяйственныхъ условій средневѣковой и новой исторіи. Исторія народнаго хозяйства имѣетъ своею цѣлью выяснить характерныя черты хозяйственной жизни народовъ въ различные періоды исторіи Слѣдя за смѣною формъ хозяйственной жизни въ порядкѣ ихъ исторической послѣдовательности, историческая часть науки о хозяйствѣ показываетъ, какъ совершался самый ходъ преобразованія однѣхъ формъ хозяйственной жизни въ другія и въ какомъ направленіи шелъ процессъ измѣненій, подготовившій современный намъ строй народнаго хозяйства.

Перейдемъ теперь къ предмету исторіи экономическихъ ученій или къ исторіи самой политической экономіи. Политическая экономія, какъ стройная система знаній о явленіяхъ и законахъ народнаго хозяйства, по происхожденію своему относится ко второй половинѣ 18-го вѣка. До этой эпохи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, существовали отрывочныя и не систематизированныя экономическія ученія, обсуждавшія разныя явленія хозяйственной жизни. Исторія экономическихъ ученій, знакомя съ различными явленіями экономической литературы, въ порядкѣ ихъ развитія, въ то же время имѣетъ цѣлію показать, какъ постепенно слагалась и развивалась экономическая наука. Исторія экономическихъ ученій занимаетъ очень видное мѣсто въ изученіи политической экономіи. Дѣло въ томъ, что по многимъ вопросамъ народнаго хозяйства политическая экономія не дала еще опредѣленныхъ отвѣтовъ. Эти вопросы находятся въ состояніи критической разработки, и по нимъ мы имѣемъ весьма различныя ученія экономическихъ школъ. Поэтому къ исторіи политической экономіи, при современномъ положеніи экономическихъ знаній, въ особенности можетъ быть примѣнено выраженіе Гете: Die Geschichte der Wissenschaft ist die Wissenschaft selbst (т. е. исторія науки есть сама наука). Особенную важность представляетъ въ этомъ отношеніи для политической экономіи изученіе экономическихъ ученій новаго времени: все современное содержаніе политической экономіи слагается изъ элементовъ знанія, составляющихъ достояніе отдѣльныхъ экономическихъ школъ. Почти каждая изъ экономическихъ школъ представляетъ плодъ небезуспѣшныхъ усилій къ уясненію явленій хозяйственной жизни народовъ. Но отсюда далѣе долженъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ. Формируя систему знаній современной политической экономіи изъ результатовъ, добытыхъ отдѣльными школами, спрашивается, что же мы должны брать изъ содержимаго каждой изъ нихъ, что въ системѣ данной школы слѣдуетъ считать положительными истинами и что ошибками? Что каждая школа привнесла въ общую сумму экономическаго знанія, что слѣдуетъ отнести на счетъ случайныхъ заблужденій, вытекавшихъ изъ условій времени, господствующихъ вѣяній и настроеній вѣка? Только послѣ такой критической оцѣнки экономическихъ школъ возможно научное построеніе политической экономіи. Отвѣты на поставленные вопросы, или, другими словами, уясненіе науч-

наго достоинства каждой изъ экономическихъ школъ должна намъ представить исторія политической экономіи; она должна намъ показать, въ какой мѣрѣ каждая школа своими трудами содѣйствовала прогрессу и усовершенствованію экономическихъ знаній, что̀ и какимъ образомъ каждая изъ школъ прибавила къ суммѣ экономическихъ знаній.

Исторія экономическихъ ученій и исторія народнаго хозяйства представляютъ двѣ совершенно отличныя области экономической науки: одна изъ нихъ имѣетъ дѣло съ областью мысли, другая съ областью жизни. Но эти двѣ области явленій хозяйственной культуры находятся въ постоянномъ соприкосновеніи, при чемъ явленія хозяйственной жизни всегда вліяютъ на складъ хозяйственныхъ идей даннаго времени, а съ другой стороны, и самыя хозяйственныя воззрѣнія, въ свою очередь, вліяютъ на перемѣны въ хозяйственномъ быту: извѣстно, напр., что система экономическихъ ученій А. Смита имѣла огромное вліяніе на законодательство почти цѣлаго столѣтія послѣ ея появленія. Вслѣдствіе такого соприкосновенія этихъ двухъ областей жизни и мысли, и науки, занимающіяся ими, т. е. исторія народнаго хозяйства и исторія экономическихъ ученій имѣютъ тѣсную связь между собою Эта тѣсная связь и взаимодѣйствіе между явленіями экономической жизни и мысли проявляется, какъ мы сейчасъ увидимъ, во всемъ процессѣ развитія экономическихъ ученій. Прежде всего замѣчается слѣдующее явленіе: складъ общественно-хозяйственныхъ отношеній данной эпохи отражается на всемъ складѣ экономическихъ ученій. Дѣло въ томъ, что какою бы философскою независимостью, повидимому, не отличались экономическія ученія данной эпохи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи непремѣнно можно открыть ихъ тѣсную органическую связь со всѣмъ строемъ народнаго хозяйства того времени. Если отбросить случайныя прибавки, то легко обнаружится цѣль преслѣдуемая авторомъ даннаго экономическаго ученія, хотя бы онъ ее открыто и не формулировалъ, а именно, послѣ нѣкотораго предварительнаго анализа, всякое ученіе, занимающее извѣстное мѣсто въ исторіи экономической литературы, оказывается или защитой извѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій своего времени, которыя старается идеализировать или, наоборотъ, въ немъ въ болѣе или менѣе откровенной формѣ заключается критика и опроверженіе разныхъ сторонъ хозяйственныхъ состояній и учрежденій. При ближайшемъ разсмотрѣніи можно замѣтить, что экономическія нужды и потребности даннаго времени, рождающія разные экономическіе вопросы, даютъ первый толчекъ развитію экономическихъ идей и указываютъ до нѣкоторой степени направленіе, въ которомъ принимается работать теоретическая мысль просвѣщенныхъ людей вѣка. Это главнѣйшій путь, которымъ совершается возникновеніе и развитіе экономическихъ ученій, въ особенности въ раннія эпохи исторіи экономическихъ ученій. При этомъ нужно упомянуть и о другомъ процессѣ, которымъ совершается развитіе экономическихъ ученій,—чисто логическомъ. Онъ

основывается на критикѣ существующихъ экономическихъ ученій и сличеніи ихъ съ дѣйствительною жизнью. Этотъ процессъ характеризуетъ болѣе поздняя эпохи исторіи политической экономіи.

Тѣсная связь между явленіями хозяйственной жизни и хозяйственной мысли—съ одной стороны, и между исторіей народнаго хозяйства и исторіей хозяйственныхъ ученій—съ другой, даетъ основаніе экономистамъ при преподаваніи экономической науки излагать ихъ совмѣстно. Обыкновенно излагается исторія экономическихъ ученій, или исторія политической экономіи, въ связи съ исторіей развитія народнаго хозяйства или, наоборотъ, смотря потому, имѣется ли въ виду посвятить преимущественное вниманіе тому или другому отдѣлу науки. Руководствуясь приведенными мотивами, и я въ своемъ курсѣ чтеній буду излагать исторію хозяйственныхъ ученій въ связи съ исторіей народнаго хозяйства. При этомъ мы избираемъ предметомъ нашего преимущественнаго вниманія исторію хозяйственныхъ ученій, т е. исторію политической экономіи, ограничиваясь въ области хозяйственной исторіи общими очерками характерныхъ чертъ народнаго хозяйства въ различныя историческія эпохи.

Періоды въ исторіи политической экономіи. Во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, по выраженію Д. С. Милля, наука является гораздо позже практики. Предметъ изслѣдованія политической экономіи—хозяйство—всегда было однимъ изъ главныхъ практическихъ интересовъ человѣчества, иногда чрезмѣрно заслонявшихъ собою всѣ другіе интересы. Сама же наука, политическая экономія, явилась только очень недавно. Прежде чѣмъ стать наукой, политическая экономія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, оставалась на степени искусства. Люди долгое время удовлетворяли своимъ экономическимъ потребностямъ, хозяйничали, производили продукты, перевозили ихъ, обмѣнивали, не думая о причинахъ и законахъ различныхъ хозяйственныхъ явленій. Требовались вѣка для того, чтобы человѣчество успѣло, по требованію практической жизни, скопить извѣстный запасъ опыта и наблюденій надъ своею хозяйственною жизнью и изъ нихъ вывести правила хозяйственнаго искусства, которыми можно руководиться въ области отдѣльныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности, для болѣе успѣшнаго выполненія хозяйственныхъ задачъ. Изъ практическаго искусства политическая экономія постепенно становится наукой, т. е. системою знаній о законахъ общественно-хозяйственныхъ явленій.

Научное существованіе политической экономіи надо считать только со второй половины 18-го вѣка, а до того времени она представляла собою собраніе эмпирическихъ положеній и практическихъ совѣтовъ въ области хозяйственной жизни, сгруппированныхъ по разнымъ системамъ. Такой характеръ носили экономическія ученія античныхъ писателей, воззрѣнія отцовъ церкви, система меркантилистовъ и ученія ихъ ближайшихъ предшественниковъ. Можно задаться вопросомъ, въ чемъ заключаются причины столь поздняго сравнительно, напримѣръ, съ правомъ, возникновенія

науки, затрагивающей существенные интересы общества? Есть ли это проявленіе простого каприза человѣческой любознательности, которая въ сферѣ обществовѣдѣнія прежде всего направилась на изученіе права, исторіи, оставивъ въ пренебреженіи область экономическихъ явленій? Вѣроятно, это явленіе имѣетъ другое объясненіе. Экономическія науки для своего появленія, такъ сказать, ждали того историческаго момента, когда въ области человѣческаго знанія и обществовѣдѣнія окрѣпли позитивные методы изслѣдованія. Для того, чтобы обосновались экономическія науки, необходимо было, чтобы предварительно явился Беконъ со своимъ методомъ индукціи, появилось естествознаніе, требовалось достиженіе извѣстной стадіи развитія наукъ политическихъ и философіи, давшихъ цѣлый рядъ основныхъ посылокъ для построенія системы экономическихъ знаній. Это не простая случайность, что основателями первыхъ научныхъ школъ въ экономическихъ наукахъ были—врачъ Франсуа Кене, инженеръ и математикъ Вобанъ, философы, какъ Адамъ Смитъ и Юмъ.

Соотвѣтственно тѣмъ стадіямъ, которыя прошла въ своемъ развитіи политическая экономія, можно раздѣлить исторію экономическихъ ученій на четыре періода.

Первый періодъ обнимаетъ древніе и средніе вѣка. Политическая экономія этого времени состоитъ изъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ ученій, которыя большею частью являются слитыми съ другими тогда существовавшими науками—правомъ, философіей и религіей. Второй періодъ начинается съ новыхъ временъ, съ 15 вѣка и продолжается до половины 18-го стол. Политическая экономія этой поры находится на степени искусства. Экономическія ученія этого времени имѣютъ своимъ предметомъ проектированіе разнаго рода мѣропріятій для увеличенія народнаго богатства и критику недостатковъ экономической политики государства. Третій періодъ, начинаясь съ половины 18-го столѣтія, и до нашего времени, представляетъ эпоху научной разработки политической экономіи. Экономическая наука теперь уже является системой знаній, расчитанныхъ на уясненіе причинной связи и законовъ экономическихъ явленій. Разработанная свойственными ей методами, политическая экономія этого періода заняла опредѣленное, признанное мѣсто въ ряду другихъ общественныхъ наукъ, какъ самостоятельная отрасль знанія.

Наконецъ, можно отмѣтить и четвертый періодъ въ исторіи политической экономіи, который можно назвать методологической фазой въ развитіи политической экономіи. Это моментъ, когда въ этой наукѣ, достаточно переработавшей свой матеріалъ и уже сложившейся въ систему знаній, начинаютъ ставиться и разсматриваться вопросы о ея предѣлахъ, задачахъ и методахъ. Но и послѣ того, какъ политической экономіи удалось преодолѣть трудные методологическіе вопросы, развитіе ея этимъ, конечно, не заканчивается и не останавливается, она развивается непрерывно, по законамъ всего живого, такъ какъ ея

объектъ—хозяйственная жизнь—въ процессѣ историческаго развитія непрерывно измѣняется, создавая все новыя и новыя формы общественно-хозяйственной организаціи и новыя комбинаціи экономическихъ явленій. Но съ этого момента политическая экономія обладаетъ уже извѣстнымъ готовымъ синтезомъ для болѣе точнаго ориентированія въ новомъ кругу экономическихъ явленій, выдвигаемыхъ непрерывной исторической эволюціей, а потому дальнѣйшее ея развитіе слѣдуетъ болѣе точнымъ путемъ, подъ контролемъ теоретически формулированныхъ законовъ методологіи и теоріи познанія. Хотя въ политической экономіи трудности разрѣшенія методологическихъ проблемъ не окончательно преодолѣны, но основные методологическіе вопросы получили правильную постановку, благодаря, съ одной стороны, трудамъ исторической школы, и, съ другой стороны,—англійской школѣ теоретиковъ съ Джономъ Стюартомъ Миллемъ во главѣ, а также школѣ австрійскихъ теоретиковъ, виднымъ представителемъ которыхъ является вѣнскій профессоръ Карлъ Менгеръ [1]).

Пособія по исторіи политической экономіи. Julius Kautz, Die Geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomie und ihrer Literatur. Wien. 1860 г. Blanqui, Histoire de l'économie politique en Europe. 2 vol. 1837, 4 édit. Paris. 1860, русскій перев. Бибикова. E. During, Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Socialismus. Berlin. 1871, 4 neubearbeitete Auflage. Leipzig. 1900 г. Морицъ Мейеръ, Главныя теченія въ современной политической экономіи, русскій перев. съ 4 изд. «Die neuere National-Oekonomie in ihre Hauptrichtungen». С.-Петербургъ 1891 г. H. Eisenhardt, Geschichte der Nationalokonomie, Jena 1881. I. K Ingram A. History of political economiy Edinburg. 1888, русскій перев. подъ ред. проф. Янжула, Москва 1891 г., есть 2-е изд. Luidgi Cossa. Histoire des doctrines économiques. Paris. 1899 г., перев. съ итальянск. Русскій перев. «Исторія экономич. ученій». Кіевъ. 1900 г. Al Block. Du progrès de la science économique. Paris. 1890. A. Espinas, Histoire des doctrines économiques. Paris. 1892. H. Х. Бунге. Очерки политико-экономической литературы. С.-Петербургъ. 1895 г. А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи. Лекціи. М. 1892 г. Л. В. Ѳедоровичъ Исторія политической экономіи. Одесса. 1890 г. М Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи (начиная съ А. Смита). С.-Петербургъ. 1903 г. И. И. Ивановъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ А. Смита до настоящаго времени. С.-Петербургъ. 1894 г. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ.

---

[1]) Приведенное нами разграниченіе періодовъ исторіи политической экономіи совпадаетъ съ дѣленіемъ, принятымъ въ извѣстномъ курсѣ Луиджи Косса, который называетъ первый періодъ фрагментарнымъ, второй—періодомъ монографій и эмпирическихъ системъ, третій—періодомъ научныхъ системъ и четвертый—періодомъ современной критики.

ДРЕВНІЙ МІРЪ

очеркъ хозяйственнаго быта Греціи.

Греческое хозяйство патріархальнаго періода. Характерною чертою быта древней Греціи было преобладаніе натуральнаго хозяйства. Единицею хозяйственной организаціи древней Греціи было домашнее хозяйство, хозяйственный домъ—οἶκος, семья не въ современномъ, а въ патріархальномъ смыслѣ слова. Такая семья состояла не изъ однихъ только членовъ, соединенныхъ кровною связью, но также изъ лицъ подчиненныхъ—рабовъ. Для образованія хозяйства, по словамъ греческаго поэта Гезіода, необходимо имѣть жену и рабочаго вола. Волъ же, по словамъ Аристотеля, можетъ замѣнить раба. Такая патріархальная семья въ хозяйственномъ отношеніи составляла самоудовлетворяющееся цѣлое, не нуждавшееся въ сосѣдствѣ себѣ подобныхъ союзовъ, потому что она сама изготовляла всѣ продукты своего собственнаго потребленія. Одни лишь предметы роскоши—дорогія матеріи и драгоцѣнные металлы и издѣлія изъ нихъ—пріобрѣтались путемъ обмѣна на домашнія произведенія. Производство для домашняго потребленія было правиломъ, а производство для обмѣна рѣдкимъ исключеніемъ. По выраженію Родбертуса, въ этой патріархальной семьѣ количество продуктовъ собственнаго производства по отношенію къ продуктамъ, получаемымъ путемъ обмѣна, выражалось отношеніемъ 100:1. Такой типъ хозяйства наблюдается у всѣхъ народовъ на раннихъ ступеняхъ развитія. Въ политической экономіи онъ получилъ очень опредѣленный терминъ: Oiken-Wirthschaft—ойкосное хозяйство. Говорить о хозяйственной дѣятельности этихъ самоудовлетворяющихся патріархальныхъ семействъ значитъ говорить о земледѣльческой промышленности и скотоводствѣ, такъ какъ земледѣліе составляло главный источникъ ихъ существованія. Существовали и ремесла, но они были въ зачаточномъ состояніи и размѣры ихъ производства не превышали размѣровъ домашняго потребленія ремесленныхъ произведеній. Но и въ болѣе поздній періодъ греческой исторіи, въ вѣкъ Солона, когда обрабатывающая промышленность начала выдѣляться, какъ отдѣльная отрасль хозяйства, то эта промышленность возникала въ предѣлахъ домашняго хозяйства, составляя одну изъ его частей. Глава въ этой патріархальной семьѣ

въ хозяйственномъ отношеніи является въ роли управителя и землевладѣльца. На правѣ землевладѣнія основывалось право участія въ государственномъ управленіи. Греція, такимъ образомъ, въ теченіе почти всей своей исторіи представляется государствомъ аристократическимъ и земледѣльческимъ.

Весь хозяйственный трудъ въ ойкосѣ въ патріархальный періодъ греческой исторіи раздѣляли домохозяева со своими рабами, которыхъ тогда было не много. Ойкосъ былъ хозяйственной и административной самоуправляющей единицей: между нимъ и государствомъ не существовало никакого посредствующаго союза И по Аристотелю, аттическое государство было только непосредственною связью отдѣльныхъ патріархальныхъ семействъ ойкосовъ Каждая такая патріархальная семья представлялась, по словамъ Мэна, въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ безусловно независимой и автономной. Ихъ положеніе можно сравнить съ современными юридическими лицами, существующими независимо отъ измѣненія состава индивидуумовъ, представляющихъ юридическое лицо. Юридическія и экономическія отношенія между этими патріархальными союзами этого періода не носятъ характера живыхъ сношеній между лицами, но скорѣе имѣютъ значеніе международныхъ сдѣлокъ. Въ случаѣ преступленій, семья отвѣчаетъ за него какъ политическій союзъ (круговая порука, родовая месть). Существовала, кромѣ семьи, община, но она произошла отъ разрастанія и дифференцированія семьи, т. е. это былъ союзъ механическій (Аристотель. Политика). Семья съ семьей имѣли между собою соприкосновеніе и отношеніе черезъ посредство государства.

Отмѣченныя нами черты ойкоснаго хозяйства ярко выступаютъ въ описаніи домашняго хозяйства, которое даетъ намъ Одиссея Гомера. Одиссея рисуетъ намъ въ яркихъ поэтическихъ краскахъ характеръ домашняго хозяйства первобытной Греціи. Домъ Одиссея—это типичный οἶκος. Правда, это хозяйственный домъ самого зажиточнаго домовладыки, царя, но въ его описаніи мы вездѣ имѣемъ указанія, что домъ и домашнее хозяйство Одиссея отличалось отъ другихъ, рядомъ съ ними существовавшихъ хозяйствъ, не качественно, но количественно. Такъ, жилище и постройки Одиссея больше по величинѣ и красивѣе другихъ, стада и виноградники у него несравненно обширнѣе, рабовъ больше, чѣмъ у его сосѣдей. Но разница не идетъ дальше этого. Въ домѣ Одиссея пріобрѣтались куплей ядъ для отравленія стрѣлъ, оружіе, мѣдь, золото и дорогія ткани. Очень большое количество этихъ товаровъ привозитъ Одиссей изъ Θеакіи, по возвращеніи своемъ изъ странствій. За исключеніемъ этихъ предметовъ, домъ Одиссея, какъ и всѣ другіе аттическіе дома, довольствуется продуктами домашняго производства. Это въ особенности видно изъ описанія пировъ жениховъ Пенелопы, въ отсутствіе Одиссея. Для этихъ пировъ пастухи Одиссея доставляютъ воловъ и свиней, домашняя

ключница снабжаетъ виномъ и хлѣбомъ, добытыми изъ собственныхъ полей и виноградниковъ. Хозяйство Одиссея распадается, такъ сказать, на нѣсколько вѣдомствъ, каждое со своимъ штатомъ рабовъ и управителей. Въ самомъ домѣ хозяйничаетъ жена Одиссея и ея довѣренная служанка, завѣдующая кухнею, погребами, домашними работами. Изъ домашнихъ работъ женскія рукодѣлія занимаютъ видное мѣсто, такъ до 50-ти служанокъ занимаются подъ руководствомъ своей госпожи пряденіемъ шерсти и приготовленіемъ одежды, а 12 рабынь занимаются помоломъ хлѣба на ручныхъ мельницахъ. Въ поляхъ Одиссея—свое отдѣльное управленіе. Старикъ Лаэртъ, отецъ Одиссея, находитъ свой отдыхъ послѣ боевой жизни въ завѣдываніи виноградниками. По возвращеніи своемъ Одиссей застаетъ его въ саду занятымъ очисткою деревьевъ. Многочисленными стадами воловъ и свиней завѣдываетъ рабъ Эвмей, названный за свое, очевидно, по представленію грековъ, почетное занятіе, богоподобнымъ. Нужно быть очень свѣдущимъ хозяиномъ, располагать извѣстнымъ практическимъ умомъ для того, чтобы умѣть управлять всѣми этими разнообразными отраслями домашняго хозяйства, которое заключало въ себѣ значительное населеніе до 100 и 150 человѣкъ. Умѣніе управлять ойкосомъ высоко цѣнилось у грековъ. Быть господиномъ, говорится у Гезіода, не значитъ имѣть рабовъ, а означаетъ умѣть управлять ими.

Простота первобытныхъ отношеній мало еще нарушена въ Одиссеевомъ хозяйствѣ. Одиссей и Лаэртъ—греческіе цари—сами знаютъ всякую домашнюю работу: Лаэртъ—садовникъ, а Одиссей собственными руками дѣлаетъ кровати для дома и не затрудняется сдѣлать себѣ лодку и деревянный плотъ въ разныхъ трудныхъ положеніяхъ своего путешествія. Дочь ѳеакійскаго царя ходитъ на рѣку мыть домашнее бѣлье вмѣстѣ съ своими служанками, и даже Аоина, богиня, не брезгаетъ помогать ей въ этомъ дѣлѣ. Хозяйственный трудъ въ эту патріархальную эпоху не успѣлъ еще сдѣлаться предметомъ пренебреженія высшихъ классовъ, какъ это имѣло мѣсто въ послѣдующій періодъ греческой исторіи.

Положеніе рабовъ въ этихъ патріархальныхъ семьяхъ, домахъ, близко походило на положеніе младшихъ членовъ семьи, домочадцевъ. По возвращеніи Одиссея въ свой домъ его встрѣчаетъ весь штатъ прислуги и рабовъ, не какъ рабовладѣльца, держащаго ихъ въ неволѣ, а какъ домоправителя, который одинъ можетъ возстановить нарушенный въ домѣ порядокъ и поставить на настоящую ногу домашнее хозяйство. Они при этомъ изъявляютъ чувства непритворной привязанности и почтенія, и весь домъ сливается въ общей радости по случаю возвращенія Одиссея. За вѣрную, долгую службу рабовъ господинъ надѣлялъ отдѣльныя семьи рабовъ участкомъ земли и позволялъ имъ вести свое самостоятельное домашнее хозяйство. Въ своихъ мечтахъ о возвращеніи Одиссея Евмей, пастухъ Одиссея, надѣется на такого рода награду за свою службу. Зажиточные рабы сами могли имѣть своихъ рабовъ. Евмей по возвраще-

ніи Одиссея представляетъ ему раба, купленнаго на собственныя деньги у ѳеакійскихъ купцовъ. Замѣчаніе Мэна,—что отношенія между патріархальными семьями близко напоминаютъ международныя отношенія, подтверждаются тѣмъ положеніемъ, которое заняли по отношенію къ дому Одиссея, во время его отсутствія, сосѣдніе домовладыки, выступившіе претендентами на руку Пенелопы. Поведеніе жениховъ Пенелопы въ домѣ Одиссея напоминаетъ реквизицію воюющаго народа въ непріятельской странѣ: они считаютъ себя въ правѣ, какъ будто бы это было въ порядкѣ вещей, по цѣлымъ днямъ пировать въ домѣ Одиссея и распоряжаться его хозяйскимъ добромъ.

Послѣ этой характеристики первоначальнаго типа хозяйства древней Греціи, еще разъ констатируемъ черты, отличающія его отъ современнаго хозяйства. Ойкосный типъ хозяйства древней Греціи характеризируется отсутствіемъ общественнаго раздѣленія промышленныхъ занятій. Обрабатывающая промышленность, торговля и земледѣліе не составляютъ занятія отдѣльныхъ классовъ общества. Всѣ эти занятія входили въ комплексъ одного и того же хозяйства—дома. Господинъ дома отряжалъ часть своихъ рабовъ для занятія земледѣліемъ, а другую заставлялъ обработывать сырыя произведенія собственнаго домашняго хозяйства, заниматься ремеслами. Самъ же, пользуясь досугомъ, ѣздилъ иногда за заморскими товарами. Продукты, производимые въ ойкосѣ, большею частью потреблялись на мѣстѣ членами этой патріархальной семьи.

Разложеніе домашняго (ойкоснаго) хозяйства Аттики. Развитіе торговыхъ сношеній. Существенныя измѣненія въ строѣ патріархальнаго хозяйства Аттики внесли три крупные факта въ исторію послѣдующаго періода: развитіе торговли, огромный ростъ класса рабовъ и выдѣленіе обрабатывающей промышленности, какъ самостоятельной отрасли хозяйства. Соціальный составъ Аттическаго населенія послѣдующаго періода характеризуется образованіемъ среди него новыхъ элементовъ—полусвободныхъ и неполноправныхъ гражданъ-метековъ, значеніе которыхъ въ Аѳинскомъ государствѣ основывалось на томъ, что они обслуживали новыя отрасли народнаго хозяйства—торговлю и обрабатывающую промышленность

Иностранная заморская торговля и обмѣнъ греческихъ произведеній на продукты иноземныхъ народовъ заняли видное мѣсто въ Греціи, начиная уже съ 7 вѣка до Р. Х. Греція лежала на большой морской дорогѣ, по которой въ древности вели торговыя сношенія финикіяне, развозившіе, какъ извѣстно, свои товары по Средиземному морю до Египта и Гибралтарскаго пролива. Приморское положеніе Греціи, чрезвычайно извилистая береговая линія, съ глубоко вдающимися въ материкъ заливами, масса острововъ, разсѣянныхъ въ ея моряхъ, служившихъ удобными этапами для остановокъ при дальнихъ плаваніяхъ по Черному морю и къ Малой Азіи,—все это вмѣстѣ ставило Грецію въ весьма благопріятное положеніе для развитія иностранной торговли. На путь иностранныхъ торговыхъ

сношеній прежде всего толкалъ Грецію недостатокъ собственныхъ естественныхъ произведеній для прокормленія народонаселенія. Въ обыкновенное время она должна была ввозить отъ $^1/_3$ до $^2/_3$ хлѣба, необходимаго для потребленія, въ годы же войны, когда значительная часть земель оставалась безъ обработки, а также при неурожаѣ, нужда въ привозимомъ хлѣбѣ еще болѣе увеличивалась. Въ свою очередь, Греція, являясь страною мало удобною для хлѣбопашества, въ изобиліи производила оливки, оливковое масло, разнообразные фрукты и въ особенности много фигъ, винограда и вина, которое было въ Греціи очень дешево [1]). Кромѣ того, въ Греціи добывалось много металловъ, въ особенности серебра, процвѣтали керамическія издѣлія, начиная отъ простой домашней посуды и кончая художественными вазами. Всѣ эти товары были предметомъ вывоза въ обмѣнъ на хлѣбъ и предметы роскоши восточныхъ народовъ. На широкое развитіе иностранной торговли указываетъ существованіе особыхъ учрежденій для надзора и регулированія торговыхъ оборотовъ (метрономы или наблюдатели за мѣрами и вѣсами, агорономы—смотрители за рынками и Пирейскою гаванью и т. п.). Развитіе торговыхъ сношеній повело къ образованію особаго класса торговцевъ, неизвѣстнаго патріархальному греческому хозяйству. Повидимому, первые купцы были иностранцы, пребываніе которыхъ на греческой территоріи было обставлено такою же опекою и надзоромъ, какіе практиковались въ средневѣковой Англіи (институтъ хозяевъ, надзоръ мэра и констеблей). Изъ иностранцевъ и частью вольноотпущенниковъ впослѣдствіи сложился особый классъ «метековъ», соціальное значеніе которыхъ основывалось на ихъ занятіяхъ торговлей и промышленностью. Не пользуясь правами гражданства, метеки, по мѣрѣ роста ихъ достатка, фактически пріобрѣли прочную позицію и, въ эпоху самаго высокаго развитія аѳинской демократіи, они получили широкій доступъ въ народное собраніе; иногда все собраніе составлялось изъ бывшихъ метековъ и ремесленниковъ. Число ихъ во времена Солона достигло 10 тысячъ, а въ 3-мъ вѣкѣ они въ два раза превышали число гражданъ [2]).

Коренное преобразованіе въ складѣ натуральнаго патріархальнаго хозяйства вызвано было огромнымъ увеличеніемъ числа рабовъ, начиная съ 6 вѣка, которое къ 3 вѣку до Р. Х. достигло огромной цифры.

Происхожденіе и численный составъ рабовъ. Первоначальный контингентъ рабовъ образовался вслѣдствіе завоеванія пришлыми греческими племенами первоначальныхъ поселенцевъ Греціи. Эти аборигены, обращенные въ рабство или крѣпостное состояніе, извѣстны были въ теченіе почти всей греческой исторіи подъ именемъ періэковъ и илотовъ. Составъ рабовъ пополнялся новыми элементами путемъ обращенія въ рабство военноплѣнныхъ и несостоятельныхъ должниковъ, попавшихъ

[1]) Белохъ, Исторія Греціи, т. I, стр. 323.

[2]) Büchsenschütz, Besitz und Erwerb im griechischen Alterthum. 1869, стр. 323.

въ кабалу къ своимъ заимодавцамъ. Кромѣ того, въ бассейнахъ Чернаго и Средиземнаго морей велась обширная торговля рабами, и, начиная съ 6-го вѣка, въ этой торговлѣ значительное участіе принимали греки, покупавшіе массами рабовъ, трудъ которыхъ широко примѣнялся въ земледѣліи, ремесленныхъ мастерскихъ и въ рудникахъ. По своей численности рабы составляли преобладающее большинство греческаго населенія, какъ объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ фактамъ, засвидѣтельствованнымъ исторіей. Въ битвѣ при Платеѣ спартанскія войска состояли изъ 8,000 спартанцевъ и 56,000 илотовъ. Если этотъ составъ спартанскаго войска находился въ пропорціональномъ отношеніи къ общему составу свободныхъ и не свободныхъ семействъ, населявшихъ Спарту, то, принимая среднюю численность семьи въ 4 человѣка, окажется по этому расчету, что въ одной Спартѣ было 224.000 рабовъ и только 32,000 гражданъ. На основаніи подобныхъ случайныхъ указаній, извѣстный знатокъ хозяйственныхъ отношеній въ древней Греціи Bockh, посредствомъ цѣлаго ряда сопоставленій, приходитъ къ выводу, что, въ цвѣтущій періодъ аттической жизни, въ Аттикѣ было всѣхъ взрослыхъ гражданъ 20,000, а съ женами и дѣтьми до 94,500. Затѣмъ, разнаго рода зависимыхъ лицъ, полусвободныхъ и иностранцевъ (метековъ) 10,000, а съ женами и дѣтьми включительно—45,000, и, наконецъ, было 365,000 рабовъ, среди которыхъ мало было женатыхъ. Число же рабовъ на всемъ греческомъ полуостровѣ простиралось до 4 милліоновъ [1]).

Какими же отношеніями платили ораторствующіе, философствующіе и отдававшіеся политикѣ греческіе граждане этой многотысячной массѣ несвободныхъ, на которыхъ почти всею своею тяжестью ложился хозяйственный трудъ страны?

Судя по многочисленнымъ мѣстамъ Иліады и Одиссеи, положеніе рабовъ въ патріархальный періодъ греческой исторіи было не угнетенное. Гомеръ передаетъ только характерную черту греческихъ нравовъ, когда говоритъ, что всевѣдущій Зевсъ лишаетъ почета того господина, который обременяетъ раба излишнею работою. Въ томъ же смыслѣ характеризуетъ и другое изреченіе древняго греческаго поэта, что рабъ совершаетъ проступки только тогда, когда онъ бываетъ вынужденъ дурнымъ обращеніемъ господина. Хотя юридически рабъ считается вещью и полной собственностью господина, но въ дѣйствительности положеніе рабовъ смягчалось патріархальными нравами. Рабы находились на положеніи домочадцевъ и низшихъ членовъ семьи. Первобытная простота жилища, пищи и одежды сближала рабовъ съ господами, такъ какъ въ этихъ предметахъ довольствія послѣдніе мало чѣмъ отличались отъ рабовъ. Особенно хорошимъ положеніемъ пользовались рабы въ тѣхъ мѣстахъ Греціи, гдѣ никогда не было завоеванія, какъ, напримѣръ, въ Аркадіи, въ которой аристократи-

[1]) August Boeckh, Die Staatshaushaltung der Athener, т. I, стр 40

ческія семьи, стоявшія во главѣ ойкоса, сами обрабатывали свои участки, пользуясь рабами, какъ товарищами и помощниками.

Въ послѣдующій періодъ греческой исторіи положеніе рабовъ ухудшалось, вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ численности. Въ особенности тягостное положеніе рабовъ было въ рудникахъ частныхъ владѣльцевъ, а также принадлежавшихъ аѳинскому государству, гдѣ число занятыхъ рабовъ простиралось до 150000. Трудно также приходилось и тѣмъ рабамъ, которыхъ владѣльцы пріобрѣтали съ тѣмъ, чтобы, съ своей стороны, отдавать ихъ рабочую силу въ наемъ собственникамъ ремесленныхъ мастерскихъ или горныхъ копей. Въ эту пору сложилось то презрительное отношеніе къ ремесленному труду, которымъ проникнуты воззрѣнія почти всѣхъ греческихъ мыслителей. Но, начиная уже съ половины 5-го вѣка, замѣчается болѣе смягченное отношеніе къ рабамъ. Рабы пользовались матеріальнымъ достаткомъ и относительною свободою [1]). Историки Греціи справедливо ставятъ это явленіе въ связь съ ростомъ уваженія въ греческомъ обществѣ къ ремесленному труду, значеніе котораго было поднято, благодаря художественнымъ работамъ, предпринятымъ по иниціативѣ Перикла для украшенія Аѳинъ (постройка дорогихъ зданій, статуй), когда, наряду съ рабами, работала масса свободныхъ рабочихъ. Эти художественныя работы для своего исполненія требовали помощи чисто ремесленнаго труда, вслѣдствіе того въ вѣкъ Перикла въ особенности поднялось значеніе ремеслъ въ глазахъ грековъ, и они перестали считаться позорными занятіями.

Кромѣ рабовъ, главный контингентъ ремесленниковъ составляли вольноотпущенники и метеки, т. е. національно-ассимилировавшіеся въ Аттикѣ иностранцы. Въ вѣкъ Перикла занятія ремеслами сдѣлались столь почетны, что они давали доступъ къ полной свободѣ, а нерѣдко вели за собою и дарованіе политическихъ правъ гражданства. Это уже многознаменательный фактъ указывающій на значеніе, которое пріобрѣтаетъ обрабатывающая промышленность, начавшая выбиваться изъ-подъ ойкосной формы и постепенно дѣлаться самостоятельною отраслью въ системѣ народнаго хозяйства.

---

[1]) „Рабы и мѣщане (метеки), пишетъ Ксенофонтъ, пользуются въ Аѳинахъ крайней необузданностью; въ Аѳинахъ нельзя ударить раба, и онъ не уступитъ тебѣ дороги. Если бы былъ законъ, чтобы свободный билъ раба или метека, вольноотпущинника, то очень часто приходилось бы бить аѳинянина, принявъ его за раба, такъ какъ тамъ народъ носитъ платье ничуть не лучше, чѣмъ рабы или метеки, и по наружности они ничѣмъ не лучше. Если для кого удивительно это, что они дозволяютъ рабамъ роскошь и пышность, то окажется, что и это сдѣлано съ цѣлью. Тамъ, гдѣ сила заключается въ корабляхъ для полученія прибыли, нужно быть снисходительнымъ къ рабамъ и давать имъ свободу. Вотъ почему мы дали рабамъ право голоса наравнѣ съ свободными, метеками и горожанами. Городъ нуждается въ метекахъ, ихъ требуетъ флотъ и множество ремеслъ. Отсюда и равноправность“. Сочиненія Ксенофонта, переводъ Янчевецкаго, изд. 2-е. Часть V, стр. 60.

Характеръ экономическаго законодательства въ древней Греціи. Движеніе экономической жизни вело къ разложенію ойкоса, но, не смотря на это, ойкосное хозяйство продолжало оставаться въ теченіе всей исторіи аттическаго государства идеаломъ греческихъ законодателей и мыслителей. Ни въ чемъ это явленіе не проявляется съ такою ясностью, какъ въ реформахъ Солона. Около эпохи Солона не только замѣтно стали выдѣляться ремесла, фабрикація и торговля изъ состава ойкоснаго хозяйства, какъ самостоятельная функція отдѣльнаго, вновь образовавшагося класса торговцевъ и капиталистовъ, но эти отрасли промышленности, т. е. торговля и фабрикація начали сильно конкурировать съ ойкоснымъ хозяйствомъ. Эта конкуренція привела къ задолженности и полному подчиненію ростовщикамъ и классу торговому всего средняго и мелкаго землевладѣнія. Откуда же, спрашивается, могла произойти эта задолженность, вѣдь ойкосъ былъ хозяйствомъ, удовлетворявшимъ всѣмъ своимъ потребностямъ въ хозяйственныхъ благахъ, хозяйствомъ, не имѣвшимъ надобности въ мѣновыхъ знакахъ, въ монетѣ, или имѣвшимъ эту надобность въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Объясненіе этого факта не трудно, если посмотрѣть на общее экономическое положеніе аѳинскаго народа въ вѣкъ Солона. Въ Аттикѣ въ эту пору существуетъ денежная аристократія, въ противоположность родовой знати, располагавшая значительной экономической силою, но не имѣвшая никакихъ политическихъ правъ. Этотъ богатый промышленный классъ образовался изъ вольноотпущенниковъ, выдѣлившихся изъ господскаго хозяйства и метековъ. Въ то время, какъ этотъ классъ трудился и создавалъ богатства, владѣльцы ойкосовъ, т. е. старая греческая земледѣльческая аристократія, отвлекаемая отъ хозяйственныхъ занятій войною и политикой, разстраивала свое домашнее хозяйство и прибѣгала къ ссудамъ у вольноотпущенниковъ нѣкогда бывшихъ въ ихъ зависимости Эти ссуды были такъ многочисленны, что гогда практика выработала правильную систему ипотечныхъ займовъ, т. е. займовъ подъ залогъ земель. Нотаріальныхъ записей и крѣпостныхъ актовъ современнаго намъ типа тогда еще не выработалось, но однако, существовала аналогичная нашему нотаріалу система залога, вполнѣ отвѣчавшая потребностямъ тогдашняго несложнаго хозяйственнаго быта. Наши нотаріальныя записи замѣняли столбы, которые ставились на задолженныхъ участкахъ и на которыхъ были написаны: имя заимодавца, количество долга и срокъ уплаты.

Задолженности землевладѣнія очень много содѣйствовала высота античнаго %. Процентъ въ античную эпоху, по сравненію съ современнымъ, необычайно великъ—отъ 30% до 100% (по Беку и Бюксеншютцу). При такой высотѣ % ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что долги росли быстро и во время Солона вся Аттика была покрыта цѣлымъ лѣсомъ ипотечныхъ столбовъ. Это не единственный случай въ исторіи, когда знатная аристократія запутывается въ долги у торговаго и капиталисти-

ческаго класса. Этотъ фактъ многократно повторяется въ исторіи. То же самое было съ феодальной аристократіей въ средніе вѣка, когда она много задолжалась городскимъ общинамъ. Если черезмѣрная задолженность одного лица ведетъ къ нищетѣ и разоренію его, то безысходная задолженность цѣлаго класса ведетъ къ крупнымъ соціальнымъ перемѣнамъ. Феодальная аристократія должна была пасть и раствориться въ новомъ соціальномъ строѣ, болѣе соотвѣтствовавшемъ тогдашнимъ измѣнившимся народнохозяйственнымъ условіямъ, а полная земельная собственность должна была перестать быть привилегіей одного класса и сдѣлаться доступной всѣмъ безъ исключенія классамъ общества. Реформа Солона въ высокой степени проникнута національнымъ аттическимъ духомъ и глубоко консервативна. Законодательнымъ идеаломъ Солона было ойкосное хозяйство. Солоновскія реформы были расчитаны на поддержаніе разлагающагося ойкоса и на сохраненіе привилегированнаго значенія за землевладѣніемъ. Но какъ было это сдѣлать въ виду, такъ сказать, стихійныхъ перемѣнъ въ экономическомъ быту, которыя вели къ разложенію стараго типа хозяйства и которыя пріостановить было не во власти человѣка, хотя бы даже такого геніальнаго, какимъ былъ Солонъ? Оставался путь компромисса. Нужно было поддержать старый ойкосъ, поставивъ въ то же время въ извѣстные предѣлы новыя отрасли хозяйства—торговлю и фабрикацію, которыхъ значеніе росло, поднимая въ то же время значеніе и новаго класса людей, занимавшихся ими. Солонъ ясно видѣлъ, что вольноотпущенники и весь классъ лицъ, лично свободныхъ, но не принадлежавшихъ къ древнимъ аристократическимъ родамъ, фактически пролагаетъ себѣ путь къ землевладѣнію путемъ ипотечныхъ ссудъ. Такіе задолженные участки должны были перейти въ ихъ собственность. Фактъ этотъ былъ уже въ глазахъ глубокаго ума Солона совершившимся. Но Солонъ все-таки старается оставить прежнее привилегированное значеніе за поземельною собственностью, за землевладѣніемъ. И въ реформѣ Солона землевладѣніе остается привилегированной отраслью хозяйства, дающею права полнаго гражданства. Всѣ землевладѣльцы по размѣрамъ своего дохода были раздѣлены на четыре класса. Это дѣленіе на классы произведено не съ цѣлью взиманія постояннаго подоходнаго налога, а только для того, чтобы государство въ критическія минуты могло знать, въ какой мѣрѣ оно можетъ потребовать жертвъ отъ каждаго землевладѣльца. Но въ этомъ самомъ кадастрѣ земли замѣчается уже новое экономическое явленіе, и притомъ громадной важности: земля и ея доходность исчисляется не натурою (количествомъ зерна), а деньгами. Не вполнѣ ясно, какъ именно опредѣлялся доходъ. По Курціусу, онъ относился къ стоимости земли какъ 1:12, такъ что доходъ съ земли въ 500, 300 и 150 мѣръ зерна указывалъ на цѣнность земли 6000, 3600 и 1800 драхмъ. (Одинъ четверикъ зерна—ячменя—стоилъ драхму).

Пятый классъ ѳетовъ составляли всѣ не имѣющіе поземельной собственности, которая одна давала гражданскія права. Тотъ, чье благосостo-

яніе основывалось лишь на скопленныхъ деньгахъ, какъ бы ни былъ онъ богатъ, причислялся къ классу θетовъ. Изъ перваго класса выбирались архонты, изъ первыхъ трехъ классовъ состояла вооруженная сила государства и доходами ихъ имѣній покрывались государственные расходы на веденіе войны. Итакъ, если нельзя было спасти привилегированное положеніе древнихъ аристократическихъ родовъ въ государствѣ, то оказалось возможнымъ сохранить и закрѣпить политическую привилегированность землевладѣнія. Солонъ въ своей реформѣ оставилъ политическія права за землевлевладѣльцами, но землевладѣніе сдѣлали доступнымъ для всѣхъ классовъ общества. И въ его пору успѣли сдѣлаться землевладѣльцами многіе вольноотпущенники и метеки.

Вторая часть Солоновской реформы состояла въ устраненіи задолженности землевладѣнія. И въ этой части реформы, Солонъ, вѣрный господствовавшему въ его время воззрѣнію, приноситъ въ жертву землевладѣльческому классу интересы другихъ уже ясно обозначившихся промышленныхъ сословій. Для этого Солонъ прибѣгъ къ финансовой мѣрѣ Въ Аѳинахъ существовали двѣ монетныхъ системы: счетъ на серебряную и золотую монету. Между цѣнностью золотого и серебрянаго таланта установилось извѣстное соотношеніе. А именно: стоимость золотого и серебрянаго таланта относилась какъ 100:137. Слѣдовательно, серебряная монета, чтобы соотвѣтствовать цѣнности золотой, должна быть много тяжеловѣснѣе послѣдней. По такому масштабу она раньше и чеканилась. Солонъ же началъ чеканить и серебряную монету одинаковаго названія и одинаковаго вѣса съ золотой. Затѣмъ позволилъ задолженнымъ землевладѣльцамъ уплачивать свой долгъ, вмѣсто золотой, серебряной монетой одинаковаго вѣса. Такимъ путемъ всѣ поземельные долги были понижены на 28% Задолженность вслѣдствіе этой мѣры быстро уменьшилась, и Солонъ былъ удовлетворенъ, повидимому, своею дѣятельностью въ этомъ направленіи, какъ видно изъ одного мѣста его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ обращаясь къ землѣ: «Свидѣтельницей быть моихъ дѣяній зову тебя я, мать-земля; (тяжесть) столбовъ (т. е. гипотечныхъ знаковъ) тебя давившихъ, я многихъ, на вѣки отнынѣ уничтожилъ; рабой была ты прежде,— свободна ты теперь».

Заимодавцами были по преимуществу торговцы и фабриканты, какъ люди, имѣвшіе дѣло съ обмѣномъ и обладавшіе значительнымъ количествомъ денегъ. Интересы всѣхъ этихъ лицъ были принесены Солономъ въ жертву интересамъ землевладѣнія и стараго ойкоснаго хозяйства. Кромѣ того, государство освободило и своихъ должниковъ, отказавшись отъ наросшихъ на нихъ долговъ. Съ законодательствомъ Солона связано также уничтоженіе кабалы, какъ способа обращенія свободныхъ, но обѣднѣвшихъ гражданъ въ рабство. Чтобы предотвратить и на будущее время экономическія неурядицы, Солонъ, однако, не рѣшался противодѣйствовать свободному развитію экономическаго оборота, т. е. ставить препятствія

торговлѣ, обрабатывающей промышленности и росту капиталовъ, которые уже начинали завоевывать права гражданства въ Грѣціи. Напротивъ, послѣ указанныхъ ограниченій относительно существовавшихъ долговъ, онъ предоставилъ на будущее время полную свободу установленія процентовъ. Но, чтобы предотвратить скопленіе поземельной собственности въ однѣхъ рукахъ въ большомъ количествѣ, т. е. для устраненія землевладѣльческаго капитализма, онъ установилъ весьма радикальные законы, опредѣливъ максимальный размѣръ участковъ, которыми могла владѣть аѳинская семья, и этотъ максимумъ запретилъ переступать подъ опасеніемъ штрафовъ. Солонъ былъ человѣкъ великаго государственнаго ума, но въ то же время человѣкъ великаго характера и таланта. Какъ государственнаго человѣка, его имя можетъ быть поставлено наряду съ такими историческими именами, какъ Питтъ и Линкольнъ. Солонъ ясно видѣлъ, что коренными причинами общихъ соціально-экономическихъ неурядицъ Греціи было рабство и охлоархія. Но его терапевтическія средства не заходили такъ далеко, какъ его вѣрный діагнозъ. Онъ самъ говорилъ съ благородной откровенностью, что не абсолютно лучшіе законы далъ онъ аѳинянамъ, но лучшіе изъ тѣхъ, которые они могли согласиться принять [1]).

Послѣ смерти Солона Аттика все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ промышленной страны. Уже въ половинѣ 5-го вѣка она занимала на морѣ своимъ торговымъ флотомъ положеніе, напоминавшее положеніе Англіи, какъ морской державы въ Европѣ въ началѣ 19-го столѣтія. Ея торговыя операціи развивались на протяженіи отъ Кавказа до Гибралтара. Промышленный характеръ страны выразился также въ развитіи обрабатывающей промышленности. Расцвѣтъ ея промышленности основывался на изобиліи рабскаго труда. Огромная масса рабовъ была примѣнена въ качествѣ двигательной силы, приводившей въ движеніе торговыя и военныя судна. Въ обрабатывающей промышленности ремесленникъ, работавшій одинъ или съ немногими подмастерьями, все болѣе и болѣе вытѣснялся крупнымъ производствомъ, основаннымъ на эксплоатаціи рабскаго труда. Въ Аѳинахъ въ эпоху Пелопоннесской войны (431—404 г. до Р. Х.) существовали фабрики, въ которыхъ работало до 120 человѣкъ. Мастерскія же съ 20—30 рабочими были весьма распространены. Характерно то, что съ презрѣніемъ къ мелкому ремесленному труду уживалось вполнѣ благосклонное отношеніе общественнаго мнѣнія къ веденію крупныхъ промышленныхъ фабрикъ и мастерскихъ. Этими занятіями не брезгали аѳинскіе аристократы. Въ числѣ владѣльцевъ крупныхъ фабрикъ были, между прочимъ, такія лица, какъ Клеонъ, Гиперболъ, Алкивіадъ, Демосѳенъ, имѣвшій фабрику оружія и щитовъ, и даже самъ Периклъ. Въ области производства для вывоза въ эту пору видное мѣсто занимали:

[1]) Ernst Curtius. Griechische Geschichte. Berlin 1874. 4 Auflage, 1 Band, стр. 309—321.

посуда, ткани, кожи, оружіе, вазы, лампы, а для туземнаго потребленія — ткани, посуда, металлы. Страна ввозила при этомъ съ береговъ Чернаго моря рабовъ, лѣсъ для постройки судовъ, соленую рыбу (Τάραγος — тарань), медъ, воскъ, деготь, смолу, шкуры животныхъ, шерсть, кожи Изъ Фригіи и Милета привозились шерсть, ковры и т. п.[1]). Издѣлія греческихъ мастерскихъ импонировали изяществомъ, что указываетъ на то, что ремесла не цѣликомъ находились въ рукахъ рабовъ. Первоначально ремеслами занимались много иностранцевъ (метековъ), которые вносили въ свои издѣлія технику, умѣніе и вкусъ, выработанные культурою восточныхъ народовъ. Ремеслами занимались также свободныя женщины греческихъ гражданъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, а къ эпохѣ Перикла много свободныхъ гражданъ, въ особенности безземельныхъ, работало въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ мастерскихъ, наряду съ рабами. Участіе свободныхъ гражданъ въ занятіяхъ въ области обрабатывающей промышленности постепенно измѣнило презрительное отношеніе къ ремесленному труду. Въ особенности значеніе ремесленнаго труда было поднято въ глазахъ общественнаго мнѣнія художественными постройками временъ Перикла. Художественныя зданія и храмы сооружались по большей части трудомъ свободныхъ людей. Тѣмъ не менѣе и широкое примѣненіе рабскаго труда ставило въ трудное положеніе свободныхъ гражданъ, искавшихъ заработка въ ремеслѣ и отдававшихъ въ наемъ свой трудъ за ничтожную плату въ 3 обола въ день.

Производство продуктовъ для сбыта и широкое развитіе внутренней и иностранной торговли привело къ возникновенію въ Греціи разныхъ видовъ кредитныхъ и банковыхъ операцій. Первичныя формы банковыхъ операцій развились въ святилищахъ и храмахъ (на остр. Делосѣ, въ Олимпіи и друг.), куда стекались значительныя пожертвованія. Даже въ періоды самой сильной національной розни и вражды между греческими племенами храмы пользовались полною неприкосновенностью, поэтому частныя лица и государства отдавали свои деньги и сокровища на сохраненіе въ храмы. По этимъ вкладамъ владѣльцы ихъ не только не получали дохода, но сами еще должны были уплачивать храмамъ вознагражденіе за функцію храненія. Храмовыя же управленія иногда ссужали хранимыя ими суммы государству въ тяжелую годину войны и т. п., а позже стали отдавать эти деньги въ ростъ Такъ, делосскій храмъ въ 377 году имѣлъ въ ссудахъ подъ проценты за государствами и частными лицами 47 талантовъ. Возрастающія потребности торговаго оборота начали привлекать къ банкирскому дѣлу и частныхъ, лицъ они принимали вклады, производили платежи за счетъ своихъ кліентовъ или давали имъ деньги взаймы и служили посредниками въ денежныхъ сдѣлкахъ съ другими мѣстами, производя переводныя операціи Этими

[1]) Boeckh, т. II, стр 47—51. Белохъ, т. II, стр. 277 и др Buchsenschutz, стр. 322.

операціями занимались преимущественно мѣнялы въ Аѳинахъ, которые имѣли свои особые столы (Τράπεζα) на рынкѣ, почему носили названіе трапезитовъ. Такъ какъ для веденія банковаго дѣла необходимы были крупные капиталы, то часто соединялись въ товарищество нѣсколько лицъ, которыя и вели банкъ (Τράπεζα) на общій счетъ. Извѣстны имена двухъ крупнѣйшихъ аѳинскихъ банкировъ, преемственно представлявшихъ одну и ту же фирму (въ 394—210 г.г до Р. Х.),—Пассіонъ и Форміонъ, оба бывшіе рабы и вольноотпущенники. Банкъ ихъ является міровой фирмой той поры, оперировавшей капиталомъ въ 50 талантовъ, почти исключительно депозитныхъ денегъ, и пользовавшійся неограниченнымъ кредитомъ во всѣхъ торговыхъ пунктахъ Эллады. Белохъ называетъ Пассіона Ротшильдомъ греческаго міра. Путемъ банкирскихъ предпріятій Пассіонъ и Форміонъ возвысились отъ невольничества до виднаго общественнаго положенія и пріобрѣли права гражданства. Это была карьера, которая удавалась иногда рабамъ, а въ особенности метекамъ [1]).

Государственное хозяйство Аттики. Общая характеристика хозяйственнаго строя древней Греціи была бы не полной, если бы мы не привели при этомъ нѣсколько чертъ о положеніи аѳинскаго государственнаго хозяйства, такъ какъ личность греческаго гражданина сплеталась тѣсными узами съ жизнью государства. Каждый свободный гражданинъ отдавалъ, можно сказать, бо́льшую часть своего времени служенію государству, какъ воинъ и членъ разныхъ политическихъ учрежденій, неся безплатную службу и жертвуя своимъ имуществомъ. Но зато въ нуждѣ онъ обращался за помощью къ тому же государству, получая отъ него содержаніе (пансіонированіе въ пританеѣ) и даже средства для посѣщенія театровъ и публичныхъ зрѣлищъ. Въ патріархальный періодъ исторіи финансовыя функціи государства были крайне несложны. Государство несло только необходимые расходы на содержаніе царя и жертвоприношенія богамъ. При простотѣ тогдашнихъ потребностей эти издержки государства были небольшія и покрывались доходами съ государственныхъ имуществъ. Казна не запаслась даже особымъ фондомъ для содержанія войска. Служба въ войскѣ была почетною обязанностью, и граждане во время нахожденія въ войскѣ содержали себя на свои частныя средства. Но переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и спеціальныя особенности соціальнаго строя аѳинскаго государства, въ періодъ расцвѣта демократіи, вызвали не только чрезвычайное расширеніе финансовыхъ функцій государства, но на него возложены были еще сложныя и хлопотливыя обязанности по содержанію малосостоятельныхъ аѳинскихъ гражданъ и по устройству общественныхъ празднествъ и увеселеній. Это была своеобразная система государственнаго соціализма, по своимъ исходнымъ началамъ, рѣзко отличающаяся отъ современныхъ формъ вмѣша-

[1]) Белохъ, Исторія Греціи. Т. II. 1899 г., стр. 278—281, и др.

тельства въ сферу соціальныхъ отношеній. Прежде всего со временемъ государство должно было принять на себя огромные расходы по содержанію войска и флота. Въ первой половинѣ 4 вѣка содержаніе конницы обходилось въ 40 талантовъ, при этомъ государство должно было нести расходы по уплатѣ жалованья солдатамъ по 3 обола въ день, содержать на свой счетъ эскадры, въ которыхъ экипажъ иногда доходилъ до 40000 человѣкъ, какъ напр. эскадра, отправленная въ Сицилію во время Пелопоннесской войны. Крупныхъ расходовъ требовали укрѣпленія, особенно такія огромныя сооруженія, какъ стѣна, возведенная Ѳемистокломъ вокругъ Пирея, а также стѣны, которыми Периклъ соединилъ Аѳины съ гаванью. Огромныя средства также тратились на общественныя празднества и игры, которыхъ, по словамъ Ксенофонта, у аѳинянъ было вдвое болѣе, чѣмъ у другихъ эллиновъ. Ежегодные храмовыя празднества — Панаѳинеи, Діонисіи, Ифестіи и др. — требовали огромныхъ расходовъ со стороны государственной казны на содержаніе хоровъ, оркестровъ, и покупку сосудовъ, ковровъ, тканей, а главнымъ образомъ на кормленіе тысячъ народа, стекавшихся со всѣхъ концовъ Греціи, на принесеніе гекатомбъ. Правда, часть расходовъ по устройству празднествъ несли храмы, но и государство затрачивало съ своей стороны огромныя суммы (отъ 6 до 10 талантовъ) на устройство большихъ Панаѳиней въ честь богини Аѳины, разъ въ четыре года. Затѣмъ требовали государственныхъ расходовъ и священныя игры олимпійскія, истмійскія и др. Помимо извѣстныхъ затратъ на празднества, государство иногда на свой счетъ покупало дорогіе призы, наприм. золотые вѣнки въ 85 драхмъ золота. Кромѣ того, государство содержало на свой счетъ почетныхъ бѣдныхъ гражданъ въ пританеѣ, оплачивало ежедневнымъ жалованьемъ трудъ 600 присяжныхъ судей, а со времени Перикла платило за бѣдныхъ гражданъ входную плату на публичныя зрѣлища и въ театръ (Θεωρίκον), платило даже за посѣщеніе народнаго собранія. Конечно, эти подачки народу росли параллельно съ развитіемъ нужды и, въ свою очередь, деморализировали народъ, заставляя его полагаться не на собственный трудъ и хозяйственную дѣятельность, а на заботы о себѣ казны.

Для покрытія столь сложныхъ и огромныхъ расходовъ требовалось большое напряженіе финансовыхъ средствъ казны. Только самая небольшая часть этихъ средствъ поступала изъ доходовъ отъ государственныхъ рудниковъ и отъ сдачи казенныхъ земель въ аренду. Остальное приходилось добывать путемъ налоговъ. Государство получало доходъ отъ пошлинъ на ввозимые товары въ размѣрѣ 1—2% стоимости послѣднихъ. Приходилось также государству прибѣгать къ обложенію недвижимыхъ имуществъ, которое ко времени Демосѳена достигало 2%, а въ годы особенныхъ народныхъ бѣдствій и войнъ иногда доходило до 10% съ годового дохода. Часть дохода поступала въ формѣ натуральныхъ повинностей. Видное мѣсто въ ряду этихъ повинностей занималъ расходъ на содержаніе военныхъ

кораблей. Первоначально эта повинность распредѣлялась такимъ образомъ, что каждые два богатые гражданина обязаны были поставить государству и содержать одно судно (трирему). Въ 357 г эта повинность распредѣлялась на 1200 наиболѣе состоятельныхъ гражданъ, раздѣленныхъ на извѣстное число товариществъ, такъ называемыхъ «симморій», изъ которыхъ каждое должно было снаряжать одинъ или нѣсколько кораблей. Много приносили казнѣ косвенные налоги, сдававшіеся на откупъ частнымъ лицамъ, за пользованіе гаванями, рынками, а также таможенныя пошлины. Податями облагались нѣкоторыя профессіи, требующія полицейскаго надзора, какъ-то: занятія фокусниковъ, предсказателей и т. п.

Но, вѣроятно, главную тяжесть налоговъ на нужды государства несли покоренныя греческія племена на территоріи и прилегавшихъ островахъ, носившія, однако, почетное названіе союзниковъ. Всѣ они были обязаны ежегодно присылать въ аѳинскую казну большія суммы. Къ тому же вся система управленія провинціями, основанная на централизаціи, расчитана была, по словамъ Ксенофонта, на эксплоатацію союзниковъ [1]). Такъ, для совершенія всѣхъ судебныхъ тяжбъ и исковъ союзные граждане должны были обращаться въ Аѳины и здѣсь нести массу расходовъ на судебныя издержки и свое содержаніе въ городѣ. Кромѣ того, часть территоріи союзниковъ экспропріировалась аѳинянами въ видѣ «Клерухій» или колоній, раздававшихся бѣднымъ гражданамъ, которые часто даже не жили въ этихъ колоніяхъ, получая отъ нихъ доходъ путемъ отдачи въ аренду. Государственная казна, которая должна была въ половинѣ 5-го вѣка, въ періодъ расцвѣта демократіи, нести огромные расходы на чисто финансовыя нужды, всегда открытая для подачекъ и позаимствованій гражданъ, сплошь и рядомъ бывала пуста. Отсюда являлась большая неразборчивость въ средствахъ для ея пополненія. Форма судебнаго наказанія, примѣняемая за измѣну, соединеннаго съ конфискаціей имущества осужденнаго, сдѣлалась предметомъ жестокой эксплоатаціи. Сплошь и рядомъ достойные, богатые граждане подвергались конфискаціи только по тому мотиву, что иначе казнѣ не было бы чѣмъ оплатить трудъ присяжныхъ судей и участниковъ народнаго собранія. Если въ обыкновенное время эта финансовая система еще кое-какъ держалась, то въ военное время она выводила казну изъ равновѣсія. Такъ, Пелопоннесская война потребовала расхода въ 12,000 талантовъ. Понятно, что такая финансовая система въ періодъ продолжительныхъ войнъ вносила жестокое разореніе въ странѣ, въ которой она не поддерживала предпріимчивости и частнаго труда, а напротивъ подрывала побужденія къ нимъ. На источники богатства, лежавшіе въ хозяйственномъ трудѣ и хозяйственной самодѣятельности,

[1]) Въ союзныхъ городахъ, жалуется Ксенофонтъ, аѳиняне отличныхъ гражданъ лишаютъ правъ и отнимаютъ имущество, подвергаютъ изгнанію и ссылкѣ, а худыхъ гражданъ поддерживаютъ. Союзники оказываются въ нѣкоторомъ родѣ рабами аѳинянъ. Сочин , кн. V., стр. 67.

гражданъ, въ такіе моменты странѣ нельзя было уже полагаться. Причины экономическаго упадка Аттики въ послѣднія столѣтія ея исторіи ясны.

Предыдущій очеркъ показываетъ, что въ исторіи греческаго хозяйства наблюдается два періода. Античное, патріархальное хозяйство къ 5-му вѣку до Р. Х. смѣняется хозяйствомъ мѣновымъ, достигшимъ къ концу греческой исторіи широкаго развитія [1]). Конечно, въ этомъ мѣновомъ хозяйствѣ недоставало многихъ элементовъ, характеризующихъ современное намъ капиталистическое хозяйство. Въ Греціи прежде всего не существовало спеціальнаго класса свободныхъ наемныхъ работниковъ, который въ современномъ обществѣ является представителемъ отдѣльнаго фактора хозяйственной жизни—труда. Но уже въ древней Греціи, наряду съ преобладаніемъ рабскаго труда, формировался этотъ классъ изъ обезземеленныхъ и обѣднѣвшихъ гражданъ. Кромѣ того, въ положеніе наемныхъ рабочихъ попадали вольноотпущенники изъ рабовъ и метеки. Далѣе, въ древней Греціи не существовало рѣзкаго отдѣленія сырьевого производства отъ фабрикаціи и противоположности между городомъ, какъ центромъ обрабатывающей и торговой промышленности, и деревней, исключительно занимающейся земледѣліемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней не такъ рѣзко обособились классы капиталистовъ, торговцевъ и промышленниковъ-предпринимателей, съ ихъ различными интересами, какъ это наблюдается въ современномъ обществѣ. Но въ древней Греціи второго періода общественно-хозяйственное раздѣленіе труда легло въ основу хозяйства страны, со спеціализаціей занятій по отдѣльнымъ хозяйственнымъ группамъ—торговцевъ, банкировъ, лицъ, ведущихъ предпріятія въ области обрабатывающей и горной промышленности, и землевладѣльцевъ Только слабое развитіе техники, сравнительно съ новымъ временемъ міровой исторіи, въ примѣненіи къ мореходству, сухопутному транспорту и обрабатывающей промышленности, ставило это общественно-хозяйственное раздѣленіе труда въ узкія рамки ручного труда, эксплоатаціи силъ животныхъ, частью силы вѣтра, напр. въ пользованіи парусами на морскихъ суднахъ. Во всякомъ случаѣ хозяйственная жизнь Греціи этого періода представляла уже достаточно разнообразную почву для экономическихъ наблюденій и изслѣдованій и обильный матеріалъ для научнаго объясненія хозяйственныхъ явленій. И дѣйствительно, мы видимъ, что многія стороны хозяйственнаго быта Греціи получили болѣе или менѣе яркую характеристику въ трудахъ Ксенофонта, Ѳукидида, Платона и Аристотеля. Въ сочиненіяхъ Аристотеля (его Этикѣ и Политикѣ) намѣчена уже теорія цѣнности, денегъ,

[1]) Въ особенности это различіе въ строѣ греческаго хозяйства античнаго, Гомеровскаго, и новаго періода, временъ Солона и Перикла, рельефно выставляетъ Э. Мейеръ, оспаривающій воззрѣнія Родбертуса и Бюхера о преобладаніи „ойкоснаго“ типа хозяйства въ теченіе всей греческой исторіи. Онъ утверждаетъ, что уже седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени—четырнадцатому и пятнадцатому вѣку послѣ Р. Х., пятое—шестнадцатому. „Экономическое развитіе древняго міра“, М. 1898 г., стр. 45.

раздѣленія труда; въ сочиненіяхъ Ксенофонта высказано много важныхъ положеній изъ области сельско-хозяйственной экономіи. Платонъ, на почвѣ наблюденія и критики современнаго ему хозяйства, широко ставитъ и рѣшаетъ, съ античной точки зрѣнія, проблему обезпеченія экономическаго благосостоянія народа. Но, не смотря на геніальные штрихи греческой мысли, намѣченные въ области изученія экономіи общества, однако историческое наслѣдство, оставленное греками въ этой области, едва ли можетъ быть поставлено на уровнѣ того, что достигнуто греческою мыслью въ другихъ областяхъ знанія—въ философіи, исторіи, естествознаніи. Чѣмъ же объяснить то, что въ древней Аттикѣ, въ которой умственные интересы занимали очень видное мѣсто,—хозяйственная жизнь, какъ предметъ изученія, очень мало привлекала вниманіе ученыхъ грековъ. Коренная причина этого заключалась въ преобладаніи рабскаго труда, налагавшаго печать презрѣнія, въ глазахъ греческаго общества, на хозяйственный трудъ. Въ этомъ надо искать источникъ господствовавшаго въ теченіе почти всей греческой исторіи пренебрежительнаго отношенія къ физическому труду, къ хозяйственной дѣятельности, раздѣлявшагося лучшими людьми Греціи. Напримѣръ, такой мыслитель, какъ Аристотель, въ 1-й книгѣ своей «Политики» послѣ краткаго перечисленія главныхъ отраслей труда (γρημματιστική) говоритъ: входить въ подробности этого предмета, пожалуй, полезно для производства, но низменно останавливаться на этомъ. Даже Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ проектируетъ возложить весь хозяйственный трудъ на людей, повидимому, по своему соціальному положенію, приближающихся къ рабамъ. Если, не смотря на эти неблагопріятныя условія для развитія экономическихъ знаній, мы все-таки видимъ въ Греціи замѣчательныя явленія въ экономической литературѣ, то это объясняется необычайною даровитостью греческаго народа.

Литература по исторіи хозяйства Греціи. Одиссея и Илада Гомера. A Boeckh. Die Staatshaushaltung der Athener, vier Bücher. 2 Bände. Berlin. 1817. Büchsenschutz. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthum. Halle. 1867. W. Roscher. Ueber das Verhaltniss der Nationalöconomie zum klassischen Alterthum. 1849. Его же — Ansichten der Volkswirthschaft. Leipzig. 1861. Родбертусъ-Ягетцовъ. Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Переводъ извѣстныхъ его статей въ «Jahrbucher fur Nationaloconomie und Statistik v. Bruno Hildebrand» подъ редакц. проф. Тарасова. Ярославль 1880—1887 г., въ 4-хъ выпускахъ. Ernst Curtius. Griechische Geschichte, 3 Bände. 3 Aufgabe. 1874. Есть русскій переводъ. Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Москва. 1899 г. Т. 1 и 2, русскій переводъ изд. Солдатенкова. Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums. Stuttgart, 1893. I u. II B. Ed. Meyer. Die Sclaverei im Alterthum 1898 Dresden. Его же —Экономическое развитіе древняго міра. Русскій переводъ. С.-Петерб. 1898 г., изд. Водовозовой.

Экономическія ученія грековъ.

Зачатки экономическихъ воззрѣній встрѣчаются уже въ древнепоэтическихъ сочиненіяхъ грековъ, въ твореніяхъ Гезіода и Гомера, но мы остановимся только на писателяхъ исторической эпохи. У позднѣйшихъ греческихъ писателей сохранились названія сочиненій и имена авторовъ, не дошедшихъ до насъ,—нѣкоего Аполлодора Лемносскаго «О горномъ дѣлѣ», Кареса Паросскаго «О земледѣліи» и Гіеро «О домашнемъ хозяйствѣ». Сочиненія эти указываютъ на существованіе между греческими философами споровъ по нѣкоторымъ экономическимъ вопросамъ. А изъ дошедшихъ до насъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ экономическіе вопросы занимаютъ видное мѣсто, значительнѣйшими величинами являются: Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Платонъ и Аристотель.

Ѳукидидъ (471—402 до Р. Х.), въ обширномъ сочиненіи о Пелопоннесской войнѣ, говоритъ объ условіяхъ поднятія благосостоянія народовъ, обсуждаетъ разныя стороны хозяйственнаго положенія Аѳинъ и предлагаетъ много хозяйственныхъ совѣтовъ и сентенцій. Вильгельмъ Рошеръ придаетъ необычайное значеніе сочиненіямъ Ѳукидида. Рошеръ говоритъ, что у Ѳукидида онъ больше поучился, чѣмъ у кого-нибудь изъ современныхъ экономистовъ[1]). На Рошера произвели впечатлѣніе культурно-историческія познанія Ѳукидида о положеніи современной ему Греціи. Онъ считаетъ Ѳукидида древнѣйшимъ представителемъ исторической школы въ политической экономіи.

Несравненно большее мѣсто обсужденіе экономическихъ вопросовъ занимаетъ у другого историка Греціи—*Ксенофонта* (444—354 до Р. Х.), автора многихъ историческихъ сочиненій и небольшихъ сочиненій: «О хозяйствѣ», «Объ охотѣ», «О доходахъ города Аѳинъ» и т. п. У него встрѣчаются опредѣленія разныхъ экономическихъ понятій. Богатствомъ онъ называетъ излишекъ блага надъ потребностями, а экономическими благами считаетъ всѣ полезныя для жизни вещи. Первенствующее значеніе въ экономіи общества Ксенофонтъ придаетъ земледѣлію. «Занятіе земледѣліемъ доставляетъ пріятность душѣ, умножаетъ домъ и упражняетъ тѣло, такъ что оно дѣлается способнымъ ко всему, что требуется отъ свободнаго человѣка». «Какое занятіе, восклицаетъ Ксенофонтъ, милѣе для слугъ, пріятнѣе для жены, желательнѣе для дѣтей, любезнѣе для друзей?» «Хорошо сказалъ тотъ, кто земледѣліе назвалъ матерью и кормилицей всѣхъ искусствъ. Дѣйствительно, когда хорошо идетъ земледѣліе, тогда и всѣ прочія занятія процвѣтаютъ; гдѣ же земля принуждена оставаться невоздѣланною, тамъ, можно сказать, всѣ занятія падаютъ—и на морѣ, и на сушѣ». Развитіе земледѣлія, по Ксенофонту, создаетъ для государства устои его политической силы. «Земледѣльческое населеніе наиболѣе па-

[1]) W. Roscher, Ansichten der Volkswirthschaft, стр. 7.

трютично, оно больше другихъ классовъ страдаетъ отъ непріятельскаго нашествія, и оно же первое вызывается защищать страну. Земледѣліе побуждаетъ къ храбрости, въ виду того, что полевые плоды растутъ внѣ городскихъ укрѣпленій, тогда какъ ремесленники и торговцы при непріятельскомъ нашествіи менѣе страдаютъ и склонны отсиживаться за городскими стѣнами». По экономическимъ сочиненіямъ Ксенофонта можно заключить, что въ Греціи сдѣланы были большіе успѣхи въ земледѣльческой техникѣ, судя потому, что тогда было уже хорошо извѣстно употребленіе навознаго и зеленаго удобренія, понято значеніе хорошей вспашки поля, было распространено умѣніе пользоваться почвенною влагою и канализацией, и пользованіе послѣдней для выщелачиванія солей изъ почвы. Садоводство и виноградарство также были усовершенствованы. Мысль о томъ, что растенія питаются элементами, заключающимися въ почвѣ, иллюстрируется въ совѣтѣ Ксенофонта—«давать менѣе сѣмянъ для болѣе слабой почвы подобно тому, какъ на всѣхъ слабыхъ нужно возлагать менѣе тяжести».

О ремесленныхъ занятіяхъ Ксенофонтъ думаетъ очень дурно. «Занятіе извѣстными ремеслами низко, и они, по справедливости, не пользуются уваженіемъ въ городахъ, такъ какъ разрушаютъ тѣло работающаго, заставляя его сидѣть и дышать комнатнымъ воздухомъ, иногда даже проводить цѣлые дни у огня; а если наносится вредъ тѣлу, то и душа дѣлается больною. Кромѣ того, ремесла особенно представляютъ недосугъ для заботъ о близкихъ людяхъ и о городѣ, такъ что ремесленники считаются плохими людьми и для дружескаго обращенія, и для помощи городу противъ непріятеля. Поэтому въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ городахъ, славящихся военнымъ дѣломъ, ни одинъ гражданинъ не имѣетъ права заниматься ремесломъ»[1]). Но, отрицая пользу ремесла, какъ спеціальной профессіи, Ксенофонтъ въ то же время очень высоко ставилъ занятіе ремесломъ въ домашнемъ хозяйствѣ для собственныхъ нуждъ, когда это занятіе соединено съ земледѣліемъ и является «кустарнымъ промысломъ». Преподавая наставленія, какъ должна вести себя хозяйка дома, онъ совѣтуетъ ей не сидѣть постоянно, какъ рабы, но, съ богами, стараться быть госпожей и, ставъ около ткацкаго станка, показать другимъ, что сама лучше знаетъ; а чего не знаетъ—научиться. Не рекомендуя спеціальнаго занятія ремесломъ для свободныхъ гражданъ, онъ считалъ крайне полезнымъ для государства ремесленный трудъ рабовъ и метековъ, участвовавшихъ въ сооруженіи флота, укрѣпленій и общественныхъ зданій, и даже онъ проектировалъ планъ поднятія государственныхъ финансовъ аѳинскаго государства путемъ организаціи государственныхъ фабрикъ и разработки рудниковъ, въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ это практиковалось въ Аѳинахъ, рекомендуя для этого покупку на государственный счетъ массы рабовъ.

---

[1]) Сочиненія Ксенофонта. Перев. Янчевецкаго Часть V, изд. 2-е. Ревель, 1895, стр. 85—95 и др.

Платонъ (429—348). Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ діалогической формѣ, «О республикѣ» и «О законахъ» Платонъ является не только мыслителемъ, который старается объяснить явленія политической и экономической жизни, но также выступаетъ съ планомъ соціальной реформы, при чемъ во второмъ изъ нихъ — сочиненіи «О законахъ» — требованія Платона не заходятъ такъ далеко, какъ въ первомъ, въ которомъ онъ предлагаетъ полнѣйшую реформу семьи, государства и экономическаго строя. Первое сочиненіе Платона проникнуто глубокимъ пессимизмомъ, такъ что его можно назвать Шопенгауэромъ греческаго міра. Этотъ пессимизмъ намъ явится очень понятнымъ, если обратить вниманіе на обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ которыхъ Платонъ писалъ свое сочиненіе о республикѣ. Къ отысканію новыхъ основаній и формъ государственной жизни Платонъ обратился, по сказанію его біографовъ, въ скоромъ времени послѣ казни его друга—Сократа. Несправедливость суда надъ Сократомъ, жестокость, совершенная надъ добродѣтельнѣйшимъ и полезнѣйшимъ гражданиномъ республики, равно и общая деморализація греческаго гражданства, проявлявшаяся въ судѣ надъ Сократомъ—привели Платона къ убѣжденію, что Аттика нуждается въ коренномъ и всестороннемъ преобразованіи общественнаго и государственнаго быта. Сочиненіе Платона о республикѣ принято считать утопіей за фантастичность плана предлагаемой имъ реформы. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи открывается много сходства между проектомъ реформы и тѣми сторонами греческой жизни, которыя поселили въ Платонѣ такое глубокое разочарованіе. Первое слово въ проектѣ соціальной реформы, предлагаемой Платономъ,—это требованіе справедливости. Онъ излагаетъ устами Сократа планъ государственнаго устройства, основаннаго на справедливости Въ началѣ его сочиненія «О республикѣ» изложено въ первый разъ въ экономической литературѣ объясненіе сущности закона раздѣленія труда, получившаго въ новое время законченную форму у Адама Смита. Первая и главная потребность людей, говорится у Платона, есть пища, потомъ жилище, одежда. Отсюда необходимость заниматься земледѣліемъ, постройкою домовъ, приготовленіемъ тканей, выдѣлкою кожъ. Является вопросъ: нужно-ли, чтобы каждый человѣкъ занимался всѣмъ этимъ, или чтобы люди раздѣлили между собою эти занятія такъ, чтобы одинъ занимался однимъ, а другой другимъ. Разумѣется, отвѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ, что дѣла пойдутъ гораздо лучше, когда всякій, оставивши всѣ другія дѣла, займется однимъ дѣломъ, но сообразнымъ съ своими способностями. Поэтому и Платонъ въ основу проектируемаго имъ идеальнаго государства полагаетъ раздѣленіе занятій. Въ хозяйственномъ отношеніи общество у него расчленено на классы—земледѣльцевъ, торговцевъ и ремесленниковъ, при этомъ ремесламъ придана цеховая организація, съ дробною спеціализацией занятій и таксированіемъ всѣхъ издѣлій. Вообще все хозяйственное производство расчитано на

сбытъ внутри страны и вывозъ произведеній за предѣлы государства воспрещенъ. Управленіе въ этомъ государствѣ должно находиться въ рукахъ аристократіи ума и философовъ, которые, также какъ и воины, совершенно свободны отъ хозяйственныхъ занятій. Необходимость класса воиновъ въ государствѣ Платона вызывается тѣмъ, что при благопріятныхъ условіяхъ жизни въ новомъ государствѣ, какъ онъ предполагаетъ, населеніе будетъ умножаться, такъ что, наконецъ, территорія окажется недостаточной для пропитанія гражданъ, а новыя земли можно пріобрѣсти только войною. Платонъ предлагаетъ цѣлую систему воспитанія расчитанную на то, чтобы войны были добрыми и справедливыми. Тщательнымъ воспитаніемъ должно быть достигнуто, чтобы воины были кротки относительно гражданъ и страшны врагамъ, подобно собакамъ, какъ выражается Платонъ, которые ласкаются къ своимъ и кусаютъ чужихъ.

Въ государствѣ, основанномъ на раздѣленіи занятій, каждый долженъ заниматься тѣмъ, къ чему онъ наиболѣе способенъ. Для того, чтобы рѣшить, кто изъ гражданъ къ какому занятію наиболѣе способенъ въ республикѣ Платона будетъ избираться особенная коллегія изъ гражданъ. Эта коллегія рѣшаетъ, какія дѣти и къ какому занятію наиболѣе расположены, классифицируетъ ихъ по группамъ для соотвѣтствующихъ родовъ воспитанія Дѣтей же физически слабыхъ, или бездарныхъ, граждане Платонова государства воспитывать не будутъ, а постараются скрывать въ тайномъ мѣстѣ и при томъ безъ пищи. Платонъ желаетъ избѣжать существованія наслѣдственной аристократіи: аристократія въ его государствѣ будетъ выбираться изъ лучшихъ, воспитаннѣйшихъ людей. Проектируемая общность женъ расчитана на достиженіе одной изъ главнѣйшихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ въ государствѣ Платона,—созданіе красиваго, здороваго и сильнаго населенія. Для этого Платонъ предлагаетъ ограничить періодъ брачной жизни у мужчинъ отъ 30 до 50 лѣтъ, какъ періодъ полной физической силы, а для женщинъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Дѣти, родившіяся послѣ этого періода, а также дѣти больныхъ родителей, должны быть умерщвляемы голодной смертью. Выборъ супружескихъ паръ рѣшаютъ всякій разъ выборные эксперты изъ правителей, а не внутреннее взаимное согласіе супруговъ. Но такъ какъ каждый изъ здоровыхъ супруговъ можетъ болѣть, то всякая болѣзнь ведетъ за собою новую комбинацію супружескихъ паръ.

Тщательно всматриваясь въ идеальное государство Платона, нельзя не замѣтить, что оно, не смотря на старанія Платона уйти мысленно отъ современнаго ему устройства греческаго государства, которое многими своими сторонами ему такъ не нравилось, на самомъ дѣлѣ очень близко стоитъ, какъ къ его недостаткамъ, такъ и къ его здоровымъ сторонамъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ, именно въ тѣхъ, въ которыхъ онъ далъ просторъ своей фантазіи, утопія Платона заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе крупные недостатки, сравнительно съ тѣмъ, что представляла собою сама греческая жизнь. Мысль Платона о томъ, что государство должно принять

принудительныя мѣры, гарантирующія образованіе здороваго и сильнаго народонаселенія, въ устахъ Платона не оригинальна, онъ ее заимствуетъ изъ практики спартанскаго государства. Платонъ, воспользовавшись идеей, которая лежала въ основаніи спартанской конституціи, довелъ ее до крайнихъ логическихъ послѣдствій—до абсурда. Для Платона бракъ, по выраженію одного русскаго экономиста, есть учрежденіе въ родѣ государственнаго коннозаводства, его цѣль одна—полученіе здоровыхъ дѣтей. Онъ совершенно игнорируетъ всю психологію и моральную сторону брака. О сочувствіи людей, вступающихъ въ бракъ, о сходствѣ характеровъ, понятій—у него нѣтъ и рѣчи. Бракъ у него является краткосрочнымъ сожитіемъ. Поэтому въ Платонѣ нельзя не узнать человѣка своего времени, когда самые выдающіеся люди собирались въ домѣ Аспазіи, содержательницы гетеръ. Лучшую критику реорганизаціи брака, въ смыслѣ Платоновскаго воззрѣнія, далъ другой великій мыслитель Греціи—Аристотель. Забота о созданіи безупречныхъ храбрыхъ воиновъ понятна въ человѣкѣ, который видѣлъ уже новыя сильныя нарождающіяся государства—Спарту и Македонію, угрожавшихъ могуществу Аѳинъ. Положеніе промышленнаго класса, которое проектируетъ Платонъ создать, все-таки мало отличается отъ положенія рабовъ въ Аѳинахъ. Правда. Платонъ не называетъ рабочій классъ унизительнымъ словомъ «рабы», а имъ даетъ титулъ плательщиковъ и кормильцевъ. Но онъ вовсе устраняетъ ихъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, предоставляя послѣднія вѣдѣнію правителей и воиновъ, т. е. онъ оставляетъ порядокъ вещей, очень близкій къ тому, какой существовалъ въ Аѳинахъ. Платонъ желаетъ устранить бѣдность введеніемъ общности имущества въ своемъ государствѣ. но коммунизмъ у Платона не производительный, а потребительный. Сообща будутъ потреблять воины и правители то, что произведутъ промышленные классы,—порядокъ также близкій къ тому, который существовалъ въ современной Платону Спартѣ.

Самъ Платонъ въ послѣдніе годы жизни не вѣрилъ въ возможность осуществленія своего плана соціальной реформы, а можетъ быть, и разочаровался въ надеждѣ достигнуть осуществленіемъ его бо́льшаго счастія, потому, что въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «О законахъ» онъ стремится къ проведенію справедливости въ общественномъ строѣ уже совершенно другими средствами. Здѣсь также прежде всего онъ имѣетъ въ виду спокойствіе и безопасность государства, также старается основать ихъ на воспитаніи гражданъ, но уже не на общности имущества, а на равенствѣ. Частная собственность на землю остается, онъ заботится только объ устраненіи неравномѣрнаго ея распредѣленія. Съ этой цѣлью участки земли не должны соединяться въ однѣхъ рукахъ ни посредствомъ браковъ, ни посредствомъ наслѣдованія. И въ этомъ государствѣ Платонъ еще больше является грекомъ—онъ откровенно допускаетъ необходимость рабства. Бракъ является свободнымъ. Только онъ не совѣтуетъ богатому жениться на богатой, во имя сохраненія имущественнаго равенства.

Экономическія воззрѣнія Аристотеля (384—322 до Р. Х.). Экономическія ученія Аристотеля содержатся въ его сочиненіяхъ объ этикѣ, политикѣ и экономикѣ. Изъ экономики Аристотеля уцѣлѣлъ только одинъ небольшой фрагментъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ былъ распространенъ обширный трактатъ подъ именемъ экономики, приписываемый Аристотелю; но, какъ показала современная ученая критика (Hildebrand), сочиненіе это не имѣетъ ничего общаго съ Аристотельскими сочиненіями, какъ по содержанію, такъ и по стилю. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что Аристотелемъ былъ дѣйствительно написанъ отдѣльный обширный трактатъ по политической экономіи, который до насъ не дошелъ. Но если собрать отдѣльныя экономическія воззрѣнія, разбросанныя въ его сочиненіяхъ о политикѣ и этикѣ, то изъ нихъ можно возстановить цѣлую систему экономическихъ ученій, объясняющихъ главнѣйшія стороны хозяйственной жизни грековъ. Въ этихъ отрывочныхъ воззрѣніяхъ Аристотеля на хозяйственную жизнь, если выбросить изъ нихъ все то, что обусловливалось заблужденіями его вѣка, надъ которыми не могъ возвыситься и геніальный умъ,—заключается много такихъ мыслей, передъ которыми съ удивленіемъ останавливаются современные экономисты. Въ своихъ ученіяхъ Аристотель соединяетъ необычайную силу абстракціи съ глубокою наблюдательностью современныхъ ему хозяйственныхъ явленій, т. е онъ орудуетъ совмѣстно тѣми двумя методами научнаго изслѣдованія—индукціей и дедукціей,—благодаря которымъ политическая экономія сдѣлалась наукой.

Ученіе о хозяйственныхъ отношеніяхъ между людьми у Аристотеля сливается съ ученіемъ объ обществѣ. Цѣль соединенія людей въ общество, по Аристотелю, заключается въ достиженіи возможно большаго человѣческаго счастья. Для осуществленія этой цѣли расчитано существованіе такихъ общественныхъ группъ, какъ—община, и государство. Семья является въ исторіи первою хозяйственною ассоціаціей. Для существованія семьи, какъ хозяйственной единицы, говоритъ Аристотель словами поэта Гезіода, «необходима женщина и рабъ, или же рабочій волъ, такъ какъ волъ у бѣдныхъ замѣняетъ раба». Семью Аристотель считаетъ хозяйственной ассоціаціей низшаго порядка, такъ какъ она возникаетъ изъ инстинктивнаго влеченія мужчины и женщины. Несравненно болѣе высокую форму общежитія, отличающую человѣческую природу отъ животнаго, въ глазахъ Аристотеля, какъ истиннаго грека, является государство. Люди соединяются въ государство и общество въ силу моральныхъ стремленій, а потому справедливость есть душа государства. Если человѣкъ и можетъ существовать безъ семьи, то онъ не можетъ существовать внѣ государства и общества. Внѣ всякой связи съ государствомъ и обществомъ живутъ только тѣ, которые по своей природѣ стоятъ или ниже человѣка, т. е. животные, или выше его, т. е. боги.

Самое названіе, данное Аристотелемъ хозяйственной наукѣ—Οἰκονομια отъ οἶκος (домъ), указываетъ на то, что онъ центръ хозяйственной жизни видитъ въ домашнемъ или, лучше сказать, въ частномъ хозяйствѣ. Свою экономику, какъ науку о хозяйствѣ, Аристотель дѣлитъ на двѣ части—на домоводство и науку объ обогащеніи—хриматистику, но этому второму отдѣлу онъ отводитъ подчиненное мѣсто, къ нему отнесены явленія мѣнового хозяйства. Задача первой (т. е. экономики) производство для потребленія, а—второй (т. е. хриматистики)—увеличеніе денежнаго богатства. Обратимся къ содержанію 1-й части Аристотелевской экономики, т. е науки о домоводствѣ. Видное мѣсто въ его экономикѣ занимаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, ученіе о рабахъ, отношеніи ихъ къ господамъ и т. п. Аристотель, какъ извѣстно, оправдываетъ рабство. Источникъ рабства, по Аристотелю, лежитъ въ низкой природѣ нѣкоторыхъ людей, въ ихъ ограниченныхъ дарованіяхъ. Такъ какъ въ домашнемъ хозяйствѣ существуетъ много занятій, требующихъ простого механическаго труда, то поэтому природа мудро распорядилась, создавши рабовъ. Если бы ткацкіе станки, говоритъ Аристотель, сами могли вращаться, безъ посторонней помощи, а цитра сама по себѣ играть, то рабовъ было бы не нужно и рабство не существовало бы. Самою природою одни люди предназначены для того, чтобы управлять, а другія, чтобы быть управляемыми. Въ положеніе раба можетъ попасть и свободный человѣкъ—человѣкъ съ извѣстными дарованіями, дѣлающими его способнымъ управлять другими, но это будетъ совершенная случайность. Рожденіе отъ раба, какъ и военный плѣнъ,—это случайныя причины рабства. Рабы это тѣ люди, которымъ, по самой ихъ психологической природѣ, выгодно быть рабами, выгодно, чтобы другіе ими управляли, такъ же, какъ этимъ—другимъ выгодно быть управителями рабовъ. Поэтому достоинство господина проявляется не въ покупкѣ рабовъ, а въ умѣніи ими управлять. Такова психологическая основа рабства. Аристотель причисляетъ къ рабамъ всѣхъ варваровъ, т е. не грековъ, такъ какъ всѣ эти варварскія нации находятся на низкой степени культуры.

Вторая менѣе важная отрасль науки о хозяйствѣ, по Аристотелю,—хриматистика, или наука объ обогащеніи. Она распадается на два отдѣла въ соотвѣтствіи съ существованіемъ двухъ способовъ обогащенія. Обогащеніе можетъ заключаться или а) въ пріобрѣтеніи натурою предметовъ потребленія (сюда относится доходъ отъ земледѣлія и ремеселъ), или б) въ пріобрѣтеніи денегъ путемъ обмѣна продуктовъ. Аристотель считаетъ почетнымъ только первый способъ пріобрѣтенія благъ, посредствомъ земледѣлія и ремеслъ, потому что человѣкъ здѣсь своимъ трудомъ производитъ блага. Истиннымъ пріобрѣтеніемъ благъ Аристотель считаетъ такое, которое достигнуто путемъ производства вещи съ цѣлью ея потребленія. Кто сшилъ сапоги и ихъ носитъ, тотъ есть настоящій пріобрѣтатель сапоговъ, но тотъ, кто ихъ добылъ путемъ покупки не есть въ собственномъ смыслѣ

пріобрѣтатель, такъ какъ сапоги сдѣланы для удовлетворенія соотвѣтствующей потребности, а не для обмѣна. Онъ поэтому не находитъ никакого оправданія для пріобрѣтенія богатства путемъ торговли и наростанія процентовъ, такъ какъ здѣсь, въ этой области, нѣтъ натуральнаго производства благъ. Это ученіе, какъ мы впослѣдствіи увидимъ при изученіи новыхъ экономическихъ школъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ ученіемъ физіократовъ Подобно физіократамъ, и Аристотель думаетъ, что только земледѣліе и силы природы производительны и что путемъ торговли и транспорта можно много выиграть, много пріобрѣсть, но ничего не произвести Отсюда понятно презрѣніе, съ которымъ онъ относится къ морской и сухопотной торговлѣ, къ купеческой профессіи, раздѣляя въ этомъ случаѣ воззрѣнія образованныхъ грековъ своего времени.

Въ сочиненіяхъ Аристотеля въ первый разъ намѣчены нѣкоторыя важныя экономическія категоріи и понятія—о деньгахъ, о богатствѣ, о производствѣ, обмѣнѣ, о капиталѣ. Изъ нихъ мы остановимся только на нѣкоторыхъ. Богатство, по ученію Аристотеля, есть сумма продуктовъ для потребленія семьи (дóма) и государства. Деньги являются для потребности обмѣна Первоначально продукты обмѣнивались на продукты, но производители не всегда обмѣнивали продукты равной цѣнности, поэтому при обмѣнахъ приходилось прибѣгать къ доплатамъ металломъ, а эти доплаты связаны всякій разъ при мѣновой сдѣлкѣ съ кропотливою операціею взвѣшиванія металла. Для устраненія этого взвѣшиванія при всѣхъ сдѣлкахъ, стали налагать знаки и штемпеля на кускѣ металловъ опредѣленнаго вѣса и цѣнности,—такимъ образомъ и получились деньги. Деньги называются богатствомъ только въ извѣстномъ, искусственномъ смыслѣ. Для того, чтобы какой-нибудь предметъ можно было назвать богатствомъ, для этого онъ долженъ быть годнымъ къ потребленію—къ удовлетворенію физическихъ потребностей человѣка. Деньги же, по Аристотелю, этого свойства лишены. Можно обладать огромной суммой денегъ и умереть съ голоду, если никто не согласился бы обмѣнивать на нихъ продуктовъ необходимости. Такая участь, по сказанію одной легенды, постигла нѣкоего Мидаса, который изъ ненасытной страсти къ деньгамъ перевелъ въ деньги все свое имущество и умеръ отъ голода на кучѣ металла. Опредѣленіе производства у Аристотеля близко къ тому, которое даетъ намъ современный экономистъ Д. С. Милль. Милль говоритъ въ ученіи о производствѣ, что человѣкъ своимъ искусствомъ не можетъ создать ни одного атома матеріи, самая высокая техника производства продуктовъ не идетъ далѣе перемѣщенія частицъ матеріи и измѣненія ея формы. Милль разъясняетъ это на примѣрѣ производства ткани: матеріалъ для ткани человѣкъ получаетъ изъ природы и, перемѣщая его, переплетая, производитъ ткань. То же самое говоритъ и Аристотель: подобно тому, какъ государственное искусство не создаетъ людей, но беретъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они созданы природой, и хозяйственное производство беретъ матеріалъ въ го-

товомъ видѣ отъ природы. Ткачъ не можетъ дѣлать шерсти, но разъ онъ добылъ шерсть, то онъ ее употребляетъ для выдѣлки тканей. У Аристотеля встрѣчается зародышъ правильной теоріи народонаселенія. Мудрый законодатель, по его мнѣнію, долженъ наблюдать строгое соотвѣтствіе численности населенія съ размѣрами государственной территоріи. Излишнее населеніе всегда является опаснымъ для внутренняго спокойствія и государственнаго порядка, а слишкомъ малое населеніе страны несовмѣстно съ политическою независимостью и хозяйственнымъ благосостояніемъ. Въ вопросахъ соціальной политики видное мѣсто занимаетъ ученіе Аристотеля о собственности. Вопреки мнѣнію Платона, съ которымъ онъ полемизируетъ, онъ считаетъ частную собственность учрежденіемъ вполнѣ соотвѣтствующимъ человѣческой натурѣ. Каждый человѣкъ нуждается въ извѣстномъ просторѣ для своей индивидуальной жизни. Онъ долженъ имѣть извѣстную сферу личной жизни и эта сфера была бы сильно стѣснена съ уничтоженіемъ частной собственности. Человѣку свойственно чувство любви къ себѣ—чувство самосохраненія, которое, въ извѣстныхъ предѣлахъ, вполнѣ нравственно и законно, въ силу его человѣкъ испытываетъ высокое удовольствіе въ обладаніи собственностью. Законодательная политика должна быть направлена въ сторону лучшаго, равномѣрнаго распредѣленія частной собственности. Неблагопріятныя явленія, связанныя, повидимому, съ частною собственностью, какъ-то: постоянные поземельные процессы и т. п., обусловливаются не сущностью этого института, но испорченностью и невоспитанностью человѣческой натуры. Вотъ почему всѣми силами ума Аристотель протестуетъ противъ общей собственности, общности сожитія, общности женъ (по проекту Платона). Извѣстно, говоритъ Аристотель, что мы и легче всего и чаще всего ссоримся и сердимся съ людьми, ближе всего къ намъ стоящими,—съ нашими домашними. Эти ссоры также легко проходятъ, какъ и возникаютъ, не распространяясь за предѣлы узкаго домашняго круга. При сожитіи же въ большихъ общественныхъ группахъ ссоры эти распространялись бы на большую массу людей, во всякомъ случаѣ затрагивали бы интересы людей, далеко отъ насъ стоящихъ, и колебали бы спокойствіе всего общества. Противъ общности женъ и дѣтей Аристотель возражаетъ тѣмъ, что человѣкъ нуждается въ извѣстномъ интенсивномъ чувствѣ привязанности, которое могутъ доставить отношенія къ женѣ, сыну, отцу, брату. Общая совмѣстная жизнь семей растворитъ въ большой массѣ человѣческаго общества эти чувства и они также будутъ не замѣтны въ немъ, какъ небольшое количество сладкаго вещества въ большомъ сосудѣ воды. Уничтоженіе семьи и соединеніе людей въ одну общественную группу, въ которой бы тонули и пропадали всѣ семейныя связи, вызываетъ еще и другія серьезныя возраженія. Разъ не будетъ существовать семьи, не будетъ и высшаго общественнаго союза—государства. Государство, по своей натурѣ, есть не однородное, а разнообразное и

множественное, въ то время какъ семья представляется болѣе однородною по своему составу. Государство, по мысли Аристотеля, должно соединять въ себѣ разнообразіе индивидуальныхъ группъ; разъ исчезаетъ эта индивидуальность и уничтожается существенное условіе для ея образованія, заключающееся въ существованіи семьи и частной собственности, то пропадаютъ и государство и человѣческое общество.

Экономическія ученія Аристотеля пользовались большимъ авторитетомъ въ Средніе вѣка въ западной Европѣ, до появленія первыхъ экономическихъ системъ новаго времени, въ наше время нѣкоторые экономисты высоко ставятъ Аристотеля, какъ экономиста теоретика Большой поклонникъ Аристотеля, Отто Эфферцъ, въ своемъ обширномъ сочиненіи (Otto Effertz, Arbeit und Boden) далъ, между прочимъ, детальную сравнительную оцѣнку его экономическихъ воззрѣній по вопросу о цѣнности, цѣнѣ, народонаселеніи и т. п. Сопоставляя ихъ съ теоріями Карла Маркса и другихъ современныхъ экономистовъ, Эфферцъ склоненъ даже видѣть на сторонѣ Аристотеля преимущества въ точности теоретическаго анализа и правильности методологическихъ пріемовъ. Съ другой стороны, современная научная критика, въ лицѣ Эдуарда Маіера, отмѣчаетъ характерный для Аристотеля анахронизмъ его экономическихъ воззрѣній, выражающійся въ безусловной симпатіи къ натуральному ойкосному хозяйству и не скрываемомъ презрѣніи ко всѣмъ проявленіямъ мѣнового и денежнаго хозяйства. Маіеръ обращаетъ вниманіе на то, что Аристотель жилъ уже въ эпоху широкаго развитія у аѳинскаго народа мѣновыхъ оборотовъ, въ концѣ 4-го вѣка до Р. Х., но его предубѣжденія помѣшали ему дать болѣе подробное освѣщеніе этой сферы народнаго хозяйства современной ему Греціи.

Литература. Сочиненія Ксенофонта, русскій переводъ Янчевецкаго Ревель. 1895 г. 2 изд. Сочиненія Платона, русск. перев. Карпова. Т. 1—4. С.-Пет. 1863 г. Аристотель. Политика. переводъ Скворцова. Москва 1893 г. 2-е изд. Нѣмецкій перев. Aristoteles Werke. Acht Bücher vom Staate, übersetzt von Schnitzer. Stuttgart. 1856. Herausg. von Ossiandere und Schwab. Rob. von Mohl. Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. T. I. Erlangen. 1855. Robert Pöhlmann. Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. München. 1893—94. 2 тома. W. Onken. Die Staatslehre des Aristoteles. Leipzig. 1870—75 г. 2 тома. Otto Effertz Arbeit und Boden. Grundlinien einer Ponophysiokratie, 2 Aufl. 1890—91. Putkammer und Muhl. Berlin 3 Bande. Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ. Томъ I. С.-Петербургъ. 1891 г. изд. 2-е.

Очеркъ хозяйственнаго быта римлянъ.

Общій характеръ римскаго хозяйства. Римъ въ теченіе всего времени пребыванія на исторической аренѣ оставался чисто земледѣль-

ческою страною. Онъ начинаетъ свое существованіе какъ земледѣльческая община и заканчиваетъ свое историческое поприще послѣ глубокаго разстройства, внесеннаго въ область землевладѣнія господствомъ латифундій. Въ области землевладѣнія и земледѣлія брали свое начало основныя соціально-экономическія неустройства и бѣдствія, переживаемыя римскимъ народомъ. Патриціи и плебеи, пролетаріатъ и рѣзкая противоположность между богатыми и бѣдными—все это создавалось, благодаря преимущественно порядкамъ, господствовавшимъ въ римскомъ землевладѣніи

Какъ во всѣхъ древнихъ государствахъ, рабство составляло коренную язву римскаго народнаго хозяйства, но по количеству рабовъ Римъ, вѣроятно, превзошелъ даже восточныя монархіи. Въ Римѣ было два источника рабства. На ряду съ обращеніемъ въ рабство значительной части завоеванныхъ народовъ, римскіе магнаты являлись главными покупателями рабовъ на тогдашнемъ міровомъ рынкѣ. Эксплоатація рабскаго труда въ Римѣ была доведена до высокой степени тонкости и систематичности, сплошь и рядомъ соединявшихся съ циническою жестокостью. Объ управленіи рабами писались цѣлыя руководства, судя по сочиненію Катона старшаго. Наставленія, преподаваемыя Катономъ, объ обращеніи съ рабами, свидѣтельствуютъ, что положеніе рабовъ въ Римѣ было несравненно болѣе тяжелое, чѣмъ въ Греціи, въ періодъ наибольшаго развитія рабства въ этой странѣ. Рабы сплошь и рядомъ работали на римскихъ поляхъ закованными въ цѣпи, изъ опасенія ихъ побѣга. Катонъ, между прочимъ, совѣтуетъ продавать рабовъ, ставшихъ неспособными къ работѣ, вслѣдствіе старости или болѣзни. Рабъ, по его мнѣнію, долженъ работать, или спать. Для эксплоатаціи рабовъ онъ не останавливается даже передъ нарушеніемъ святости праздничныхъ дней, рекомендуя въ такіе дни плугъ оставлять въ покоѣ, но рабовъ заставлять неустанно заниматься другими прямо не запрещенными работами. Правда, такая жестокая эксплоатація рабовъ наступила уже въ республиканскій періодъ, а въ патріархальное время римской исторіи, когда рабовъ вообще было не много, и когда, на ряду съ рабами, на поляхъ работали и ихъ владѣльцы, ихъ положеніе было довольно сносное.

Римскій народъ жилъ въ условіяхъ натуральнаго ойкоснаго хозяйства, съ преобладаніемъ въ немъ занятія земледѣліемъ, и этотъ характеръ хозяйства очень мало былъ поколебленъ даже въ періодъ мірового господства римскаго государства, когда торговые обороты въ Римѣ достигли широкаго развитія, а также появились обширныя ремесленныя заведенія. Дѣло въ томъ, что ни обрабатывающая промышленность, ни торговля въ теченіе существованія Рима не освободились отъ подчиненія земледѣлію и были пріурочены къ сельскому хозяйству. Занятіе торговлей сплошь и рядомъ являлось дополнительнымъ въ рукахъ ойкосныхъ магнатовъ. Располагая большимъ количествомъ сельскихъ продуктовъ,

получаемыхъ изъ своихъ хозяйствъ, а также въ видѣ платы отъ своихъ арендаторовъ, крупные землевладѣльцы обзаводились барками для перевозки этихъ продуктовъ по рѣкамъ, тамъ, гдѣ географическое положеніе ихъ имѣній позволяло пользоваться этимъ способомъ транспорта Такъ какъ они владѣли суднами, то въ ихъ руки впослѣдствіи попала и заморская торговля[1]. Тѣ же крупные землевладѣльцы, возлагая на рабовъ сельскохозяйственныя работы, старались занять нѣкоторую часть своихъ рабовъ ремеслами и переработкою сырьевыхъ продуктовъ, производимыхъ въ своихъ имѣніяхъ Такимъ образомъ, рабамъ одного и того же собственника поручалось производство сырья, его фабрикація и транспортировка тѣхъ и другихъ произведеній, такъ что, по словамъ Родбертуса, продуктъ національнаго производства ни разу не мѣнялъ своего владѣльца въ теченіе всего процесса его производства[2]. Идеалъ ойкоснаго хозяйства запечатлѣнъ во всей римской литературѣ по сельскому хозяйству. Катонъ, Варронъ. Плиній, Колумелла часто повторяютъ, очевидно, господствующую въ Римѣ аксіому, что добрый хозяинъ долженъ вести дѣло такъ, чтобы по возможности нигдѣ ничего не покупать, а все производить у себя дома Агрономъ Палладій совѣтуетъ держать и воспитывать рабовъ-ремесленниковъ внутри помѣстья, чтобы не нуждаться въ помощи города, Колумелла также совѣтуетъ производить у себя дома все нужное для обихода и всегда носилъ одежду только изъ ткани, выдѣланной въ своемъ хозяйствѣ. Симпатій къ ойкосному земледѣльческому хозяйству проникнуты законодательные акты римскихъ цезарей, не смотря на силу историческихъ обстоятельствъ, клонившихся къ созданію мѣнового оборота. Вопреки этому историческому теченію, Юлій Цезарь издаетъ распоряженіе, по которому только одна строго опредѣленная часть имущества римскихъ гражданъ могла быть обращена въ движимость, остальное же должно быть помѣщено въ поземельное владѣніе. Юлій Цезарь, Траянъ и послѣдующіе императоры неоднократно повторяли постановленіе, по которому сенаторамъ дозволялось владѣть не болѣе, чѣмъ тремя кораблями. Въ этихъ ограниченіяхъ нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ Родбертусомъ, указанія на то, что торговая промышленность и владѣніе движимыми капиталами оставались чуждыми кореннымъ традиціямъ римлянъ.

Въ послѣднія столѣтія римской исторіи хотя и совершилось выдѣленіе торговли и обрабатывающей промышленности изъ состава земледѣльческаго хозяйства, но оно не шло дальше раздѣленія по мѣсту, и всѣ эти отрасли хозяйства по-прежнему оставались въ рукахъ одного и того же римскаго землевладѣльца или арендатора. Это выдѣленіе выразилось единственно въ томъ, что всѣ приспособленія для обрабатывающей промышленности

[1] См. Т. Моммзенъ. Римская исторія. М. 1887 г. изд. Солдатенкова. Томъ I, стр. 200, 201.

[2] Родбертусъ. Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Вып. I, стр 64—65. Вып. II, стр. 71 и др.

и мастерскія строились въ сосѣдствѣ городскихъ стѣнъ или въ городскомъ домѣ римскаго магната, въ видахъ удобства сбыта товаровъ въ городъ, а все сырье для фабрикъ привозилось изъ сельскаго помѣстья того же владѣльца мастерскихъ. Самые города въ римскомъ государствѣ носили полусельскій характеръ: въ нихъ жили землевладѣльцы, управляющіе хозяйствами на поляхъ прилегающихъ къ городу. Противоположности между селами и городами въ хозяйственномъ отношеніи не существовало. Города заселялись богатыми сельскими хозяевами съ ихъ слугами, а затѣмъ наполнялись толпой пролетаріевъ, не находившихъ работы.

Отмѣченное нами тяготѣніе Рима къ натуральному, домашнему, хозяйству не даетъ основанія заключать, что римское хозяйство не эволюціонировало въ теченіе тысячелѣтняго существованія римскаго государства. Въ періодъ отъ 2 вѣка до Р. Х. и до 2 в. послѣ Р. Х. государственная жизнь Рима создала весьма благопріятныя условія для образованія широкаго экономическаго оборота, которыя должны были поколебать господство замкнутаго домашняго хозяйства. За это время, какъ извѣстно, Римъ соединилъ подъ своею властью огромную территорію, границы которой включали, кромѣ Аппенинскаго полуострова, Великобританію, Францію, Италію, Южную Германію, Египетъ и всѣ земли, прилегавшія къ бассейнамъ Чернаго и Средиземнаго морей. Какая обширная сфера для международнаго торговаго обмѣна! Къ тому же со стороны Рима принимались мѣры для политическаго объединенія разнообразныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ римскаго государства. Прежде всего всѣ эти страны подводились подъ однообразный гражданскій порядокъ. Политика императорскаго режима въ первый періодъ его господства, клонилась къ тому, чтобы упрочить имущественныя отношенія римскихъ подданныхъ, поставивъ ихъ подъ защиту общаго права, вмѣсто частнаго патроната богачей. Въ отношеніи провинцій и провинціальныхъ муниципій цезари проводили политику уравненія ихъ съ коренными римскими областями. Это освободительное движеніе, начавшееся при цезарѣ Августѣ, окончилось извѣстнымъ эдиктомъ Каракаллы, даровавшаго права римскаго гражданства всѣмъ свободнымъ подданнымъ императора. Римскіе цезари также прилагали огромныя старанія къ соединенію городовъ и римскихъ провинцій съ Римомъ удобными путями сообщенія, по которымъ даже была организована почтовая перевозка пассажировъ и грузовъ (via Appia). Хотя эти замѣчательно благоустроенныя римскія дороги приспособлены были преимущественно для военныхъ цѣлей и передвиженія войскъ, но онѣ предоставлялись и для частнаго пользованія. Наряду съ удобными путями сообщенія, развитіе коммерческаго оборота между отдѣльными областями Римской имперіи облегчалось распространеніемъ однообразныхъ римскихъ мѣръ, вѣсовъ и денежной системы, все болѣе входившихъ въ употребленіе среди подвластныхъ Риму народовъ или только испытывавшихъ на себѣ вліяніе римской культуры. «Римскій динарій, по словамъ Моммзена, не отстаетъ

ни на шагъ отъ римскихъ легіоновъ». Во 2 в. до Р. Х. почти всѣ монетные дворы въ завоеванныхъ странахъ были закрыты римлянами и только нѣкоторымъ провинціямъ дозволялось чеканить монету, но непремѣнно по римскимъ образцамъ. Наконецъ, къ этому времени относится значительное развитіе на римской территоріи другого важнаго аппарата для совершенія торговыхъ оборотовъ—кредитныхъ учрежденій. Банкирскія конторы *(tensarii)* обосновались на римскомъ форумѣ и были разсѣяны по болѣе значительнымъ римскимъ городамъ. Какъ показали раскопки въ Помпеяхъ, римскіе банкиры принимали вклады денегъ на храненіе, производили операціи текущаго счета и перевода денегъ на другіе города. Извѣстно, что Цицеронъ, отправляя своего сына въ Аѳины, передалъ ему необходимую сумму денегъ переводомъ отъ римскаго банкира—аѳинскому (permutatio pecuniae). Формы веденія банкирскихъ счетовъ были нормированы преторскимъ эдиктомъ.

Всѣ эти явленія въ экономическомъ быту римлянъ должны были разлагающимъ образомъ дѣйствовать на ойкосную систему хозяйства и создать элементы для образованія народнаго хозяйства, съ общественно-хозяйственнымъ раздѣленіемъ занятій между отдѣльными хозяйственными классами. Если, однако, указанныя тенденціи хозяйственнаго развитія націи не привели къ упроченію мѣнового хозяйства, а оказались только временной реакціей противъ автономіи крупныхъ ойкосовъ римскихъ магнатовъ, то это объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ.

Прежде всего надо сказать о римской торговлѣ, что хотя она возникла еще въ до-республиканскій періодъ подъ могущественнымъ вліяніемъ Греціи[1]), а въ послѣдующее время была весьма значительна по размѣрамъ оборота, но она носила пассивный характеръ. Представляя огромный рынокъ для потребленія, Римъ самъ очень мало производитъ для иностраннаго сбыта. Скопивъ огромныя богатства путемъ завоеванія и военной добычи, римскіе магнаты предъявляли огромный спросъ, въ особенности на предметы роскоши, привозимые съ Востока и Греціи. Обычными предметами римскаго ввоза были: хлѣбъ, скотъ, сухія овощи, а затѣмъ—посуда, одѣяніе, жемчугъ, янтарь, слоновая кость и, наконецъ, цѣлыя массы рабовъ. Въ обмѣнъ на эти предметы Римъ почти ничего не могъ предложить для мірового оборота, расплачиваясь за ввозимые товары наличными деньгами. Денежный мѣновой оборотъ сосредоточивался въ большихъ приморскихъ городахъ, а въ деревняхъ, въ широкихъ размѣрахъ, производился натуральный обмѣнъ продуктовъ на продукты, при чемъ деньги служили только номинальною счетною единицею. Насколько ограниченное мѣсто занимали деньги въ мѣновомъ оборотѣ, можно отчасти судить, напримѣръ, потому, что еще въ 137 г. до Р. Х. изъ звонкой монеты, находящейся налицо въ римской государственной казнѣ, едва шестая часть состояла изъ чеканной монеты, а пять шестыхъ состояли изъ золота въ слиткахъ[1]). Въ Римѣ не замѣчается и отдѣльнаго, обосо-

[1]) Т. Моммзенъ. Римская исторія, т. I, стр. 843—844.

бившагося и развитаго купеческаго класса. Societates publicanorum, торговыя товарищества, напоминающія современныя акціонерныя общества, гораздо больше являлись административно-финансовыми учрежденіями, чѣмъ частными торговыми компаніями. Ихъ назначеніемъ преимущественно былъ пріемъ на откупъ казенныхъ монополій и налоговъ, они же вели хлѣбную торговлю для нуждъ столицы и частью мѣняльныя и банковыя операціи. Не рѣдко также въ Римѣ, какъ это было и въ Греціи, торговлей занимались вольноотпущенники, въ предпріятіяхъ которыхъ главными пайщиками являлись ихъ патроны, латифундіарные собственники. Въ связи съ этимъ отпущеніе на волю у римлянъ часто было не столько дѣломъ великодушія, сколько выгодной промышленной спекуляціей и источникомъ обогащенія. Поэтому отпущеніе на волю становилось все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ, по мѣрѣ того, какъ усиливалась торговая дѣятельность римлянъ. Въ этой формѣ римская торговля сохраняла личную связь съ собственниками латифундій.

Въ Римѣ недоставало благопріятныхъ условій для развитія ремеслъ и обрабатывающей промышленности. Занятіе ремесломъ римляне считали недостойнымъ римскаго гражданина. Свободный римлянинъ, вынужденный обратиться къ ремесленному труду, стоялъ въ общественномъ мнѣніи не выше раба, и его дочь, какъ дочь раба, не могла быть весталкой. Уже при царяхъ, по свидѣтельству Діонисія, занятія ремеслами были дозволены только рабамъ-иностранцамъ[1]). Къ тому же и въ римскомъ правѣ трудъ, приложенный къ обработкѣ сырья, не получилъ достаточнаго признанія и защиты. Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ сужденія, высказывавшіяся нѣкоторыми римскими юристами. По мнѣнію юриста Лабео, если на пурпурной фабрикѣ случайно (по ошибкѣ) будетъ обработана чужая шерсть, то для собственника шерсти это такъ же не имѣетъ значенія, какъ если бы эта шерсть упала въ грязь и вслѣдствіе этого измѣнила свой видъ[2]). Другими словами, римское право не признавало значенія той цѣнности, которая прибавлялась къ сырому матеріалу его фабричной обработкой и интересы собственниковъ сырья защищались въ ущербъ представителей ремесленнаго труда.

Основная причина, помѣшавшая образованію въ предѣлахъ Римской имперіи народнаго хозяйства на основѣ общественнаго хозяйственнаго раздѣленія труда, лежала въ измѣненіи политическаго режима римскаго государства. Начиная съ 3 вѣка по Р. Х., значеніе центральной власти падаетъ и параллельно съ этимъ растетъ сила и значеніе земледѣльческой знати, живущей въ своихъ латифундіарныхъ помѣстьяхъ. Въ качествѣ наслѣдственныхъ сенаторовъ, владѣльцы римскихъ латифундій освобо-

---

[1]) А. Гусаковъ. Деликты и договоры, какъ источники обязательствъ въ системѣ цивильнаго права древняго Рима. М. 1896 г., стр. 10—18.

[2]) Karl Hoffmeister. Die wirthschaftliche Entwicklung Roms. Wienn. 1899 г., стр. 31.

ждаются отъ обязанностей чиновничьей службы, не несутъ муниципальныхъ повинностей и затѣмъ, основываясь на своей силѣ, произвольно не платятъ налоговъ, не повинуются судамъ и не идутъ на войну по призыву центральной власти. Мелкая и средняя собственность въ эту пору больше не существуетъ. Хозяйства магнатовъ преобразуются въ латифундіи—княжества, дѣйствующія разлагающимъ образомъ на Римскую имперію. Внутри римскаго общества уже въ 3—4 в. сложилась въ социальномъ отношеніи сеньорія феодальнаго характера. Политическая разобщенность латифундіарныхъ имѣній содѣйствовала возвращенію къ натуральному хозяйству и усиленію экономической замкнутости крупныхъ ойкосовъ, только нѣсколько поколебленной въ концѣ республиканскаго періода и въ первые вѣка императорскаго режима[1]).

Положеніе землевладѣнія и аграрное законодательство въ Римѣ. Извѣстно, что уже въ патріархальный періодъ римской исторіи частная собственность получила всеобщее распространеніе и была распредѣлена очень равномѣрно. Изъ реформы Сервія Тулія видно, что бо́льшая часть поземельной собственности состояла изъ мелкихъ хуторовъ, достаточныхъ для содержанія одной семьи и необходимаго домашняго скота. Послѣ долгихъ споровъ о характерѣ древняго римскаго землевладѣнія, ученые согласились въ томъ, что римская семья этой поры владѣла двумя югерами усадебной земли, на которой, кромѣ домашнихъ построекъ, разбивался садъ, засаженный виноградомъ и масличными деревьями. Сверхъ этого, каждая семья владѣла участкомъ полевой земли для пашни. Обыкновенный размѣръ полнаго полевого надѣла былъ не менѣе 20 югеровъ, но въ этотъ счетъ не входили луга, лѣса и выпасы для скота, которыми члены общины пользовались въ размѣрѣ своихъ потребностей[2]). Болѣе богатые граждане, владѣвшіе большими пространствами земли, раздавали излишніе участки земли своимъ кліентамъ, т. е. семьямъ лицъ, зависимыхъ и находившихся подъ ихъ покровительствомъ. Это была та пора въ исторіи римскаго народа, когда Цинцинатъ былъ національнымъ идеаломъ римскаго гражданина. Римская община мирно занималась земледѣліемъ, и только случайныя пертурбаціи на внѣшней границѣ заставляли ея гражданъ временно браться за оружіе. Это уравновѣшенное состояніе землевладѣнія было нарушено съ того времени, какъ римскій народъ выступилъ на путь завоевательной политики. Какъ извѣстно, римляне, завоевывая новую территорію, отнимали у покоренныхъ жителей часть, а иногда и всю ихъ землю, обращая ее въ общественную собственность римскаго народа (ager publicus populi romani). Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ римское государство изъ небольшого союза сосѣднихъ общинъ, расположен-

---

[1]) И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во времена имперіи) Т. I. Спб., стр. 600—604, стр. 582 и др.

[2]) 1 югеръ=1 прусскому моргену или 0,23 русской десятины, Моммзенъ. Римская Исторія. Изд. Солдатенкова. Т. I, стр. 182—191.

ныхъ въ окрестностяхъ города Рима, выростало въ обширный политическій организмъ, занявшій весь Аппенинскій полуостровъ, цѣлая масса мелкихъ собственниковъ присоединенныхъ территорій была обезземелена. На ряду съ этимъ, обращая территорію завоеванныхъ народовъ въ собственность римскаго народа, римское государство создавало новыя серіи мелкихъ землевладѣльцевъ, надѣляя участками завоеванной земли своихъ нуждавшихся въ землѣ горожанъ. Но такое надѣленіе отвоеванной землей римскихъ безземельныхъ гражданъ не всегда практиковалось, при чемъ самые порядки, установившіеся въ пользованіи общественными землями, служили источникомъ серьезныхъ осложненій въ области поземельныхъ отношеній. Въ прямой зависимости отъ нихъ находится образованіе крупныхъ латифундій, крайне неравномѣрное распредѣленіе поземельной собственности, образовавшееся уже въ цвѣтущій періодъ римской исторіи (отъ 2 в. до Р. Х. до 2 в. по Р. Х.), и, наконецъ, полное исчезновеніе мелкой собственности. Первоначально, вѣроятно, вся ager publicus распредѣлялась для пользованія между бѣднѣйшими римскими гражданами, за исключеніемъ плебеевъ, т. е. той части населенія, которая образовалась въ средѣ римскаго народа изъ ранѣе покоренныхъ народовъ и преимущественно жителей Лація. Впослѣдствіи государство распоряжалось вновь завоеванными землями слѣдующимъ образомъ. Одна часть ея отводилась на правахъ частной собственности римскимъ гражданамъ, колонизовавшимъ эти земли (agri divisi, agri assignati), часть сдавалась въ наслѣдственную аренду изъ 5—10% годового дохода (agri vectigalis), остальная земля объявлялась собственностью народа, но не римской казны (ager publicus populi romani), и была открыта для свободнаго пользованія (possessio) каждаго римскаго гражданина. Этою послѣднею категоріей земель римскіе граждане пользовались въ двухъ формахъ—для выпаса скота и частью обрабатывали подъ пашню. Хотя эти земли предоставлялись на одинаковыхъ правахъ для всѣхъ гражданъ, но фактически размѣръ владѣнія отдѣльной семьи опредѣлялся количествомъ сельскохозяйственнаго инвентаря, рабовъ и вообще матеріальныхъ средствъ, которыми она располагала. Поэтому богатые граждане дѣлали огромныя запашки и посылали на пастбу большія стада. Такой порядокъ запашки общественныхъ земель приводилъ къ тому, что вся площадь ихъ была занята богатыми крупными землевладѣльцами, а для мелкихъ собственниковъ и вновь нарастающихъ ихъ поколѣній не оставалось свободной земли.

На ряду съ тѣмъ ущербомъ, который претерпѣвали мелкіе собственники вслѣдствіе захвата общественныхъ земель римскими магнатами, шелъ процессъ обезземеленія старинныхъ мелкихъ пахарей, который придавалъ особенную остроту вопросу о землѣ среди народной массы. Въ римскомъ соціальномъ быту было много причинъ, которыя вели къ уничтоженію мелкихъ земледѣльцевъ. Въ болѣе раннюю эпоху мелкихъ собственниковъ разоряли ихъ заимодавцы. Старое законодательство двѣ-

надцати таблицъ безпощадно относилось къ должникамъ, отдавая ихъ имущество и личность во власть кредиторовъ. Обыкновеннымъ поводомъ для тягостныхъ займовъ было участіе мелкихъ собственниковъ въ военныхъ походахъ, во время которыхъ поля ихъ часто оставались безъ обработки. Единственными капиталистами, у которыхъ имъ приходилось дѣлать займы, были крупные землевладѣльцы, частныя тюрьмы которыхъ бывали переполнены несостоятельными должниками. Необычайно суровыя послѣдствія долговыхъ отношеній составляютъ общую черту въ первоначальномъ правѣ всѣхъ народовъ арійской вѣтви. Однако нигдѣ они не вели къ такимъ тягостнымъ послѣдствіямъ для должниковъ, какъ въ Римѣ, и это потому, что, вслѣдствіе особенностей римскаго соціальнаго строя, здѣсь долговое право исполняло спеціальную функцію: оно служило для патриціевъ средствомъ держать мелкое крестьянство и плебеевъ не только въ экономической, но и въ политической зависимости. Разореніе ростовщиками римскаго крестьянства продолжалось въ теченіе всего времени его существованія, но съ 3—2 вѣка до Р. Х. угнетающее вліяніе на мелкія хозяйства оказывали порядки и способы хозяйства, усвоенные латифундіарными собственниками. Въ ихъ имѣніяхъ вся обработка пашни ведется массами рабовъ, по плантаторской системѣ, гораздо ранѣе господствовавшей въ Карѳагенѣ и его сицилійскихъ колоніяхъ, съ которыми римляне находились въ постоянныхъ сношеніяхъ. Обработка полей, если не безусловно даровымъ трудомъ, такъ какъ сами рабы покупались на рынкѣ, то, несомнѣнно, самымъ дешевымъ, имѣла своимъ результатомъ крайнее обезцѣненіе хлѣба. Обыкновенно хлѣбъ въ эту пору продавался на римскомъ рынкѣ за полцѣны, сравнительно со стоимостью его производства въ мелкихъ хозяйствахъ трудомъ свободныхъ рабочихъ. Хлѣбъ, привозимый въ Римъ изъ Карѳагена, Сициліи, а также тотъ хлѣбъ, который получала казна въ видѣ даней отъ подвластныхъ провинцій, сбывая его откупщикамъ податныхъ сборовъ, продавался по цѣнамъ даже ниже италійскихъ. Приспособляясь къ новымъ условіямъ хозяйства, латифундіарные владѣльцы забрасываютъ культуру хлѣбныхъ растеній и обращаютъ свои обширныя поля въ пастбища для скота, отводя сравнительно небольшіе участки подъ садовыя культуры—виноградники и масличныя рощи. Размѣры мелкой собственности не допускали такого преобразованія въ формахъ хозяйства, и ихъ владѣльцы разорялись отъ конкуренціи дешеваго привознаго хлѣба. Хозяйство же римскихъ магнатовъ этой поры все больше проникается духомъ коммерческихъ спекуляцій. Латифундіарные владѣльцы участвуютъ въ торговыхъ товариществахъ, занимаются откупами казенныхъ податей и, какъ пайщики, получали львиную долю тѣхъ процентовъ, которые наживали римскіе ростовщики въ провинціяхъ и въ Италіи. Самъ Катонъ, этотъ блюститель чистоты римскихъ нравовъ республиканскаго періода, значительную часть своего состоянія помѣщалъ въ паяхъ разныхъ торговыхъ компаній.

Могущество римскихъ магнатовъ, соединявшихъ въ своихъ рукахъ землевладѣніе, торговлю и кредитные обороты, по разнообразнымъ поводамъ давало себя чувствовать мелкому крестьянству. Округляя свои владѣнія, римская знать скупала цѣлыми массами участки мелкихъ пахарей. Нерѣдко могущество спекулянтовъ-помѣщиковъ переходило въ полное самовластіе. Если при покупкѣ мелкихъ участковъ владѣльцы ихъ оказывались несговорчивыми, то они просто захватывали ихъ владѣнія и безъ купчихъ крѣпостей, при чемъ не всегда кончалось дѣло мирно: самый обыкновенный въ этомъ случаѣ пріемъ заключался въ томъ, что, когда землепашецъ былъ въ полѣ на работѣ, капиталистъ выгонялъ его жену и дѣтей изъ дому и принуждалъ его быть сговорчивымъ, опираясь на теорію совершившагося факта[1]). Убыль мелкихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ становится замѣтной со второй половины 2-го вѣка до Р. Х. Цензовые списки римскаго гражданства этого времени показываютъ постоянное сокращеніе ихъ числа. Въ цензѣ 159 г. насчитывалось 328,000 годныхъ для военной службы гражданъ, а затѣмъ въ 154 г.—324,000, въ 147 г. 322,000 и въ 131 г.—319,000 —Лишившіеся своихъ участковъ мелкіе землевладѣльцы не могли найти занятія въ обширныхъ имѣніяхъ богатыхъ плантаторовъ, въ качествѣ арендаторовъ и наемныхъ рабочихъ, такъ какъ тамъ все хозяйство велось рабскимъ трудомъ. Они массами уходили въ Римъ и пополняли тамъ ряды городского пролетаріата. На столичномъ рынкѣ въ эту пору уже слышались такія рѣчи, что у дикихъ звѣрей есть логовища, а у гражданъ не осталось ничего, кромѣ воздуха и солнечнаго свѣта, и что тѣ, кого называютъ властителями міра, не могутъ назвать ни одного клочка земли своею собственностью. А въ то же время сельская поземельная собственность концентрируется въ видѣ крупныхъ помѣстій въ 1000 и болѣе десятинъ, такъ что на пространствѣ, которое при существованіи стариннаго мелкаго землевладѣнія прокармливало отъ ста до ста пятидесяти крестьянскихъ семействъ, теперь жило только одно семейство свободныхъ людей и около пятидесяти большею частью неженатыхъ рабовъ.

Въ Римѣ никогда не было недостатка въ людяхъ съ широкимъ государственнымъ кругозоромъ, которые видѣли въ исчезновеніи въ римскомъ обществѣ класса свободныхъ мелкихъ пахарей и въ безпорядочномъ захватѣ общественныхъ земель (ager publicus) римскими магнатами глубокое зло, подтачивавшее силы государства Обезземеленіе народныхъ массъ совершилось въ республиканскій періодъ римской исторіи и цѣликомъ обязано тому режиму, когда римскіе аристократы соединяли въ своихъ рукахъ, вмѣстѣ съ матеріальнымъ богатствомъ, и высшую правящую власть, представляемую сенатомъ. Изъ этого же сословія выходятъ и всѣ аграрные реформаторы Это были люди, занимавшіе видное поло-

[1]) Моммзенъ, Римская исторія, т. 2-й, стр. 81

женіе въ государствѣ, которые брали подъ свою защиту интересы простого народа противъ собственнаго сословія и выносили тяжелую борьбу, большею частью заканчивающуюся смертью этихъ защитниковъ правильно понятыхъ интересовъ римскаго народа и государства. Такъ какъ надѣленіе общественными землями неимущихъ гражданъ прекратилось съ переходомъ отъ царскаго къ республиканскому періоду, уступая мѣсто безпорядочному захвату этихъ земель римскими магнатами, то планы поземельныхъ реформаторовъ неизмѣнно имѣли своимъ предметомъ предложеніе—подѣлить общественныя земли между нуждающимися безземельными гражданами и ограничить захватъ этихъ земель въ крупныхъ размѣрахъ римскими аристократами. Съ этимъ предложеніемъ впервые выступилъ Спурій Кассій, за нимъ черезъ нѣсколько лѣтъ Манлій Капитолійскій, который для примѣра предложилъ на продажу мелкимъ пахарямъ всѣ свои земли. Старанія обоихъ этихъ заслуженныхъ и весьма популярныхъ римскихъ гражданъ не привели къ существеннымъ результатамъ. Правда, послѣ смерти обоихъ этихъ поборниковъ земельной реформы сенатъ находилъ непрактичнымъ совершенно отказать въ раздачѣ земель неимущимъ своимъ гражданамъ, но эта раздача производилась въ слишкомъ незначительныхъ размѣрахъ, сравнительно съ возрастающею потребностью въ землѣ и быстрымъ ростомъ класса безземельныхъ. Бѣдствія этого класса вызвали новую попытку реформы со стороны двухъ римскихъ трибуновъ, Гая Лициніи Столона и Люція Секстія, которые имѣли своей задачей надѣленіе землей плебеевъ, раньше вовсе не допускавшихся къ пользованію общественными землями. Не рѣшаясь на полное уничтоженіе системы захвата общественныхъ земель, они предложили установить извѣстныя границы для оккупаціи этихъ земель отдѣльными гражданами. Въ силу сдѣланныхъ ими сенату предложеній, которыя стали затѣмъ закономъ (въ 367 г. до Р. Х.), было установлено, что ни одинъ гражданинъ не въ правѣ имѣть въ своемъ пользованіи болѣе 500 югеровъ, или около 125 десятинъ на нашу мѣру, общественныхъ земель. Остальная земля отбиралась государствомъ и должна быть обращена въ мелкіе надѣлы для плебеевъ. На будущее время было постановлено, что кто присвоитъ себѣ болѣе 500 югеровъ земли, тотъ не только теряетъ излишне захваченную землю, но еще уплачиваетъ извѣстный денежный штрафъ. Пользованіе общественными лугами также было нормировано: на этихъ лугахъ отдѣльной семьѣ запрещалось пасти болѣе 100 головъ рогатаго скота и 500 овецъ. Наконецъ, въ законахъ Лициніи и Секстія сдѣлана попытка оказать защиту труду свободныхъ гражданъ въ той конкуренціи, которую онъ испытывалъ отъ наплыва рабовъ. Эти законы, между прочимъ, ставили въ обязанность крупнымъ землевладѣльцамъ употреблять для воздѣлыванія полей нѣкоторое число свободныхъ работниковъ, въ опредѣленной пропорціи къ числу занятыхъ въ ихъ имѣніяхъ рабовъ. Насколько эти законы, формально принятые сенатомъ, исполнялись видно изъ того, что

Гай Лицинiй, одинъ изъ авторовъ законодательнаго проекта, самъ однимъ изъ первыхъ былъ оштрафованъ за превышеніе аграрнаго максимума II эти законы, однако, оказали нѣкоторое дѣйствіе Съ реформой Лицинія и Секстія началось для Рима время могучаго преуспѣянія, самый славный періодъ римской исторіи. Въ счастливыхъ войнахъ разрослось римское могущество, было достигнуто то, что итальянскіе народы, подъ владычествомъ римлянъ, соединились въ одно государственное цѣлое; въ упорныхъ войнахъ съ Карѳагеномъ Римъ достигъ положенія всемірнаго государства. Нельзя отрицать, что такой ростъ національнаго могущества римлянъ въ значительной мѣрѣ зависѣлъ отъ того притока матеріальнаго достатка въ народную массу, который былъ вызванъ надѣленіемъ землей нѣсколькихъ десятковъ тысячъ неимущихъ гражданъ, въ силу законовъ Лицинія.

Предписанія Лициніевыхъ законовъ не вполнѣ и не долго соблюдались: черезъ нѣсколько десятилѣтій въ пользованіи общественными землями опять упрочилась система захватовъ, и вновь нарождавшіяся поколѣнія римскихъ бѣдняковъ не имѣли доступа къ землевладѣнію. Спустя еще два столѣтія со времени законовъ Лицинія обезземеленіе римскаго крестьянства и нужда въ землѣ приняли необычайно острый характеръ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени (150 л. до Р. Х.) возникли новыя затрудненія, удручавшія хозяйства мелкихъ собственниковъ, какъ то: конкуренція привознаго хлѣба, продававшагося въ Римѣ за безцѣнокъ, переходъ крупныхъ хозяйствъ къ пастбищной системѣ и къ скотоводству и, наконецъ, вытѣсненіе труда свободныхъ рабочихъ трудомъ массы рабовъ. Всѣ эти явленія, осложнявшія аграрный вопросъ въ Римѣ во 2 в. до Р. Х., были нами отмѣчены раньше (стр. 41). Насколько земельная реформа теперь была настоятельна, настолько велики были и трудности для ея осуществленія при открытомъ нежеланіи со стороны аристократическаго правительства Рима сдѣлать какія-либо уступки въ жгучемъ вопросѣ о надѣленіи неимущихъ гражданъ участками изъ общественной земли.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ за дѣло аграрной реформы взялись два брата: Тиберій и Гай Гракхи въ союзѣ съ Сципіономъ Эмиліяномъ, пріемнымъ внукомъ Сципіона Африканскаго. Изъ аристократическаго класса за аграрную реформу стояли только отдѣльныя лица—Аппій Клавдій, Квинтъ Меттелъ, побѣдитель македонянъ и ахеянъ; къ реформѣ также относился сочувственно извѣстный юристъ Публій Сцевола, государственныя же учрежденія—сенатъ и трибунатъ—противились духу реформы. Сенатъ, бывшій законодательнымъ учрежденіемъ, въ которомъ вотировались законадательные проекты, состоялъ изъ богатыхъ людей, латифундіарныхъ владѣльцевъ, которымъ, такимъ образомъ, приходилось быть судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Трибунатъ былъ учрежденіемъ, выдвинутымъ для защиты народныхъ интересовъ, но одинъ изъ трибуновъ по закону выбирался изъ аристократическаго

сословія и своими «veto» пресѣкалъ всякія реформы, клонившіяся къ ущербу патрицианскаго сословія. Было очевидно, что безъ нарушенія конституціи невозможно провести дѣло реформы. Это однако не остановило Тиберія Гракха по вступленіи въ должность трибуна (въ 134 году до Р. Х.) предложить свой полевой законъ, который былъ не что иное, какъ возобновленный Лициніо-Секстіевскій законъ 387 года. Согласно ему, всѣ оккупированныя и находящіяся въ безмездномъ пользованіи ихъ занимателей государственныя земли—до арендуемыхъ законъ не касался—должны быть отобраны въ казну, съ такимъ однако ограниченіемъ, что одинъ оккупантъ могъ удержать для себя 120 и для каждаго сына по 50 и въ общемъ итогѣ не болѣе 250 десятинъ, на нашу мѣру. Отобранныя государственныя земли должны быть раздѣлены на участки въ $7^1/_2$ десятинъ и эти участки розданы частью гражданамъ, а частью италійскимъ союзникамъ, не въ качествѣ полной собственности, а какъ неотчуждаемая наслѣдственная аренда, владѣльцы которой обязывались воздѣлывать свой участокъ и платить за него въ казну умѣренную ренту. Коллегіи изъ трехъ лицъ, считаемыхъ постоянными чиновниками общины, избираемыхъ ежегодно народнымъ собраніемъ, ввѣрены отобраніе и раздѣлъ земли, къ чему позже прибавилась еще важная и затруднительная обязанность легальнаго опредѣленія: что̀ должно считать общественною землею римскаго народа и что̀ частною собственностью. Раздѣлъ, такимъ образомъ, предполагалось продолжить на неопредѣленное время, покуда очень обширныя и трудно опредѣлимыя государственныя земли въ Италіи будутъ приведены въ порядокъ. Гракховскій полевой законъ, между прочимъ, отличался отъ Лициніо-Секстіевскаго тѣмъ, что въ немъ для вновь создаваемыхъ участковъ было выговорено качество наслѣдственной аренды и неотчуждаемости. Кромѣ того, въ силу его учреждалась постоянная исполнительная коммиссія, отсутствіе которой въ старомъ законѣ и было главною причиною того, что онъ остался безъ дальнѣйшаго практическаго приложенія. Недостатокъ, и очень серьезный, Гракхова закона, создавшій большія трудности для его осуществленія, заключался въ томъ, что онъ не дѣлалъ никакого различія между оккупированными землями. Нѣкоторыя изъ нихъ были захвачены въ послѣднее десятилѣтіе, между тѣмъ какъ масса земель была оккупирована лѣтъ триста назадъ и эти земли отъ первоначальныхъ оккупаторовъ переходили къ другимъ лицамъ уже на правахъ собственности, по завѣщанію и заемнымъ обязательствамъ. Владѣльцы общественныхъ земель, затрачивавшіе изъ поколѣнія въ поколѣніе капиталъ на приведеніе ихъ въ культурное состояніе, а также семьи, пріобрѣвшія земли отъ первоначальныхъ ея заемщиковъ, привыкли смотрѣть на нихъ не какъ на простое владѣніе (possessio), а какъ на свою полную собственность. Поправлять отнятіемъ этихъ земель старыя ошибки аграрной политики—значило совершать еще бо́льшую несправедливость.

Тиберій Гракхъ, взявши въ свои руки дѣло реформы, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣлъ неудачу съ своимъ проектомъ и въ сенатѣ, и въ коллегіи трибуновъ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ крайней мѣрѣ—къ нарушенію одного изъ основныхъ законовъ страны—и въ народномъ собраніи потребовалъ удаленія трибуна, своего товарища, который враждебно относился къ полевому закону. Трибунъ былъ удаленъ до окончанія годичнаго срока службы, а это было кореннымъ нарушеніемъ римской конституціи, по которой власть римскаго чиновника была неприкосновенна: онъ даже за преступленія по должности могъ быть судимъ не раньше окончанія службы. Послѣ этого законъ былъ принятъ во всемъ его составѣ. Но Тиберій Гракхъ долженъ былъ въ концѣ года подвергнуться суду за государственное преступленіе; тогда онъ для спасенія себя прибѣгнулъ къ вторичному нарушенію конституціи страны—онъ потребовалъ у народнаго собранія избранія себя на второй годъ сряду въ трибуны. Во время этой агитаціи римскіе аристократы составили заговоръ, и Тиберій Гракхъ былъ убитъ вмѣстѣ съ тремястами его ближайшихъ сторонниковъ. Сенатъ однако не рѣшился уничтожить принятый въ народномъ собраніи полевой законъ. Комиссія изъ трехъ лицъ для приведенія въ исполненіе этого закона существовала и работала. Ей прежде всего приходилось преодолѣвать значительныя техническія препятствія Регистраціи и кадастра государственныхъ земель въ Римѣ не существовало, а потому комиссіи нужно было опредѣлить, какія земли входятъ въ составъ ager publicus. Съ этою цѣлью комиссія выставила публичныя объявленія, приглашая всякаго, кому вѣдомо, сообщать ей свѣдѣнія о пространствѣ общественныхъ земель. Точныхъ свѣдѣній такимъ путемъ, конечно, трудно было добиться, и комиссія очень часто конфисковала вмѣстѣ съ настоящими государственными землями и такіе участки, которые въ дѣйствительности были частною собственностью отдѣльныхъ гражданъ—разобраться въ этихъ земляхъ было до крайности трудно. Сенатъ до времени терпѣлъ и не вмѣшивался. Но аграрная комиссія сдѣлала новый шагъ,—она наложила руку на часть государственныхъ земель, находившихся въ наслѣдственномъ владѣніи латинскихъ гражданъ и союзниковъ. Это вызвало расколъ среди сторонниковъ Гракховыхъ законовъ. Протестъ, заявленный латинами въ сенатѣ, встрѣтилъ тамъ защитника ихъ интересовъ въ лицѣ Сципіона Эмиліана. Онъ исходатайствовалъ у сената постановленіе, по которому у аграрной комиссіи отнималась подсудность и право рѣшенія по вопросу—что̀ слѣдуетъ считать общественной землей и что̀ частною собственностью и передавалась цензорамъ и консуламъ. Этимъ закономъ, проведеннымъ Сципіономъ Эмиліаномъ, была озлоблена партія реформы, и онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ, какъ разъ наканунѣ дня, назначеннаго для доклада въ сенатѣ по дѣламъ латинянъ. Послѣ смерти Тиберія Гракха и Сципіона Эмиліана, Гай Гракхъ продолжалъ подвизаться за аграрное дѣло. Онъ, между прочимъ, положилъ начало

заморскимъ колоніямъ въ Сициліи и Карѳагенѣ, куда пересылались массы безземельныхъ пролетаріевъ. Въ результатѣ Гракховыхъ законовъ почти вся государственная земля перешла въ частныя руки. Цензъ, опубликованный чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія денежной комиссіи, показалъ увеличеніе мелкихъ свободныхъ пахарей на 76 тысячъ. Если бы законы, проведенные Гракхами, прилагались и впредь постоянно къ новозавоеваннымъ землямъ, то можно было ожидать, что въ Римѣ сложится окончательно классъ мелкихъ собственниковъ, который служитъ во всѣхъ обществахъ фундаментомъ прочнаго народно-хозяйственнаго порядка. Къ сожалѣнію, законы Гракховъ примѣнялись только періодически, когда аграрную политику бралъ въ свои руки какой-нибудь вліятельный гражданинъ. Такъ, Сулла, наприм., выселилъ въ колоніи до 100000 солдатъ-ветерановъ. Но вся римская земельная политика сложилась такимъ роковымъ образомъ, что римляне постоянно, такъ сказать, одною рукою обезземеливали цѣлыя массы населенія въ провинціи, а другою старались въ то же время, и довольно непослѣдовательно, создать мелкихъ собственниковъ. Характеризируя аграрную политику Рима этой поры, Моммзенъ говоритъ: «если сосудъ пустѣетъ отъ постояннаго изъ него истока, то ему можно помочь, не вливая въ него по временамъ хотя бы и очень значительнаго количества жидкости, а только открывая съ другой стороны постоянный ея протокъ, и это не разъ пытались исполнить, но безуспѣшно». Особенно больное мѣсто всего аграрнаго законодательства была римская провинція— по отношенію къ ней не дѣлалось ни малѣйшей попытки спасти мѣстное пахарство отъ вытѣсненія его черезъ скупку земель римскими спекуляторами. Нечего и говорить, что въ Римѣ ни разу не сдѣлано было предложенія о пріостановкѣ конфискаціи земель въ пользу государства во вновь завоеванныхъ провинціяхъ. Со времени Гракховыхъ законовъ и до конца римской республики не дѣлалось уже больше серьезныхъ попытокъ аграрной реформы. Дѣйствіе Гракховыхъ законовъ черезъ 15 лѣтъ послѣ ихъ принятія было окончательно пріостановлено и закрыта разверстная комиссія, а вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцамъ захваченныхъ общественныхъ земель были гарантированы права полной собственности на эти земли (законъ Тора 119 и законъ 111 в. до Р. Х.).

Послѣ Гракховъ отдѣльныя римскія партіи, въ періодъ республики, выступали съ проектами аграрной реформы, но въ основаніи этихъ проектовъ лежала не серьезная забота о судьбахъ римскаго землевладѣнія. Обыкновенно партія, предлагавшая новый проектъ аграрной реформы, руководилась посторонними дѣлу реформы намѣреніями, а именно стремленіемъ къ политическому преобладанію надъ другими партіями. Голодной массѣ пролетаріевъ, достигшей уже грозной цифры 300—400 тысячъ человѣкъ, выдавали казенный хлѣбъ, а разные политическіе дѣятели, которые особенно хотѣли привлечь на свою сторону эту революціонную силу и тѣмъ достигнуть временнаго преобладанія надъ своими противни-

ками, сулили ей еще какой-нибудь новый проектъ поземельной реформы. Словомъ, проекты аграрной реформы сдѣлались орудіемъ политической борьбы партій, изъ которыхъ каждая имѣла при этомъ въ виду не благо римскаго народа, а свои частныя выгоды. Поэтому нельзя придавать серьезнаго значенія аграрному закону Публія, Сервилія, Руллa (690 г. по основаніи Рима), предложеннаго съ заднею мыслью погубить популярность Помпея и добиться его паденія. Руллъ предлагалъ раздѣлить земли римской Кампаніи въ видѣ мелкихъ участковъ и поселить на нихъ безземельныхъ пролетаріевъ, а государственныя земли въ другихъ провинціяхъ продать—для образованія суммы, необходимой для первоначальнаго обзаведенія новыхъ колонистовъ въ Кампаніи. Въ сущности же Руллу желательно было добиться учрежденія на 5 лѣтъ комиссіи, съ неограниченными диктаторскими полномочіями, которая могла бы низвергнуть Помпея. Но самъ пролетаріатъ того времени настолько уже былъ деморализованъ, что и онъ очень недружелюбно встрѣтилъ этотъ проектъ переселенія, находя неудобнымъ мѣнять праздное времяпрепровожденіе и полученіе дарового хлѣба отъ государства на трудовую жизнь землевладѣльца.

Дѣло аграрной реформы становится предметомъ серьезныхъ заботъ при Юліи Цезарѣ. Цезарь сокрушилъ политическое могущество родовой республиканской аристократіи, которая господствовала надъ массами, по преимуществу посредствомъ стариннаго римскаго учрежденія—сената. Сдѣлавшись фактически монархомъ, Цезарь однако не уничтожалъ ни сената, ни другихъ аристократическихъ учрежденій, но оставлялъ ихъ умирать медленною смертью, постоянно сокращая компетенцію старыхъ республиканскихъ учрежденій. Между прочимъ, съ тѣхъ поръ и всѣ нити хозяйственнаго управленія сосредоточились не въ сенатѣ, а въ кабинетѣ Цезаря. Цезарь съ свойственнымъ ему широкимъ кругозоромъ, не думалъ парализовать родовую аристократію посредствомъ нарождающейся денежной аристократіи и пролетаріата. Устраняя родовую аристократію, онъ въ то же время хотѣлъ избавить государство отъ всѣхъ паразитовъ, какъ низшаго, такъ и высшаго сословія. Поэтому и въ вопросахъ аграрной реформы онъ пошелъ по стопамъ Гракховъ. Прежде всего онъ постарался регулировать раздачу хлѣба, которая изъ пособія дѣйствительно неимущимъ обратилась въ поощреніе праздности. Еще въ силу закона Гая Гракха, всякій римскій гражданинъ, житель столицы, имѣлъ право на полученіе изъ казны хлѣба за половину средней его цѣны, и этотъ широкій доступъ къ государственнымъ житницамъ послужилъ причиною того, что около 320000 гражданъ содержалось на счетъ государства. Цезарь нарядилъ ревизію имущественной состоятельности даровыхъ получателей хлѣба, и въ результатѣ этой ревизіи было исключено изъ списковъ до 170000 гражданъ, оказавшихся людьми зажиточными. Послѣ этого Цезарь настаивалъ, чтобы максимальная цифра лицъ, находящихся на содержаніи государства, не превышала

150000 и чтобы ревизіонная коммиссія ежегодно пополняла убыль изъ этого числа, происходящую вслѣдствіе удаленія изъ города или смерти, новыми лицами изъ бѣднѣйшихъ соискателей. Такимъ образомъ, Цезарь сдѣлалъ изъ даровой раздачи хлѣба, которою пользовались разные диктаторы для поощренія толпы къ революціоннымъ переворотамъ, правильное благотворительное учрежденіе. Сдѣлавъ точную регистрацію пролетаріата, Цезарь повелъ съ ними борьбу двумя средствами: съ одной стороны—обширною колонизаціею въ заморскія провинціи, куда онъ предполагалъ переселить безземельныя семьи, а съ другой стороны—строгими предписаніями противъ бродягъ. Цезарь организовалъ цѣлую коммиссію, которая произвела ревизію всѣхъ актовъ на владѣніе частными землями въ Италіи и тѣмъ привела въ извѣстность пространство и границы государственныхъ земель въ самой Италіи. Онъ не остановился также передъ намѣреніемъ докупить земли на государственныя средства, если бы наличныхъ государственныхъ земель не хватило для поселенія всѣхъ безземельныхъ. При выборѣ поселенцевъ онъ давалъ преимущество выслужившимся солдатамъ, и старанія его были направлены на то, чтобы всякій рекрутъ, взятый изъ класса пролетаріевъ, былъ возвращаемъ на родину въ качествѣ крестьянина-собственника. Выполненіе обширнаго плана поземельнаго устройства, намѣченнаго Юліемъ Цезаремъ, было оборвано заговоромъ Брута и Кассія. Ему удалось только двѣ тысячи бѣдныхъ семействъ надѣлить землею въ провинціи Капуѣ, поселивъ ихъ на государственныхъ доменахъ, раньше сдававшихся въ аренду. Но онъ не успѣлъ осуществить своего намѣренія—поселить до 80000 семействъ римскихъ гражданъ въ заморскихъ провинціяхъ.

Аграрнымъ законодательствомъ почти исчерпываются мѣры, какія предпринимало римское государство для исправленія недостатковъ хозяйственной жизни. На ряду съ аграрнымъ законодательствомъ, въ Римѣ можно еще подмѣтить зародыши протекціонистической политики. Сюда относятся очень часто повторявшіяся запрещенія ввоза иностраннаго вина, издававшіяся сенатомъ для поощренія туземнаго винодѣлія въ римскихъ латифундіяхъ, а также періодически повторявшееся обложеніе пошлинами ввоза предметовъ роскоши. Правительство римское также неоднократно обращало свое вниманіе на угнетеніе денежной аристократіей бѣднаго класса посредствомъ ростовщическихъ процентовъ. Систематическаго законодательства по этому предмету въ Римѣ не развилось, но отдѣльныя лица, стоявшія у кормила правленія, пытались сдержать чрезвычайное развитіе капиталистическаго класса, у котораго образовались привычки жить исключительно на счетъ огромныхъ лихвенныхъ процентовъ съ капиталовъ, ссужаемыхъ ими по большей части провинціальному населенію. Въ этомъ отношеніи достойно упоминанія постановленіе Юлія Цезаря, которымъ запрещалось капиталистамъ давать ссуды, превышавшія стоимость владѣемой ими земли. Этимъ закономъ Цезарь имѣлъ въ виду пріостановить

отвлеченіе капиталовъ отъ землевладѣнія. Въ то же время онъ учредилъ разныя льготы для задолженныхъ провинціальныхъ жителей. Такъ, онъ собственною властью освободилъ ихъ отъ $^2/_3$ той доли долговъ, которая образовалась изъ нарастанія лихвенныхъ процентовъ Таковы скромные предѣлы, въ которыхъ вращалось римское экономическое законодательство. Въ остальномъ же хозяйственная жизнь римлянъ была предоставлена собственному теченію. Послѣ Юлія Цезаря и до первыхъ постановленій о колонатѣ, начавшихся послѣ перенесенія столицы Римской имперіи въ Константинополь, не повторялись уже болѣе акты вмѣшательства государства въ поземельныя отношенія, вслѣдствіе этого и тѣ явленія, противъ которыхъ боролись римскіе аграрные реформаторы, продолжаютъ свободно развиваться.

Предсказанія Плинія Старшаго, что латифундія погубитъ Италію, начинало сбываться. Къ третьему в. по Р. Х. Италія находилась въ состояніи глубокаго экономическаго упадка. Господство латифундіарныхъ имѣній и невольничій пролетаріатъ разорили среднее земледѣльческое сословіе. Земледѣліе и хлѣбопашество, какъ основа народнаго хозяйства, при условіяхъ латифундіарнаго владѣнія, были заброшены. За исключеніемъ небольшихъ оазисовъ, занятыхъ роскошными виллами римскихъ магнатовъ, въ раіонѣ которыхъ заведены были для потребностей ихъ двора интенсивныя культуры утонченныхъ продуктовъ огороднаго и садоваго хозяйства, усовершенствованное птицеводство и скотоводство,— остальныя обширныя пространства земель лежали впустѣ, безъ обработки, и только кое-гдѣ на нихъ паслись рѣдкія стада. Римъ уже долженъ былъ сойти съ исторической сцены, уступая мѣсто болѣе молодымъ варварскимъ народамъ, только что начинавшимъ свою историческую жизнь.

Но, еще раньше завоеванія Италіи варварами, народное хозяйство Рима обнаружило признаки возрожденія. Это возрожденіе исходило уже не изъ античнаго общества, а изъ среды покоренныхъ народовъ—рабовъ и вольноотпущенниковъ. Оно начинается съ появленіемъ колоната. Что же такое былъ римскій колонатъ? Въ законодательствѣ Ѳеодосія и Юстиніана колонатъ является классомъ свободныхъ лицъ, обрабатывающихъ землю крупныхъ собственниковъ на началѣ наслѣдственной аренды. Колоны были прикрѣплены къ землѣ. Каждый колонъ владѣлъ опредѣленнымъ участкомъ земли, который изъ поколѣнія въ поколѣніе переходилъ по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ. Величина поземельныхъ платежей вотчиннику опредѣлялась установившимся въ каждомъ данномъ имѣніи обычаемъ, но землевладѣльцу запрещалось закономъ ихъ увеличивать. Запрещеніе отдѣлять колоновъ отъ земли распространялось одинаково, какъ противъ колоновъ, такъ и противъ ихъ господъ. Колонъ не могъ, по какой бы то ни было причинѣ, покидать участокъ или переходить къ другому собственнику, подъ угрозою штрафа, уплачиваемаго въ казну, кромѣ того, что онъ въ такомъ случаѣ возвращался обратно къ своему

вотчиннику. Господину же запрещалось отчуждать участокъ отдѣльно отъ обрабатывавшихъ его колоновъ, а равно принимать на свои земли чужихъ колоновъ. Господинъ не имѣлъ власти надъ личностью колона, или онъ имѣлъ ее только посредственно, какъ собственникъ земли. Колонъ же, какъ лично свободный, пользовался гражданскою правоспособностью выступать противъ господина на судѣ по всѣмъ гражданскимъ искамъ. Въ то же время колонъ могъ пріобрѣтать недвижимую собственность, кромѣ той, которую онъ обрабатывалъ, какъ арендаторъ. Изслѣдованія Родбертуса, Гейстерберга, Фюстель де Куланжа и др. даютъ основаніе заключить, что классъ колоновъ формировался изъ слѣдующихъ элементовъ населенія. Въ него поступали освобожденные рабы, обѣднѣвшіе и задолженные арендаторы въ имѣніяхъ магнатовъ и римскихъ императоровъ, побѣжденные варвары, которые селились на казенныхъ и частныхъ земляхъ, наконецъ,— свободные по происхожденію пролетаріи, селившіеся на чужихъ земляхъ. Въ Юстиніановскомъ и Ѳеодосіевскомъ законодательствѣ, на ряду съ постановленіемъ о колонахъ, встрѣчаются весьма благопріятныя постановленія по отношенію къ рабамъ, которыя клонились къ тому, чтобы сблизить ихъ положеніе съ положеніемъ колоновъ Рабы были прикрѣплены къ имѣніямъ ихъ собственниковъ. Сначала рабовъ запрещалось продавать изъ одной провинціи въ другую, а потомъ и вообще отдѣльно отъ земель, которыя они обрабатывали. Но между рабами и колонами все-таки сохранялась еще значительная разница. Рабы, во 1-хъ, не могли пріобрѣтать недвижимую собственность и могли имѣть собственность только въ видѣ «foenus» и «peculium»; затѣмъ, во 2-хъ, ихъ доля въ продуктѣ труда не была никогда нормирована законодательствомъ, тогда какъ по отношенію къ колонамъ законодательство гарантировало ихъ доходъ, сверхъ опредѣленной величины ежегодной рентой, уплачиваемой собственнику земли. Третье, и самое существенное, отличіе рабовъ отъ колоновъ заключалось въ томъ, что рабы все-таки вели хозяйство за счетъ хозяина, колоны же хозяйничали на свой страхъ и рискъ, при этомъ несли всѣ податныя тягости, въ то время какъ за земли, обрабатываемыя рабами, налоги платили собственники этихъ земель. Въ законодательствѣ о колонатѣ правительство западной римской имперіи руководствовалось единственно финансовыми соображеніями. Для казны было убыточно, когда земли оставались безъ обработки, потому что владѣльцы такихъ земель были неисправными плательщиками государственныхъ податей. Въ прикрѣпленіи же къ землѣ рабочаго класса правительство нашло средство обезпечить себѣ постоянную податную способность земель и исправное поступленіе податей въ государственную казну. Дальнѣйшее развитіе колоната получило новую опору въ законодательствѣ Діоклитіана. Діоклитіанъ уравнялъ въ податномъ отношеніи провинцію и Италію, при чемъ послѣдняя должна была утратить прежнюю привилегію, освобождавшую ее отъ платежа податей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Діоклитіанъ распространилъ Юстиніано-Ѳеодосіевскія

постановленія о колонатѣ на всю Имперію. Приведенное здѣсь римское законодательство о колонатѣ не создало этого учрежденія, а только формулировало и взяло подъ свою защиту отношенія рабочаго класса къ землѣ, которыя сложились въ самой жизни.

Выясненію социально-экономическихъ условій, вызвавшихъ возникновеніе въ римскомъ обществѣ класса мелкихъ землевладѣльцевъ особаго типа, подъ названіемъ колоната, посвященъ цѣлый рядъ капитальныхъ ученыхъ изслѣдованій. Родбертусъ видитъ причину происхожденія колоната во внутреннемъ кризисѣ латифундіарной системы хозяйства. Во 2—3 вѣкѣ по Р. Х явилась необходимость перейти къ интенсивной культурѣ, а такъ какъ выполненіе этой задачи было не подъ силу плантаторской системѣ веденія хозяйства, съ ея низкопробнымъ рабскимъ трудомъ, то для этого необходимо было обрабатывать латифундіи по системѣ мелкихъ хозяйствъ, свободными работниками, болѣе чѣмъ рабы заинтересованными въ успѣхѣ работы и трудъ которыхъ былъ болѣе производителенъ. Такимъ классомъ лично свободныхъ землевладѣльцевъ и явились колоны. Причины же прикрѣпленія рабовъ онъ видитъ въ залоговомъ правѣ. При недостаткѣ рабочихъ рукъ имѣніе оказывалось обезцѣненнымъ, поэтому поземельные кредиторы этой поры при залогѣ имѣнія требовали обыкновенно и залога рабовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ они считали обезпеченнымъ непрерывность обработки и цѣнность заложеннаго имѣнія. Гейстербергъ, вопреки мнѣнію Родбертуса, полагаетъ, что колонатъ первоначально возникъ не въ Италіи, а въ римскихъ провинціяхъ, въ связи съ податной системой. Провинціальныя земли были обложены государственными налогами, поэтому невыгодно было оставлять безъ обработки поля, за которыя надо было нести платежи. Для обезпеченія платежеспособности земель владѣльцы латифундій прибѣгали къ сдачѣ ихъ въ вѣчно-наслѣдственную аренду. Въ Италіи для землевладѣльцевъ такого мотива не существовало, такъ какъ, по Jus Italicum, итальянскія земли пользовались привилегіей свободы отъ поземельныхъ налоговъ, поэтому итальянскіе магнаты сохранили рутинный способъ рабскаго хозяйства. По воззрѣнію Фюстель де Куланжа, институтъ колоната явился преобразованіемъ старинной римской аренды въ половничество. Обѣднѣвшіе арендаторы, которые не въ состояніи были уплачивать арендную плату, оставаясь на тѣхъ же земляхъ, переходили въ положеніе половниковъ, уплачивающихъ, вмѣсто неизмѣнной арендной платы, разъ навсегда фиксированную долю урожая, напр. $^1/_{10}$, $^1/_5$ Выгода ихъ новаго положенія заключалась въ томъ, что они въ годы урожая платили вотчиннику больше, а въ годы неурожаевъ пропорціонально меньше. Приведенные взгляды на происхожденіе колоната не исчерпываютъ вопроса и вызываютъ возраженія. Утвержденіе Родбертуса, что Италія во 2—3 вѣкѣ переходила къ интенсивному хозяйству и что это было главнымъ основаніемъ замѣны рабской обработки земель хозяйствомъ

колоновъ,— находится въ противорѣчіи съ многочисленными свидѣтельствами современниковъ о запустѣніи въ это время Италіи Загѣмъ, вопреки воззрѣнію Гейстерберга о первоначальномъ возникновеніи колоната въ провинціи, установлено, что колонатъ существовалъ уже во второмъ вѣкѣ въ Италіи, въ императорскихъ имѣніяхъ (Пельгамъ).

Если не вполнѣ еще выяснены причины происхожденія колоната, то не можетъ быть, съ другой стороны, никакого сомнѣнія въ важномъ соціально-экономическомъ значеніи этого института въ послѣдніе вѣка существованія римской имперіи. Съ появленіемъ свободнаго колоната уничтожилась рѣзкая противоположность, существовавшая между классомъ свободныхъ и рабовъ. на основѣ которой было построено античное общество. Землевладѣніе, составлявшее въ старомъ римскомъ обществѣ привилегію римскихъ гражданъ, теперь сдѣлалось доступнымъ въ формѣ вѣчно-наслѣдственной аренды вольноотпущенникамъ-рабамъ, изъ которыхъ въ значительной мѣрѣ формировалось сословіе колоновъ. Новое соціальное расчлененіе римскаго общества, переходъ рабовъ въ положеніе крѣпостныхъ, вмѣстѣ съ постепеннымъ превращеніемъ латифундій въ сеньоральныя княжества (см. стр. 38) указывали на образованіе внутри римскаго общества элементовъ феодальнаго режима. Колонатъ пережилъ римскую Имперію и продолжалъ въ томъ же видѣ существовать въ основавшихся на ея развалинахъ варварскихъ государствахъ. Въ эпоху окончательнаго установленія феодализма колоны постепенно перешли въ классъ крѣпостныхъ вилановъ.

Состояніе экономическихъ знаній въ Римѣ.

Римъ далъ замѣчательныхъ писателей по земледѣлію и по вопросамъ сельско-хозяйственной экономіи. Въ трудные моменты общественной жизни въ Римѣ выступали выдающіеся дѣятели въ области аграрнаго и соціальнаго законодательства, глубоко затрогивавшаго отношенія между общественными классами. Смежная съ экономическими явленіями область правовыхъ отношеній, какъ извѣстно, была тщательно изучена и формулирована въ римскомъ законодательствѣ, при чемъ римское право доведено было до такой пластической разработки, что оно сдѣлалось культурнымъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. При такихъ серьезныхъ данныхъ для изученія экономической стороны римскаго быта, тѣсно связанной съ правовою жизнью народа, римская мысль дала, однако, въ области изслѣдованія хозяйственныхъ явленій гораздо меньше того, что представляла въ этомъ отношеніи греческая литература.

Чѣмъ же объяснить, что римляне оставили слабый слѣдъ въ изученіи экономической стороны общественной жизни? Римское право, не смотря на его детальную разработку, не создало почвы для развитія правильныхъ понятій въ области народнаго хозяйства, потому что оно

носило классный характеръ права одной части римскаго населенія и санкціонировало рабство; въ римскомъ правосознаніи не находилъ признанія человѣческій трудъ, какъ творческая сила въ созданіи народнаго богатства. Въ основѣ экономическихъ воззрѣній римлянъ лежало представленіе не о трудѣ, а о собственности, происхожденіе которой римскіе юристы выводили не изъ трудового начала, а изъ захвата, разсматривая ее какъ добычу, пріобрѣтенную силою и завоеваніемъ Такое объясненіе происхожденія собственности близко стояло къ дѣйствительности, такъ какъ въ римскомъ государствѣ, слѣдовавшемъ завоевательной политикѣ,—захватъ и завоеваніе играли видную роль въ обогащеніи государства и частныхъ лицъ. Пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ въ Римѣ выражалось словами «occupare, parere». Такъ какъ римлянамъ чуждо было понятіе о творческой силѣ труда въ созданіи хозяйственныхъ благъ, то въ римскомъ правѣ не находимъ признанія заработной платы, какъ источника дохода, и продуктъ рабскаго труда по отношенію къ собственнику раба разсматривался, какъ usufructus, наравнѣ съ доходомъ отъ скота и отъ земли. Умственный трудъ въ Римѣ, повидимому, не оплачивался матеріально, но считался почетнымъ, и въ особенности пользовались въ обществѣ почетомъ занятія римскихъ юристовъ и судебныхъ ораторовъ. Понятіе о хозяйственномъ трудѣ находило нѣкоторое признаніе въ римскомъ правѣ со времени возникновенія колоната и подъ вліяніемъ христіанства, но это имѣло мѣсто въ концѣ римской исторіи, въ ту пору, когда класическое римское право, закончивъ циклъ своего развитія, было кодифицировано.

Еще и въ другомъ отношеніи римское право имѣло рѣшающее вліяніе на характеръ экономическихъ воззрѣній римлянъ. Въ немъ было строго проведено различіе между частно-правовыми и публичными отношеніями и между правомъ частнымъ и публичнымъ (jus privatum и jus publicum). Въ силу этого разграниченія, римскій гражданинъ имѣлъ неприкосновенный кругъ своихъ личныхъ правъ, твердую защиту которыхъ онъ находилъ въ органахъ судебной власти, поставленныхъ совершенно независимо отъ представителей политической власти въ странѣ. Иначе была поставлена личность гражданина въ древней Греціи, въ которой каждый гражданинъ, какъ членъ народнаго собранія, принималъ непосредственное участіе въ управленіи государствомъ, гдѣ судебныя коллегіи (нерѣдко въ 500 чел.) принимали характеръ народнаго собранія, а, въ свою очередь, народныя собранія выступали и съ судебными функціями. Сліяніе политической сферы съ частною выражалось въ томъ, что государство не ставило себѣ предѣловъ въ распоряженіи личностью и имуществомъ своихъ гражданъ, а съ другой стороны, и греческіе граждане предъявляли большія требованія къ государству для обезпеченія своего матеріальнаго существованія (содержаніе въ пританеѣ, плата за участіе въ народныхъ собраніяхъ и т. п.) Поэтому вполнѣ понятно появленіе на почвѣ греческой общественности сочиненія Платона, въ которомъ онъ проектиро-

валъ упраздненіе семьи и частой собственности, при чемъ личная жизнь гражданъ должна была совершенно слиться съ жизнью государства. Но въ Римѣ никому не могли прійти на мысль подобныя предложенія, какъ слишкомъ чуждыя основамъ юридическаго быта римлянъ.

Спустя нѣсколько столѣтій послѣ паденія Римской Имперіи, усвоенное западно-европейскими народами римское право, какъ само по себѣ, такъ и черезъ посредство возникшей на его почвѣ школы естественнаго права, оказало видное вліяніе на направленіе экономической мысли. Слѣды этого вліянія можно отмѣтить въ ученіяхъ физіократовъ и индивидуалистической школы экономистовъ въ Англіи.

Въ ряду сочиненій римскихъ писателей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ народнаго хозяйства, первое мѣсто занимаютъ «Scriptores de Re Agraria» и «Scriptores de Re Rustica». Сочиненія первой категоріи (de Re Agraria) посвящены чисто техническимъ вопросамъ земледѣлія и принадлежатъ коллегіи римскихъ землемѣровъ, на которыхъ была возложена задача таксаціи земель, измѣреніе и опредѣленіе ихъ стоимости. Несравненно большій интересъ для характеристики экономическихъ воззрѣній римлянъ представляютъ сочиненія писателей «De Re Rustica», которыя посвящены вопросамъ сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной экономіи, но затрогиваютъ и нѣкоторые общіе вопросы народнаго хозяйства Сочиненія эти относятся къ тому времени, когда въ римской жизни обнаружились несомнѣнные признаки упадка, поэтому въ нихъ красною нитью проходитъ указаніе на тѣ условія экономическаго быта римлянъ, которыя вели къ экономическому упадку страны. Писатели по земледѣлію обращаютъ вниманіе общества на опасность, какою грозитъ Риму ростъ латифундій, вытѣсненіе ими мелкихъ собственниковъ, рабскій трудъ и чрезвычайное развитіе ростовщичества.

Въ ряду писателей этой категоріи самое видное мѣсто занимаютъ Катонъ старшій (род. въ 234 г. до Р. Х.), Варронъ (род. 116 и ум. 27 г. до Р. Х.) и Колумелла (род. въ 42 г. по Р. Х.).

Сочиненіе Катона (De Re Rustica) носитъ характеръ руководства и справочника по сельскому хозяйству. Въ немъ Катонъ преподаетъ практическія указанія о томъ, какъ слѣдуетъ устраивать имѣніе, какія естественныя данныя оно должно представлять, чтобы въ немъ выгодно было вести хозяйство, какія культуры и при какихъ условіяхъ наиболѣе прибыльны. Въ основу трактата Катономъ положено описаніе своихъ имѣній, въ которыхъ онъ, какъ хозяинъ-любитель, примѣнялъ пріемы культуры, составлявшіе послѣднее слово тогдашней техники. Онъ подробно излагаетъ наиболѣе практичные способы вспашки полей, плодосмѣна, удобренія и дренажа. Нѣкоторые изъ этихъ техническихъ пріемовъ, рекомендуемыхъ Катономъ, были общепринятыми въ Италіи, но нѣкоторые онъ заимствовалъ изъ опыта другихъ странъ и примѣнилъ въ своемъ имѣніи, судя по тому, что въ перечнѣ плодовыхъ деревьевъ, рекомендуемыхъ имъ,

встрѣчаются произведенія греческой, африканской и испанской культуръ. Всѣ его техническіе совѣты строго согласованы съ требованіями экономической выгодности. Дѣлая подсчетъ экономической прибыльности разныхъ культуръ для своего времени, Катонъ располагаетъ ихъ по степени уменьшающейся доходности въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) виноградники, 2) огороды. 3) оливковыя плантаціи, 4) сѣнокосы, 5) засѣянныя хлѣбомъ поля, 6) кустарники и 7) лѣсъ Изъ этой скалы видно, что уже во времена Катона хлѣбопашество въ Италіи, вслѣдствіе конкуренціи иностраннаго хлѣба, было одною изъ наименѣе выгодныхъ культуръ и ниже стояло по своей доходности скотоводства, судя по болѣе высокой прибыльности сѣнокосовъ. Въ своемъ сочиненіи Катонъ обрисовывается, какъ типичный представитель крупныхъ собственниковъ, любившій земледѣліе, чуждый массы нравственныхъ недостатковъ своихъ современниковъ, честный, бережливый, но котораго умственный кругозоръ не выходилъ за предѣлы стремленій и пожеланій людей его сословія, поэтому и всѣ явленія хозяйственной жизни онъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія интересовъ класса латифундіарныхъ собственниковъ.

По широтѣ экономическихъ воззрѣній гораздо выше Катона стоятъ два другіе писателя по сельскому хозяйству: Варронъ, живший въ концѣ республиканскаго періода, и Калумелла, современникъ Нерона. Эти писатели были хорошо знакомы съ греческими и карѳагенскими сочиненіями по земледѣлію; оба они удѣляютъ много вниманія разсмотрѣнію техническихъ вопросовъ земледѣлія, выбору способовъ культуры, организаціи сельскохозяйственныхъ работъ въ разныя времена года; но при этомъ оба трактуютъ земледѣліе не только въ господствующей его формѣ латифундіарнаго хозяйства, но много вниманія посвящаютъ мелкимъ хозяйствамъ. Живя въ эпоху начинавшагося упадка Рима, они стояли выше современнаго общества въ сознаніи тѣхъ соціальныхъ опасностей, которыя заключались въ поглощеніи латифундіями мелкой собственности, въ разореніи народа ростовщиками и въ господствѣ хозяйства, основаннаго на рабскомъ трудѣ. Рабскій трудъ, какъ малопроизводительный и недоброкачественный, былъ осужденъ обоими писателями. Варронъ совѣтуетъ исполнять болѣе трудныя и сложныя работы въ сельскомъ хозяйствѣ наемными рабочими. Онъ выражаетъ увѣренность, что дѣятельность свободныхъ гражданъ, мелкихъ собственниковъ, отмѣченная заслуженнымъ почетомъ въ общественныхъ дѣлахъ, будетъ не менѣе плодотворна и въ области земледѣлія. Колумелла, оцѣнивая особенности, достоинства и недостатки, крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ, видитъ всѣ преимущества на сторонѣ послѣднихъ и указываетъ на то зло, какимъ является при латифундіарномъ хозяйствѣ абсентеизмъ ихъ владѣльцевъ.

Въ ряду другихъ римскихъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ встрѣчается много сужденій по экономическимъ вопросамъ, надо отмѣтить Плинія старшаго, Цицерона и Сенеку. Плиній старшій (род въ 23 г. по

Р. Х., ум. въ 79 г. по Р. Х.) въ соч. «Historia naturalis» приводитъ много соображеній объ условіяхъ экономической выгодности разныхъ способовъ земледѣльческой культуры. У римлянъ существовала поговорка: «Менѣе всего выгодно обрабатывать поле наилучшимъ образомъ, при этомъ съ пашней лучше управляться при дурныхъ средствахъ». Плиній съ изумленіемъ приводитъ эту поговорку, но и онъ полагаетъ, что «хорошо обрабатывать землю необходимо, обрабатывать же наилучшимъ образомъ убыточно». Въ этихъ замѣчаніяхъ ясно обозначилась мысль, составляющая одно изъ основныхъ положеній современной сельскохозяйственной экономіи, что самыя совершенныя системы земледѣлія не при всякихъ условіяхъ мѣста и времени являются экономически выгодными. Раздѣляя со всѣми римлянами симпатіи къ сельскому хозяйству, онъ полагалъ, что крупныя хозяйства приносятъ больше чистаго дохода сравнительно съ мелкими, но это не мѣшало ему указать на опасность, представлявшуюся въ господствѣ латифундій (Latifundia perdidere Italiam).

Цицеронъ (род. 106 г., ум. 44 г до Р. Х.) былъ хорошо знакомъ съ произведеніями греческихъ писателей и перевелъ на латинскій языкъ экономическую часть сочиненій Ксенофонта Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ (De officiis, Pro Domo sua, De re publica и др.), среди разсужденій по вопросамъ философіи, морали и политики, встрѣчается много экономическихъ воззрѣній, проникнутыхъ особенною симпатіей къ земледѣлію, какъ самому благородному и здоровому изъ хозяйственныхъ занятій. Цицеронъ высказываетъ свои мнѣнія о цѣнѣ, деньгахъ, раздѣленіи труда. Цѣль богатства и матеріальнаго достатка онъ видитъ въ томъ, что онъ доставляетъ возможность нравственнаго усовершенствованія и развитія добродѣтелей, хотя признаетъ, что извращенное пользованіе богатствомъ создаетъ жадность, скупость и другіе пороки. Особенно часто въ своихъ разсужденіяхъ Цицеронъ возвращается къ той мысли, что прочное богатство можетъ быть создано только трудомъ и прилежаніемъ Воззрѣнія Цицерона на хозяйство и богатство проникнуты этической точкой зрѣнія, но эта черта еще рѣзче выступаетъ въ философскихъ разсужденіяхъ Сенеки (род. 54 г. до Р. Х., ум. 39 г. по Р. Х.), который высказываетъ мысль о равенствѣ всѣхъ людей отъ природы и признаетъ права человѣческой личности за рабами. Принципы, высказанныя Сенекою въ началѣ нашей эры, были положены въ основу экономическихъ ученій новаго времени человѣческой исторіи.

Литература по исторіи хозяйства и экономическихъ воззрѣній римлянъ. Моммзенъ. Римская исторія, русск. перев., изданіе Солдатенкова, 1887 г., т. 1—5. Max Weber. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats-und Privatrecht. Stuttgart. 1891. Karl Hoffmeister. Die Wirthschaftliche Entwicklung Roms. Eine Socialpolitische Studie. Wien. 1899. И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во времена имперіи). Т. I. Спб. 1899. Dureau de la Male.

Economie politique des Romains. Paris 1840. 2 тома. А. Гусаковъ. Деликты и договоры, какъ источники обязательствъ въ системѣ цивильнаго права древняго Рима. М. 1896. Азаревичъ. Патриціи и плебеи въ Римѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Т. I и II. М. 1875. Генрихъ Буль. Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Русск. пер. Одесса. 1897. Родбертусъ Ягетцовъ. Къ исторіи развитія поземельныхъ отношеній во времена императоровъ, или адскриптиціи, инквилины и колоны. Переводъ подъ ред. И. Т. Тарасова. Ярославль. 1880 г. Тоже къ исторіи римскихъ трибутныхъ податей со времени Августа. Ярославль 1881. Heisterberg. Entstehung des Colonats Spz. 1876. Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire. Paris. 1885. Его же. Alleu et le domaine rural pendant de l'époque merovingienne. P. 1889. Henry Pelham, The imperiale Domains and the Colonate. L. 1890. Кеннингемъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. (Древній міръ) пер. съ англ. М. 1902 г. П. Виноградовъ. Аграрный кризисъ въ римской имперіи. Научное Слово кн. VII. 1904 г., гдѣ приведены вновь открытыя въ 1897 г. въ Тунисѣ надписи, указывающія на развитіе колоната въ императорскихъ имѣніяхъ съ первой половины 2 в. по Р. Х. Его же происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи. Спб. 1880. М. Ростовцевъ. Происхожденіе колоната. Филологическое Обозрѣніе 1900 г. кн. 2. H. v. Scheel. Die wirthschaftlichen Grundbegriffe im Corpus Juris civilis. Jahrbücher f. Notionaloekonomie, Hildebrand. 1866. Paul Oertmann. Die Volkswirthschaftlehre des Corpus Juris civilis. Berlin. 1891. M. Porcius Cato. De Agricultura. De re rustica. Зедергольмъ. О жизни и сочиненіяхъ Катона старшаго. М. 1857. Marc Varron. De re rustica, 13 кн. Изд. Keil Spz. 1884 и 1889 г. Columella, «De re rustica», съ приложеніемъ «De arboribus», перев. на нѣмец. Курціуса 1769 г., французскій пер. 1846 г. A. Onken. Geschichte der Nationalokonomie. I. Theil. Lepz. 1902, а также курсы по исторіи политической экономіи Бланки, Каутца и Л. Косса.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

Связь среднихъ вѣковъ съ древнимъ періодомъ исторіи. Культурная роль католической церкви. Средніе вѣка, и по своему названію, и по своему значенію, являются промежуточною стадіей между античнымъ и новымъ періодомъ человѣческой исторіи. Преемственность въ развитіи человѣческой исторіи въ средніе вѣка выразилась въ томъ, что начала античной культуры, и въ складѣ бытовыхъ отношеній, и въ области мысли, являлись однимъ изъ вліятельныхъ элементовъ, положившимъ свой отпечатокъ на зарождавшіяся новыя формы общественности, въ которыя выливалась жизнь средневѣковыхъ народовъ. Съ этой стороны, названіе періода въ исторіи народовъ Европы отъ 6 до половины 14 в. средневѣковымъ считается вполнѣ обоснованнымъ, такъ какъ онъ дѣйствительно, послѣ античнаго періода, является второю стадіей исторической эволюціи, подготовившей тотъ укладъ жизни европейскихъ народовъ, который мы затѣмъ наблюдаемъ въ новое время. Но въ то время, какъ процессъ общественнаго и духовнаго развитія человѣчества непрерывно продолжается, позволяя прослѣдить преемственность началъ греческой и римской культуры съ первыхъ моментовъ средневѣковаго періода, народы и расы, дѣйствующіе на исторической сценѣ, мѣняются. Средневѣковый періодъ въ исторіи человѣчества открывается выступленіемъ на историческое поприще цѣлой серіи новыхъ народовъ Западной Европы, только-что начинающихъ свою жизнь въ тѣхъ примитивныхъ формахъ натуральнаго хозяйства, которыя гораздо раньше пройдены были античными народами, поэтому собственно для европейскихъ народовъ германо-романскаго міра начальный періодъ среднихъ вѣковъ является ихъ древнею исторіей.

Хотя новые народы съ первыхъ шаговъ своей исторіи жили своею самобытною жизнью, проявившеюся въ всемъ складѣ ихъ общественныхъ, экономическихъ и историческихъ отношеній, но тѣ вліянія, которыя исходили изъ культурнаго наслѣдства греко-римскаго періода, сразу положили свой неизгладимый отпечатокъ на общій характеръ соціальныхъ отношеній въ средніе вѣка и, можно сказать, предрѣшали нѣкоторыя существенныя черты средневѣкового быта. Греко-римская культура захватывала своимъ вліяніемъ новые народы въ трехъ проявленіяхъ: 1) въ ея вещественныхъ остаткахъ и римскихъ учрежденіяхъ, которые сохранились на территоріи

Западной Европы со времени римскаго господства, 2) въ христіанской проповѣди римско-католической церкви и 3) въ произведеніяхъ римской литературы, относящихся къ области права, философіи, исторіи, сельскаго хозяйства и т. п

Прежде всего надо отмѣтить, что значительная часть народовъ Западной Европы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ находилась подъ римскимъ управленіемъ въ качествѣ римскихъ провинцій. Въ такомъ положеніи находились Галлія, Германія и Испанія. Въ этихъ областяхъ жили римскіе намѣстники, первою заботою которыхъ было устройство укрѣпленій и городовъ, какъ опорныхъ пунктовъ римскаго владычества; для обезпеченія связи съ Римомъ они устраивали по римскому образцу пути сообщенія, почты; кромѣ того, всѣ завоеванные народы были подчинены римской системѣ управленія въ военномъ и податномъ дѣлѣ и т. п. По мѣрѣ того какъ связь этихъ провинцій съ Римомъ крѣпла, ихъ города получали права римскихъ муниципій и обстраивались по примѣру римскихъ городовъ: въ нихъ сооружались цирки, водопроводы, заводились товарищества торговцевъ и т. п. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ городовъ, основанныхъ римлянами, въ качествѣ укрѣпленныхъ пунктовъ—Парижъ, Бордо, Марсель, Нарбона, Кельнъ, Страсбургъ, Майнцъ и др., потомъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, выросли въ крупные культурные центры сосредоточія промышленности, торговли, религіозной и умственной жизни. При послѣдующихъ нашествіяхъ варваровъ многія изъ римскихъ сооруженій были частью разрушены, и развалины ихъ сами по себѣ мало говорили уму и чувству варварскихъ народовъ. Но эти вещественные остатки римской культуры, какъ равно и все духовное наслѣдство римской жизни въ наукѣ и литературѣ, нашли своихъ пропагандистовъ и истолкователей въ лицѣ римско-католической церкви и средневѣковаго монашества.

Значеніе католической церкви для средневѣковой общественности было огромно, прежде всего насколько ея дѣятельность проявилась въ проповѣди христіанскихъ идей. Благодаря христіанской религіи, въ средневѣковомъ обществѣ рабство сдѣлалось невозможнымъ. Хотя въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ у всѣхъ народовъ среди зависимыхъ классовъ общества мы застаемъ и рабовъ, но существованіе этого класса было подкошено католическою церковью и подъ ея вліяніемъ отношенія зависимыхъ земледѣльческихъ классовъ выливаются въ форму колоната, т. е тотъ режимъ въ эксплоатаціи труда, который, какъ мы видѣли, былъ господствующимъ въ послѣдніе вѣка существованія Римской имперіи Историческое значеніе колоната, какъ формы землевладѣнія зависимыхъ классовъ, заключалось въ томъ, что онъ, являясь въ области развитія поземельныхъ отношеній связующимъ звеномъ съ римской культурою, послужилъ для новыхъ западно-европейскихъ народовъ среднихъ вѣковъ временнымъ этапомъ къ послѣдующему освобожденію земледѣльческихъ классовъ. Наряду съ отрицательнымъ отношеніемъ къ рабству, католическая церковь подняла ува-

женіе къ хозяйственному труду. Въ монастырскомъ обиходѣ физическій трудъ поставленъ былъ на степень религіознаго подвига, а это возвышало личность трудящагося въ самыхъ низкихъ слояхъ общества. Вмѣстѣ съ проповѣдью безмезднаго труда для монашества, церковь ввела во всеобщій обиходъ ограниченія продолжительности труда зависимыхъ классовъ, защищая ихъ отдыхъ установленіемъ празднованія воскресныхъ дней и дней, посвященныхъ памяти наиболѣе чтимыхъ святыхъ. Въ то же время проповѣдь католической церкви противъ многоженства вносила улучшеніе въ судьбѣ женщины, сравнительно съ античнымъ языческимъ періодомъ, и подготовляла ей положеніе равноправнаго съ мужчиной члена супружества и семьи.

Вообще огромное значеніе имѣло для будущей судьбы европейскихъ народовъ, что они на первыхъ шагахъ своего культурнаго развитія, почти на границѣ перехода отъ кочевья къ осѣдлости, находились подъ смягчающимъ вліяніемъ христіанскаго ученія и католической церкви. Въ этотъ періодъ, когда въ жизни юныхъ европейскихъ народовъ не успѣли еще сложиться прочныя начала землепользованія, управленія и суда, католическая церковь уже выступила какъ могущественная общественная организація, въ своихъ орденахъ, аббатствахъ и монастыряхъ, воплощая начала дисциплины, порядка, систематическаго труда и нравственнаго авторитета, которыя она выводила изъ ученія Христа. Благодаря этому, католическая церковь на зарѣ среднихъ вѣковъ успѣла занять вліятельное положеніе въ обществѣ. Передъ нравственнымъ авторитетомъ католическихъ епископовъ преклонялись даже предводители дикихъ азіатскихъ ордъ, наводнявшихъ Европу. По сказанію легенды, во всякомъ случаѣ, показывающей, какимъ высокимъ уваженіемъ у современниковъ пользовались римскіе епископы 5—6 вѣка, даже предводитель гунновъ Аттила, одинъ изъ самыхъ жестокихъ варваровъ, опустошавшихъ Европу, два раза остановился въ своихъ грабежахъ, уступая заступничеству беззащитныхъ католическихъ епископовъ св. Лупуса (при нападеніи на г. Труа) и Леона.

Католическое монашество, связанное обѣтами служенія церкви и христіанской проповѣди, въ то же время являлось единственною интеллигенціей въ средніе вѣка, которая впитала въ себѣ римскую образованность. Все духовное наслѣдство Рима и Греціи, заключавшееся въ произведеніяхъ философовъ, ученыхъ, историковъ и поэтовъ долго лежало бы подъ спудомъ не будь католической церкви. Средневѣковое общество, какъ только его вниманіе отвлекалось отъ войнъ и сосредоточивалось на мирной культурной работѣ, знакомилось съ греко-римской цивилизаціей черезъ посредство монаховъ, конечно, въ томъ освѣщеніи, которое можно было ей дать съ точки зрѣнія христіанскаго ученія. Католическое духовенство оставалось единственнымъ посредникомъ и истолкователемъ античной культуры для средневѣковаго общества включительно до возрожденія наукъ и искусствъ въ Западной Европѣ, когда возникла уже свѣтская интел-

лигенція, которая обратилась къ непосредственному изученію произведеній греческихъ и римскихъ писателей. Характерно было то, что католицизмъ сдѣлалъ языкъ угасшей Великой имперіи—языкомъ церковнымъ, и на немъ люди различныхъ національностей и самыхъ различныхъ степеней культуры обращались въ своихъ молитвахъ къ Богу. Главнымъ образомъ католическимъ монахамъ средніе вѣка обязаны тѣмъ, что этотъ языкъ сталъ для этой эпохи единственнымъ литературнымъ и книжнымъ языкомъ, на которомъ велась вся тогдашняя письменность, начиная съ дѣловой переписки, хозяйственныхъ записей и реестровъ, до ученыхъ трактатовъ и лѣтописей. Такимъ образомъ, латинскій языкъ служилъ средствомъ общенія между учеными и просто образованными людьми всего тогдашняго міра, среди которыхъ преобладающее большинство конечно составляли католическіе монахи.

Моральная сила, покорявшая церкви души вѣрующихъ, находила въ большой мѣрѣ свою опору въ той чисто культурной роли, которую католическая церковь выполняла въ области хозяйства, суда и администраціи. Католическое монашество, вооруженное римскою образованностью и дисциплинированное христіанскими обѣтами, въ началѣ среднихъ вѣковъ являлось виднымъ факторомъ хозяйственнаго прогресса. Цѣлый рядъ монашескихъ орденовъ, какъ то бенедиктинцы, систерціанцы, картезіанцы,—ставили своей религіозной миссіей занятіе земледѣліемъ, ремеслами, инженернымъ искусствомъ. Поэтому монастыри были не только центрами религіознаго уединенія и молитвы, но они для своего времени являлись образцовыми земледѣльческими фермами; за монастырскими стѣнами достигли значительнаго процвѣтанія ремесленныя мастерскія, послужившія первоначальнымъ зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи развились промышленные цехи. Монастырями же во многихъ мѣстностяхъ положено было начало учрежденію ярмарокъ и рынковъ. Вообще монастырское хозяйство усвоило римскую технику и во многихъ отношеніяхъ было организовано по образцу римской виллы.

Отрицательныя стороны католицизма, выразившіяся въ религіозныхъ злоупотребленіяхъ, въ деморализаціи монашества, наконецъ, въ ужасахъ инквизиціи, вызвавшихъ противъ себя общественный протестъ въ реформаціонномъ движеніи,—относятся къ концу среднихъ вѣковъ и къ началу новаго времени.

Общій характеръ среднихъ вѣковъ и средневѣковаго хозяйства въ особенности. Характеръ средневѣковаго хозяйства обусловливался совокупностью господствовавшихъ въ средніе вѣка государственныхъ, общественныхъ и нравственно-религіозныхъ учрежденій и стремленій. Въ чемъ же заключалась особенность среднихъ вѣковъ въ каждомъ изъ этихъ отношеній? Въ политическомъ отношеніи въ средніе вѣка замѣчается преобладаніе общественныхъ союзовъ, вытекающихъ изъ сословныхъ, хозяйственныхъ и религіозныхъ отношеній, надъ союзомъ государственнымъ.

Государственная связь народовъ находится, такъ сказать, на заднемъ планѣ: ея назначеніе въ средніе вѣка заключается преимущественно въ организаціи военной защиты, которая въ заключеніе также становится функціей отдѣльныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, всѣ же остальныя функціи, свойственныя современному государству — административныя и хозяйственныя—въ средніе вѣка главнымъ образомъ выполняли частные союзы и корпораціи: церковь, феодальная аристократія, городскія общины, цехи, гильдіи и т. п. Возвратъ къ сильной государственной власти, старавшейся подчинить своему господству партикуляристическія силы, господствовавшія въ средневѣковомъ обществѣ, только временно былъ осуществленъ въ монархіи Карла Великаго.

Средніе вѣка характеризуются господствомъ феодальнаго режима. Средневѣковый феодализмъ, какъ система общественнаго устройства, подобно античному обществу, основанъ былъ на принципѣ отождествленія личной свободы и поземельной собственности, т. е. право собственности на землю могъ имѣть только свободный человѣкъ Но феодализмъ, съ другой стороны, въ отличіе отъ античнаго общества, былъ чуждъ рѣзкой противоположности свободы и рабства и представлялъ іерархическую лѣстницу общественныхъ классовъ и сословій, которая, начинаясь у подножія трона и оканчиваясь низшимъ классомъ кнехтовъ и рабовъ,—представляла постепенные переходы отъ свободы къ зависимости. Этой іерархіи общественныхъ классовъ соотвѣтствовала іерархія земель—были земли свободныя и земли зависимыя. Отношенія между объектами владѣнія являлись только выраженіемъ отношеній, господствовавшихъ между людьми. Феодализмъ былъ въ одно и то же время и политической организаціей и аграрной системой. Глава феодальнаго государства считался верховнымъ собственникомъ всей государственной территоріи. Земли свои онъ распредѣлялъ между военною знатью, графами и князьями, получая взамѣнъ обязательства военной службы; тѣ, въ свою очередь, отдавали тѣ же земли болѣе дробными участками, подъ условіемъ платежа ренты или же военныхъ услугъ, ниже ихъ стоявшимъ классамъ лицъ, и такимъ образомъ земли, связанныя цѣлою сѣтью взаимныхъ обязательствъ, въ заключеніе переходили къ низшему классу крестьянъ землевладѣльцевъ, которые ихъ обрабатывали и на которыхъ въ послѣднемъ счетѣ ложилась бо́льшая часть феодальныхъ повинностей. Съ этой іерархіей земель связано было дѣленіе и дробленіе института поземельной собственности. На каждый феодальный участокъ земли нѣсколько лицъ имѣли право верховной собственности, (Obereigenthum, dominium directum), и одно послѣднее въ іерархической лѣстницѣ лицо, воздѣлыватель земли, пользовался производною, зависимою собственностью (abgeleitete Besitz, Untereigenthum). При слабости государственной связи въ средніе вѣка было весьма естественнымъ явленіемъ, что у нея, по временамъ, оспаривала первенство связь религіозная—церковь. Кромѣ того, церковь, и въ частности монастырскія

хозяйства, имѣли большое вліяніе на измѣненіе поземельныхъ отношеній въ средніе вѣка, являясь въ то же время виднымъ факторомъ въ организаціи зарождающейся обрабатывающей промышленности и торговли. Римская церковь этой поры располагала несравненно большей организаторской силою, чѣмъ государство. Обнимая своею организаціею всѣ народы Запада, независимо отъ различія въ языкѣ и національности, она имѣла огромное вліяніе на весь складъ средневѣковой жизни. Она была связующимъ звеномъ между народами, подготовляла пути къ развитію международныхъ отношеній, въ то время какъ на почвѣ чисто политической эти отношенія еще не сложились. Народы, слабо чувствующіе свою зависимость отъ главы государства, добровольно подчинялись авторитету римскаго первосвященника.

Средніе вѣка характеризуются также чрезвычайнымъ развитіемъ сословныхъ корпоративныхъ союзовъ, которые какъ бы восполняютъ слабое развитіе государственныхъ функцій. Въ духовномъ сословіи мы видимъ господство духовныхъ орденовъ, въ свѣтскомъ аристократическомъ сословіи необычайное развитіе рыцарскихъ орденовъ, всевозможныхъ оттѣнковъ, въ городскомъ обществѣ образуются гильдіи, корпораціи и цехи съ разными промышленными и религіозными цѣлями.

Въ исторіи средневѣковаго хозяйства можно отмѣтить два періода. До 12 в. господствуетъ натуральное хозяйство и земледѣліе преобладаетъ надъ другими отраслями промышленности, которыя находятся пока въ зачаточномъ состояніи. Въ этотъ періодъ о народномъ хозяйствѣ въ современномъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Типами феодальнаго хозяйства были хозяйства—господское и монастырское, представляющія аналогію съ нашимъ частнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ крѣпостного времени и хутора мелкихъ собственниковъ. Производство для собственнаго потребленія въ этихъ хозяйствахъ преобладаетъ надъ производствомъ для обмѣна. Всѣми хозяйственными интересами страны заправляютъ частныя господскія хозяйства. Выбиться изъ узкой рамки частнаго хозяйства средневѣковому хозяйству этой поры мѣшали: замкнутость феодальныхъ территорій, крѣпостное право и пренебрежительное отношеніе къ хозяйственнымъ занятіямъ со стороны свободныхъ классовъ феодальнаго общества. Съ двѣнадцатаго вѣка начинается процессъ преобразованія частнаго хозяйства въ народное хозяйство Поворотнымъ пунктомъ въ этомъ измѣненіи хозяйственныхъ отношеній является возникновеніе и развитіе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности, въ противоположность съ феодальнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Съ этихъ поръ начинается специализація хозяйственныхъ занятій, образованіе промышленныхъ классовъ на почвѣ общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда, развитіе торговыхъ сношеній между цѣлыми государствами и народами, образованіе мірового рынка, т. е. цѣлый рядъ явленій, составляющій переходъ къ народному хозяйству новаго времени.

Огромное вліяніе на эти преобразованія въ феодальномъ хозяйствѣ оказали крестовые походы, которые, на почвѣ религіознаго объединенія, привели въ непосредственныя сношенія всѣ народы Западной Европы между собою, въ то же время обогативъ ихъ многими техническими и культурными позаимствованіями отъ народовъ Востока. Крестовые походы содѣйствовали также оживленію торговаго оборота и процвѣтанію лежавшихъ на Средиземномъ морѣ портовъ Италіи, Испаніи, южной Франціи, гдѣ нагружались шедшіе на востокъ суда крестоносцевъ. На пути ихъ слѣдованія росли торговые и промышленные центры и развивался международный кредитъ такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Генуя и Палермо, Флоренція и Венеція. Въ развитіи торговыхъ сношеній въ особенности видную роль играли союзы германскихъ городовъ, такъ называемыя средневѣковыя Ганзы, вступавшіе въ торговые договоры съ цѣлыми націями—Англіей, Франціей, Скандинавіей.

Феодализмъ, какъ система аграрныхъ отношеній. Задача, преслѣдуемая нашимъ курсомъ,—изслѣдованіе исторически смѣнявшихся типовъ народнаго хозяйства,—заставляетъ насъ остановиться на тѣхъ характерныхъ чертахъ феодально-хозяйственнаго строя, которыя можно подмѣтить въ жизни всѣхъ западно-европейскихъ народовъ феодальной эпохи. Феодализмъ, не только какъ организація военной защиты, но и какъ извѣстная система аграрныхъ и политическихъ отношеній, составляетъ необходимую фазу общественнаго развитія, которую переживаетъ большинство народовъ на извѣстной стадіи развитія. Извѣстно, что феодальный режимъ существовалъ въ Индіи и у другихъ народовъ Востока, а современные изслѣдователи констатируютъ крупные факты переживанія его въ аграрныхъ отношеніяхъ и въ юридическомъ быту народовъ Средней Азіи, на Кавказѣ, въ Турціи и во многихъ другихъ странахъ.

Для насъ важно уяснить себѣ феодализмъ, какъ систему аграрныхъ отношеній. Поэтому мы будемъ касаться военной и политической стороны феодальнаго режима лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія того, что̀ представлялъ собою феодализмъ въ хозяйственномъ отношеніи. Имѣя въ виду феодализмъ, какъ характерный типъ поземельныхъ и связанныхъ съ ними отношеній, мы постараемся представить его по фактамъ германской и французской исторіи.

Періодъ подготовленія феодализма. Изслѣдованія Маурера, Инама-Штернега, Эмиля Лавеле, Мена, Майтцена, Гансена, М. М. Ковалевскаго и др. доказали, что съ древнѣйшихъ временъ въ Германіи и Франціи, какъ и у всѣхъ народовъ въ первую пору послѣ ихъ перехода къ прочной осѣдлости, господствовало общинное землевладѣніе, при которомъ право собственности на оккупированные участки земли принадлежало цѣлымъ большимъ группамъ лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, а отдѣльнымъ лицамъ принадлежало фактическое пользованіе землей, въ размѣрѣ потребностей. Перемѣна, произведенная феодализмомъ въ позе-

мельной собственности, заключалась въ томъ, что верховныя права на землю перешли отъ общины къ привилегированному землевладѣльческому классу, а пользованіе землей соединилось съ массою обязательствъ по отношенію къ этому классу со стороны лицъ, фактически ее обрабатывающихъ.

Процессъ феодализаціи поземельной собственности начался внутри самой общины (Markgenossenschaft, commun), но навстрѣчу этому со стороны центральной власти исходило другое, однородное теченіе—это своеобразная политическая система пожалованій земель, въ видѣ бенефицій, феодовъ, иммунитетовъ, наполняющая собою средніе вѣка и завершившая окончательно феодализацію поземельной собственности. Посмотримъ сначала на измѣненія въ состояніи поземельной собственности, предшествовавшія феодализму. Здѣсь нужно отмѣтить, въ особенности, два явленія: образованіе частной поземельной собственности, на-ряду съ общинной, и развитіе прекарныхъ отношеній внутри общины. Огромную роль въ индивидуализаціи поземельной собственности играли короли, церковь и, патронируемое послѣдней, римское право. Къ королямъ франковъ перешли преемственно бывшіе домены римскихъ императоровъ, а постоянныя конфискаціи, штрафы и композиціи, по приговору судовъ, такъ же служили источниками перехода въ казну массы земель, которыя, въ свою очередь, являлись фондомъ для поземельныхъ пожалованій со стороны королей въ пользу церкви и частныхъ лицъ. Церковь, пользовавшаяся огромнымъ шитетомъ, въ особенности получала щедрыя пожертвованія землями отъ королей и частныхъ лицъ, и въ эту пору, послѣ короля, являлась самымъ крупнымъ частнымъ собственникомъ. Въ то же время условія, при которыхъ существовало первобытное общинное землевладѣніе, не исключали возможности обращенія значительныхъ участковъ земли въ частную собственность. Такую возможность образованія частной собственности въ большихъ размѣрахъ доставляла оккупація незаселенныхъ земель, которыя въ ту пору, при рѣдкомъ населеніи, существовали въ изобиліи. Первобытныя германскія общины были разсѣяны на территоріи въ видѣ оазисовъ, отдѣленныхъ между собою обширными лѣсными и степными пространствами. Здѣсь открывался просторъ для колонизаціи; каждый членъ общины воленъ былъ занимать участки этихъ свободныхъ земель и, очистивъ ихъ отъ лѣса, приведя въ культурный видъ, становился ихъ собственникомъ. Этотъ порядокъ колонизаціи напоминаетъ существующій до послѣдняго времени способъ заимокъ свободныхъ земель въ сложныхъ или волостныхъ общинахъ нашего дальняго сѣвера, въ Сибири, въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, гдѣ эти «новіи», освобожденныя отъ лѣса отдѣльными крестьянскими дворами, являются предметомъ усвоенія въ ихъ частную собственность. Но владѣніе этими заимками, на правахъ частной собственности, не исключаетъ ихъ отъ пользованія общинными старозаимочными землями, вмѣстѣ со всею волостью. Экономическое неравенство

имѣло уже въ эту пору десятки путей для своего развитія внутри общины, помимо отношеній, вытекавшихъ изъ землевладѣнія. Тогда уже существовали внутри общины богатые роды, владѣвшіе значительнымъ сельскохозяйственнымъ инвентаремъ, а главное—располагавшіе извѣстнымъ количествомъ лицъ несвободнаго состоянія, рабовъ: они-то и были болѣе могущественными колонизаторами новыхъ земель. Замѣчательно, что община (Markgenossenschaft) въ полномъ составѣ своихъ членовъ, какъ хозяйственная ассоціація, въ этой колонизаціи незанятыхъ пространствъ, повидимому, не играла замѣтной роли. Инама-Штернегъ говоритъ, что по лѣтописямъ нельзя указать ни одного случая, въ которомъ община, какъ юридическое лицо, являлась бы оккупаторомъ новаго участка, но онъ въ изобиліи констатируетъ факты, изъ которыхъ видно, что короли, церковь и частныя лица, располагавшія значительнымъ числомъ несвободныхъ людей,—являлись могущественными колонизаторами и воздѣлывателями новыхъ земель[1]). Раньше было уже нами отмѣчено, что расчистка изъ-подъ лѣса новыхъ участковъ земли и расширеніе площади земель для сельско-хозяйственной культуры составляло священный обѣтъ нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ, напр. бенедиктинцевъ и систерціевъ. Образованіе новыхъ культивированныхъ участковъ среди лѣсовъ было также постоянною задачею королевскихъ виллъ, какъ это видно изъ многихъ предписаній Карла Великаго. Въ капитуляріи de villis предписывается: ut silvae vel forestres nostrae bene sint custoditae; *et ubi locus fuerit ad stirpandum, stirpare faciant et campus de silva increscere non permittant, et ubi silvae debent esse, non eas permittant nimis capulare atque dominare.* И въ другомъ капитуляріи: *et plantent veneas, faciant pomaria et ubicunque invenient utiles illos homines, datur illis silva ad stirpandum, ut nostrum servitium immelioretur*[2]). Итакъ, свободная заимка незаселенныхъ пространствъ долгое время была неисчерпаемымъ источникомъ возникновенія частной и притомъ крупной поземельной собственности. Но и въ самой общинѣ, кромѣ того, положены были уже при ея возникновеніи начала неравенства поземельнаго владѣнія, такъ какъ привилегированныя лица, старѣйшины и начальники, при распредѣленіи общинной земли, всегда получали, соотвѣтственно родовой чести, болѣе значительные участки[3]). Къ этому же неравенству внутри общины вели всякія

[1]) Die Ausbildung der grossen Grundherschaft in Deutschlannd wahrend der Karolingen Periode. 1878 г. 44—46 стр.

[2]) Т. е. императоръ предписываетъ „чтобы лѣса и рощи наши хорошо оберегались, гдѣ мѣсто позволяетъ корчевку лѣса,—корчевать и не допускать поле заростать лѣсомъ, а гдѣ должны быть сохранены лѣса, тамъ никому не позволять ихъ истреблять и присваивать". Далѣе капитурярій предписываетъ „насаждать виноградники, устраивать яблочные сады, а гдѣ окажутся подходящіе люди, то предоставлять имъ для корчевки лѣсъ съ тѣмъ, чтобы наши угодья улучшались".

[3]) М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. М. 1898. Т. I, стр. 36, 43, 45 и др.

случайныя бѣдствія, напр.—неурожай, раззорительныя войны, очень частыя въ эту эпоху, платежи композицій по судебному приговору. Всѣ эти случаи ставили бѣднѣйшую часть населенія въ трудное положеніе, выходомъ изъ котораго являлась уступка своей доли въ общинной землѣ какому-нибудь могущественному роду, у котораго приходилось задолжаться. Это было постояннымъ источникомъ скопленія значительной доли общинныхъ полей въ рукахъ болѣе богатыхъ общинниковъ, а также въ рукахъ церкви и свѣтской знати Земля, уступаемая въ силу матеріальной нужды или задолженности, не всегда поступала въ комплексъ частнаго хозяйства заимодавцевъ—въ большинствѣ случаевъ она мѣняла только землевладѣльца, но не земледѣльца. Прежніе землевладѣльцы, общинники, уступившіе право собственности на свои участки, продолжали обрабатывать ихъ и пользоваться ими на началахъ зависимаго прекарнаго владѣнія, уплачивая только годичную ренту. Но кромѣ этихъ чисто соціальныхъ причинъ, которыя должны были вести, съ одной стороны, къ разложенію общиннаго землевладѣнія, а съ другой стороны—къ возникновенію прекарныхъ отношеній среди членовъ общины, элементарное физическое насиліе надъ личностью занимало видное мѣсто. Власть имущіе, вліятельные крупные землевладѣльцы и даже просто богатые члены общины, въ эту пору грубыхъ нравовъ, не упускали поводовъ эксплоатировать случаи нужды и беззащитности, чтобы грубою силою подчинять своему господству, какъ личность свободныхъ собственниковъ, такъ и ихъ земли. Что это было такъ, то это видно изъ многихъ постановленій Карла Великаго, въ которыхъ онъ постоянно старается о защитѣ бѣдныхъ отъ подчиненности богатымъ, происходящей именно изъ этого источника. Въ капитуляріяхъ констатированы многочисленные случаи захвата земель бѣдныхъ членовъ общины богатыми родами Община, повидимому, оказывала слабую защиту своимъ членамъ, поэтому бѣднѣйшіе члены, въ виду угрожающаго положенія, какое занимали по отношенію къ нимъ богатыя и могущественныя семьи, старались сами отдавать себя и свои земли подъ покровительство церкви, или же могущественныхъ свѣтскихъ магнатовъ. Они уступали право собственности на свои участки, а сами сохраняли за собою пользованіе или прекарное владѣніе, подъ условіемъ платежа ежегодной ренты и разнаго рода повинностей. Это преобразованіе въ формахъ землепользованія, выражавшееся въ умаленіи правъ мелкихъ собственниковъ на свои земли, не только не сопровождалось уменьшеніемъ размѣровъ ихъ землевладѣнія, но сплошь и рядомъ открывало извѣстный просторъ для новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній путемъ заимокъ некультурныхъ земель и расчистокъ лѣсныхъ площадей на земляхъ покровительствующихъ имъ королей, какъ помѣстныхъ владѣльцевъ, а также духовныхъ и свѣтскихъ крупныхъ собственниковъ—но только подъ ихъ ферулой.

Такими путями, еще раньше возникновенія феодализма, какъ политической системы, покровительствовавшей сословному землевладѣнію церкви,

военнаго и служилаго класса, самымъ непроизвольнымъ процессомъ исторіи создавалось и росло крупное землевладѣніе, соединявшееся однако съ мелкимъ земледѣліемъ, такъ какъ, въ силу указанныхъ причинъ, при этомъ только титулъ собственности на общинныя земли переходилъ къ дворянскому и духовному сословію; бывшіе же землевладѣльцы, какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общины во всемъ своемъ составѣ,—оставались на своихъ земляхъ, сохраняли на нихъ зависимую и подчиненную собственность (Untereigenthum, dominium utile, abgeleitete Besitz), обрабатывая ихъ за свой счетъ и уплачивая ренту (Zins, cens) верховному собственнику (Obereigenthümer). Это коренное измѣненіе въ состояніи общинной собственности въ теченіе долгаго времени не сопровождалось никакими соотвѣтствующими измѣненіями во внѣшнемъ расположеніи общинныхъ земель По-прежнему, въ предѣлахъ общинной межи, находились полосы земли, принадлежавшія церкви, членамъ общины и дворянскимъ родамъ[1]). Перемѣна выражалась только въ томъ, что доли эти были самыхъ различныхъ размѣровъ и титулъ собственности на большую часть этихъ полосъ перешелъ отъ общины—прежняго верховнаго собственника всѣхъ земель—къ частнымъ лицамъ, и семьи, которыя обрабатывали эти участки, находились въ прекарномъ отношеніи, но не къ общинѣ, значеніе которой падало, а къ частнымъ собственникамъ, церкви и дворянской земельной аристократіи.

Таковы были измѣненія въ состояніи землевладѣнія, происходившія помимо всякихъ политическихъ вліяній, поведшія однако къ тому же самому результату, на который была разсчитана впослѣдствіи вся поземельная политика, исходившая отъ центральной власти. Характерною чертою центральной власти средневѣкового періода, между прочимъ, было и то, что она, нуждаясь въ извѣстнаго рода услугахъ, въ видѣ военной и административной службы, оплачивала ихъ посредствомъ земельныхъ пожалованій. Главными формами этихъ пожалованій, какъ извѣстно, были бенефиціи, феоды и иммунитеты.

Феодализація поземельной собственности заключалась въ уничтоженіи полной свободной поземельной собственности. Это паденіе принципа полной поземельной собственности достигло своего апогея въ 8—9 в. Всѣ земли въ эту пору становятся въ подчиненное отношеніе однѣ къ другимъ. Онѣ дѣлятся на двѣ большія категоріи,—на феодальныя и цензуальныя (fiefs и censives, по нѣмецки передаются соотвѣтствующими выраженіями Lehen und Leihe)—или, что то же самое, на земли дворянскія и крестьянскія. Феодальными землями назывались такія, за владѣніе которыми собственникъ ихъ несъ почетную службу королю или сеньору, цензуальными же—тѣ земли, за которыя ихъ владѣлецъ платилъ оброкъ деньгами, натуральными продуктами или же личными услугами и барщиной.

---

[1]) М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы, Т. II, стр. 142.

Какъ феодальныя, такъ и цензуальныя земли сходны были между собою въ томъ отношеніи, что онѣ представляли собственность не полную и чрезвычайно условную, и, какъ тѣ, такъ и другія, могли быть отняты отъ ихъ владѣльцевъ въ случаѣ невыполненія условій, которыми онѣ обязаны были передъ главными собственниками (Obereigenthümer). Но земли обѣихъ категорій были сходны еще и въ другомъ отношеніи. Разъ владѣльцы ихъ выполняли эти условія, то они имѣли также право ихъ переуступать, дарить, завѣщать, но всякій разъ съ особаго согласія верховнаго собственника и каждый разъ становясь въ извѣстное посредствующее отношеніе къ новому послѣдующему собственнику

Феодальные и цензуальные собственники, въ эту воинственную эпоху, имѣли то преимущество передъ полными аллодіальными собственниками, что они пользовались защитою своего владѣнія со стороны ихъ сеньора, который вовсе не былъ заинтересованъ въ разореніи земель своихъ подчиненныхъ, между тѣмъ какъ полные собственники постоянно подвергались нападенію своихъ сосѣдей и ежедневно должны были быть готовыми къ самозащитѣ Эта необезпеченность полной собственности въ теченіе среднихъ вѣковъ и была причиной почти совершеннаго ея исчезновенія. Вмѣсто ея въ средніе вѣка получила рѣшительное преобладаніе зависимая и дѣленная поземельная собственность, характеризующаяся принципомъ средневѣкового права: nulle terre sans seigneur (нѣтъ земли безъ господина). По выраженію извѣстнаго феодиста Бутарика, режимъ феодальный былъ ассоціацей, въ которой всякій терялъ въ собственности и индивидуальной свободѣ, выигрывая за это въ безопасности.

Бенефиціи и феоды. Обѣ категоріи земель—*феодальныя и цензуальныя*—по способамъ ихъ пріобрѣтенія и условіямъ владѣнія, въ свою очередь, распадались на отдѣльные виды. Прежде всего надо отмѣтить два вида феодальныхъ земель: бенефиціи и феоды, или вассальныя земли. Тѣ и другія были привилегированною собственностью лично свободныхъ классовъ, а именно: духовенства и свѣтской аристократіи. Бенефиціи и феоды были не только типами феодальнаго землевладѣнія привилегированныхъ классовъ, онѣ были въ то же время преобладающими формами хозяйственнаго оборота, посредствомъ которыхъ поземельная собственность могла мѣнять своего владѣльца и переходить, въ предѣлахъ этихъ общественныхъ классовъ, изъ однѣхъ рукъ въ другія. Остановимся сначала на условіяхъ бенефиціарнаго владѣнія. *Бенефиціи*—были земли, жалуемыя въ пожизненное пользованіе лицами высшаго ранга въ феодальной іерархіи лицамъ низшаго ранга, въ знакъ личнаго расположенія—съ одной стороны, и подъ условіемъ обязательства «вѣрности»—съ другой. Это была самая общеупотребительная форма, въ которой короли надѣляли землями церковь, но ею въ то же время, пользовалась церковь и феодальная аристократія для уступки своихъ земель другимъ лицамъ феодальнаго сословія. О бенефиціяхъ нельзя сказать, что это была исключительная форма пожало-

ванія земель монастырямъ, хотя такое представленіе иногда встрѣчается въ исторической литературѣ,—это былъ вообще типъ сдѣлки, которою пользовались всѣ классы феодальной аристократіи для уступки и пріобрѣтенія поземельнаго владѣнія. Правда, чаще всего пользовались ею частные люди, желавшіе пожертвовать свои земли церкви, съ благочестивою цѣлью, а также короли и владѣтельныя особы, которые, въ то же время, помимо благочестивыхъ цѣлей, старались этимъ способомъ усилить, при посредствѣ церкви, свое политическое вліяніе на территоріи. Отличительнымъ условіемъ бенефиціарнаго владѣнія со стороны лицъ, которыя ихъ пріобрѣтали, было обѣщаніе «помощи» и «дружбы». Бенефиціарные собственники обязаны были, если они были свѣтскіе люди, сопровождать сеньора въ его поѣздкахъ и походахъ и помогать ему безусловно во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ. Съ своей стороны, и сеньоръ обязывался оказывать отеческое покровительство бенефиціарному владѣльцу и защищать его владѣнія отъ притязаній другихъ феодаловъ. Пожалованіе бенефицій въ началѣ средневѣкового періода было пожизненное. Поэтому при всякой перемѣнѣ верховнаго собственника бенефиція и его подчиненнаго собственника повторялось со стороны перваго подтвержденіе воли своего предшественника, а со стороны второго — клятва вѣрности. Это была своего рода форма торжественнаго ввода во владѣніе. При чемъ, когда владѣльцемъ бенефиція бывало такого рода юридическое лицо, какъ монастырь и епископія, то торжественную клятву въ вѣрности произносилъ епископъ или аббатъ, какъ представитель этихъ учрежденій.

Обязательство вѣрности заключало въ себѣ самыя разнообразныя услуги, которыя нужно было оказывать сеньору; точнаго опредѣленія рода этихъ услугъ не возможно дать, но очевидно, что онѣ опредѣлялись прежде всего личностью бенефиціарнаго владѣльца: отъ духовенства не требовалось военной службы и вообще многихъ такихъ услугъ, которыя были обязательны для дворянскаго класса. О свойствѣ этихъ услугъ можно только судить по нѣкоторымъ извѣстнымъ изъ исторіи поводамъ, которые влекли отнятіе бенефиціевъ. Обычнымъ поводомъ отнятія бенефиціевъ была измѣна, несвоевременное оказаніе помощи господину на войнѣ, но часто моральные проступки вели за особою отнятіе бенефиціевъ, какъ напримѣръ: уголовное преступленіе, прелюбодѣяніе, грабежъ, убійство, ложная присяга; по отношенію къ духовному классу—содержаніе собакъ и соколовъ для охоты, а также уступка бенефиція другому лицу безъ согласія сеньора.

Собственно феодальныя земли, или лены, подчиняясь всѣмъ условіямъ бенефиціарнаго владѣнія, отличались отъ послѣдняго тѣмъ, что они жаловались въ вѣчное пользованіе, подъ условіемъ несенія вассаломъ почетныхъ и благородныхъ службъ, преимущественно военныхъ услугъ. Безъ согласія суверена запрещалось уступать феодальныя земли въ бенефиціарное владѣніе церкви, такъ какъ такія уступки часто дѣлались съ цѣлью избавиться отъ объязательства военныхъ услугъ суверену. Вмѣстѣ

съ тѣмъ феодъ отличался отъ аллода, который былъ свободенъ отъ всякихъ повинностей и отъ цензивы, которая, будучи простонароднымъ надѣломъ, обязана податями и барщиною. Иногда феодъ или ленъ прилагался и къ другого рода объектамъ собственности или, вѣрнѣе, доходнымъ статьямъ, а именно: 1) къ административнымъ должностямъ, 2) регалiямъ или монополiямъ, 3) податнымъ сборамъ и вообще финансовымъ правамъ. Такое расширенiе понятiя феодъ свидѣтельствуетъ о постоянномъ захватѣ имъ все новыхъ экономическихъ сферъ; но феоды послѣднихъ категорiй были явленiемъ частнымъ, производнымъ и коренное понятiе «феода—земли» всегда въ феодальной системѣ оставалось преобладающимъ.

Цензуальныя земли. Другую категорiю феодальныхъ земель составляли цензивныя земли. Отличительная черта этого рода земель заключалась въ томъ, что владѣнiе ими обусловливалось платежами извѣстной доли продуктовъ, получаемыхъ отъ культуры земель, или же—извѣстной суммы денегъ, или, наконецъ, опредѣленнымъ количествомъ рабочихъ дней въ году. Реальныя обязательства, связанныя съ цензивнымъ владѣнiемъ, показываютъ, что цензива была актомъ, посредствомъ котораго земли переходили не отъ землевладѣльцевъ къ землевладѣльцамъ, какъ это имѣло мѣсто въ феодахъ и бенефицiяхъ, но отъ землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ. Земли, бывшiя цензуальными по отношенiю къ однимъ владѣльцамъ, могли быть въ то же время бенефицiарными этихъ послѣднихъ въ отношенiи ихъ къ лицамъ болѣе высшаго ранга феодальной iерархiи. Посредствомъ цензуальной сдѣлки, земли, перешедшiя иногда черезъ цѣлый рядъ рукъ бенефицiарныхъ и феодальныхъ собственниковъ, въ концѣ концовъ доставались въ руки того класса, который ихъ обрабатывалъ. Если владѣнiе феодами и бенефицiями обусловливалось нѣкотораго рода политическою подчиненностью, основанною на договорѣ, то владѣнiе цензуальной собственностью связано было съ личною зависимостью и прекарными отношенiями цензуальнаго владѣльца къ верховному собственнику земли. Степень этой зависимости, или, иначе сказать, степень личной свободы цензуальныхъ владѣльцевъ, опредѣляла величину, форму и родъ хозяйственныхъ обязательствъ по владѣнiю цензуальной землей. По степени личной свободы и по условiямъ цензуальнаго владѣнiя весь подчиненный классъ цензуальныхъ владѣльцевъ распадался на три категорiи: *колоновъ, литовъ и рабовъ.*

Колоны (coloni, colongers, huober, Zinsleute, censuales, sanctuarii, heilige Leute) отличались отъ лицъ совершенно свободнаго состоянiя, во-первыхъ, тѣмъ, что они избавлены были отъ почетнаго обязательства нести военную службу, по крайней мѣрѣ такъ было при первыхъ двухъ французскихъ династiяхъ—карловинговъ и меровинговъ; если же они фигурировали иногда въ войскѣ и въ эту эпоху, то не въ качествѣ воиновъ, но въ качествѣ слугъ. Отъ лицъ свободнаго состоянiя колоны отличались еще и тѣмъ, что они подчинялись юрисдикцiи того сеньора,

землею котораго владѣли, все равно, былъ ли то свѣтскій или духовный феодалъ, который являлся по отношенію къ нимъ въ роли верховнаго судьи и законодателя. Отъ рабовъ же колоны отличались въ личномъ и имущественномъ положеніи. Колонъ былъ огражденъ болѣе высокими штрафами за преступленія противъ его личности, такъ: за убійство колона уплачивалась въ три и четыре раза большая композиція, чѣмъ за убійство раба. Колоны пользовались значительными правами, сравнительно съ рабами, по общинному управленію. Нужно имѣть въ виду, что въ положеніи колоновъ находились не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя деревенскія общины. Колоны располагали правомъ общиннаго самоуправленія; ихъ выборные представители—шультгейсы, меры, шефены и т. п.—раздѣляли власть по общинному управленію съ чиновниками, назначенными епископами и сеньорами. Въ имущественномъ отношеніи колоны отличались отъ рабовъ неограниченнымъ правомъ пріобрѣтать, пользоваться и распоряжаться своею движимостью. Они же могли имѣть и пріобрѣтать недвижимую собственность, кромѣ той цензуальной, на владѣніи которой основывались ихъ отношенія къ сеньору; будучи сами лицами зависимыми, колоны въ то же время могли владѣть собственными рабами. Что касается цензуальной собственности колоновъ, то это была наслѣдственная *dominium utile* или чиншевое владѣніе. Условія этого рода владѣнія дозволяли колону вести на немъ самостоятельное хозяйство, за свой счетъ, переуступать по наслѣдству, продавать, дарить свой участокъ, но всякій разъ съ согласія своего господина. Согласіе господина во всѣхъ этихъ случаяхъ требовалось въ виду того, что онъ былъ заинтересованъ въ исправномъ выполненіи хозяйственныхъ обязательствъ, лежавшихъ на земляхъ колоновъ, поэтому долженъ былъ знать о всякихъ перемѣнахъ въ составѣ владѣльцевъ своихъ земель. Въ чемъ же состоялъ эквивалентъ, которымъ уплачивалъ колонъ за такое широкое право пользованія поземельнымъ участкомъ? Платежи колоновъ за пользованіе землею были самыхъ разнообразныхъ видовъ: они могли состоять въ деньгахъ, продуктахъ ихъ собственнаго хозяйства (мука, вино, хлѣбъ, овесъ, домашняя птица), въ угощеніяхъ, которое колоны должны были выставлять сеньору при посѣщеніи имъ общины. Всѣ эти платежи въ большинствѣ случаевъ были точно фиксированы, и это составляло одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ этого рода владѣнія. Въ два или три срока въ году, обыкновенно около праздниковъ Михаила и Пасхи, колоны вносили опредѣленнаго рода платежи, частью деньгами, частью продуктами. Но, кромѣ этой ежегодной ренты, они обязаны были при всякой перемѣнѣ сеньора взносить особый платежъ въ видѣ извѣстнаго количества вина. Соотвѣтствующіе же платежи вносились при всякомъ переходѣ цензуальнаго участка отъ одного колона къ другому. При переходѣ участковъ путемъ наслѣдства этотъ взносъ назывался Hubrecht, un pot investiture, Satzmos, Satzvein. Въ Эльзасъ-Лотарингіи этотъ платежъ взносился въ двойномъ и тройномъ коли-

чествѣ, смотря по количеству наслѣдниковъ. Это послѣднее правило выработалось для устраненія дробленія участковъ. При переходѣ участка другимъ способомъ—посредствомъ дара, уступки—платежъ носилъ названіе *Erbschatz, laudemium*. Что касается величины этихъ платежей при перемѣнѣ сеньора, верховнаго собственника, то они не простирались больше половины ежегодно вносимой ренты или чинша (cens, zins).

Цензуальное владѣніе колоновъ, со всѣми его правами и обязательствами, сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ, благодаря могущественной силѣ обычая. Съ цензуальнымъ владѣніемъ колоновъ связано было учрежденіе, специально охранявшее неизмѣнность условій этого рода владѣнія. Такимъ учрежденіемъ было торжественное собраніе колоновъ, происходившее подъ предсѣдательствомъ феодала или его представителя (maire, avoies, schultheiss), въ присутствіи его чиновниковъ и выборныхъ отъ общины колоновъ (schöffen). Компетенція этого собранія была весьма разнообразна, оно производило судъ и т. п., но главная его функція была хозяйственная. Собранія эти бывали два или три раза въ продолженіе года (tria placita legitima). Появленіе въ нихъ считалось для колоновъ обязательнымъ и притомъ безъ всякихъ предварительныхъ приглашеній. Въ этомъ собраніи уплачивалась годичная рента, взимались штрафы съ неисправныхъ плательщиковъ, и если кто изъ нихъ въ своей неаккуратности доходилъ до того, что въ теченіе трехъ лѣтъ не вносилъ платежей, то у того отбирался участокъ. Послѣ исполненія текущихъ дѣлъ въ собраніи прочитывались грамоты, въ которыхъ означены были, какъ участки цензуальной земли, такъ и обязательства, лежавшія на ихъ владѣльцахъ; назначеніе этихъ грамотъ, какъ показываетъ самый ихъ текстъ, было сохранить отъ забвенія поземельныя права верховнаго феодальнаго собственника на полученіе ренты опредѣленной величины съ участковъ, владѣемыхъ колонами (tenures colongers); но грамоты эти въ то же время были большою гарантіей для цензуальныхъ владѣльцевъ, такъ какъ въ силу ихъ платежи не могли быть повышаемы[1]). Эти грамоты, которыя по первоначальному своему назначенію должны были охранять земельныя привилегіи феодаловъ, впослѣдствіи, съ измѣненіемъ экономическихъ условій,

[1]) „Такъ какъ память людямъ измѣняетъ и все то, что не записано, подвергается забвенію, то мы рѣшили возобновить старые обычаи въ присутствіи нашихъ чиновниковъ, братіи аббатства и людей аббатства“. Такою мотивировкою, въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, начинается обыкновенно каждая изъ этихъ грамотъ. Далѣе идетъ описаніе, до мельчайшихъ подробностей, платежей колоновъ, видовъ и сроковъ ихъ уплаты, не опущены безъ вниманія даже такія незначительныя обстоятельства, какъ то, что при посѣщеніи сеньора, колоны обязаны угостить его, при чемъ указаны блюды и порядокъ, въ которомъ они должны подаваться на столъ. См. собраніе грамотъ (rotules) относительно землевладѣнія колоновъ. L'abbé Hanauer. Les constitutions de Campagnes de l'Alsace au moyen-âge. Recueil de documents inédits. Paris. 1865 г Стр. 33, 68, 312 и др. Его же. Les paysans de l'Alsace au moyen-âge. Paris. 1868. Стр. 7, 64, 322 и др.

обратились въ привилегію цензуальныхъ владѣльцевъ Дѣло въ томъ, что въ концѣ среднихъ вѣковъ стоимость земли, а равно стоимость продуктовъ сельскаго хозяйства поднялась, цѣнность же благородныхъ металловъ понизилась, вслѣдствіе этого понизилась и поземельная рента, уплачиваемая деньгами. Всею выгодою, вытекавшею изъ этого измѣненія, воспользовались цензуальные владѣльцы, а не собственники, въ силу неизмѣнности ренты, которую оберегала сила обычая, закрѣпленная грамотами (rotules).

Литы (lidi, liti, lazzi, litones) по степени свободы занимали среднее мѣсто между колонами и рабами. Guerard опредѣляетъ состояніе литовъ такъ: «они служили не только землѣ, подобно колонамъ, но и собственникамъ земли». Условія землевладѣнія литовъ, не отличались отъ тѣхъ, на которыхъ владѣли колоны; но, въ отношеніи правъ состоянія, литы, сравнительно съ колонами, находились въ большей личной зависимости отъ сеньора и въ полной подчиненности его юрисдикціи. Человѣкъ свободный, желавшій сдѣлаться литомъ, долженъ былъ найти господина; но когда онъ желалъ сдѣлаться колономъ, то онъ долженъ былъ искать участокъ земли, на которомъ онъ могъ бы вести хозяйство. Впрочемъ, весьма часто бывало и такъ, что данный собственникъ уступалъ свою землю сеньору, сохраняя на нее права пользованія, при условіи строго опредѣленныхъ платежей, становясь такимъ образомъ въ положеніе колона. Колонъ являлся рабомъ не человѣка, но земли, тогда какъ литъ былъ связанъ двойною службою—землѣ и личности своего господина[1]).

Рабы. Въ періодъ варварскихъ законовъ и въ первую пору феодальнаго режима въ ряду зависимыхъ элементовъ населенія существовали и рабы (servi), но число ихъ, за сокращеніемъ источниковъ пополненія и за легкостью добыванія свободныхъ слугъ, уменьшалось довольно быстро, а ихъ положеніе, въ личномъ и имущественномъ отношеніи, было много лучше, сравнительно съ положеніемъ рабовъ даже въ послѣдній періодъ римской имперіи. Конечно, свобода распоряженія своею личностью для рабовъ была ограничена властью господина. Для вступленія раба въ бракъ требовалось согласіе его господина, а при женитьбѣ на рабѣ другого владѣльца требовалось и согласіе этого послѣдняго. Права по наслѣдованію въ собственномъ имуществѣ, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, для рабовъ были очень ограничены. Рабъ, уходившій отъ своего собственника, преслѣдовался за побѣгъ. Силою вещей, и раньше всего въ монастырскихъ хозяйствахъ, рабы переходили въ положеніе цензуальныхъ собственниковъ. Только незначительная часть рабовъ была предназначена для личной службы въ домѣ сеньора и его имѣнія. Обыкновенно же рабы получали участки земли, на которыхъ они вели самостоятельное хозяйство за свой счетъ, при чемъ рабамъ этой категоріи предоставлялось

[1]) Polyptyque de l'abbé Irminon, ou denombrement des mances, des serfs et de revenus de l'Abbaye de Saint Germain des-Près, publié par Guerard Paris 1854 г. Т. I, стр. 248.

два-три дня въ недѣлю для обработки своихъ цензуальныхъ земель, остальное время они употребляли для исполненія хозяйственныхъ работъ въ домѣ сеньора, на кухнѣ, въ усадьбѣ, въ его поляхъ и виноградникахъ Даже суровыя права господина по наслѣдованію въ имуществѣ раба (mortuarium, main mort) въ эту пору были смягчены распространеніемъ института Besthaupt, по которому сеньоръ, не налагая своей руки на все движимое имущество умершаго раба, довольствовался полученіемъ лучшей штуки изъ его скота

Три отмѣченныя нами состоянія лицъ земледѣльческаго зависимаго населенія—колоны, литы и рабы —не представляли собою рѣзко отграниченныхъ классовъ; своеобразный характеръ соціальнаго расчлененія сельскаго населенія выражался въ томъ, что между колонами, литами и рабами стояли промежуточныя группы земледѣльческаго класса, представляющія, по степени личной свободы и по объему земельныхъ правъ, переходныя стадіи отъ одной изъ этихъ категорій къ другой Существовали колоны, приближающіеся къ литамъ, и литы, приближающіеся къ положенію рабовъ. Издатель полиптики аббата Ирминона констатируетъ нѣсколько видовъ колоновъ, два вида литовъ и три вида рабовъ[1]). Но всѣ эти разнообразныя категоріи лицъ къ концу Карловингской эпохи нивелировались къ одному среднему типу крестьянскаго состоянія. Среди сельскаго населенія исчезло рабство, но при этомъ почти исчезли и лично свободные, какъ отдѣльныя семьи, такъ и цѣлыя сельскія общины. Всѣ разнообразные элементы земледѣльческаго класса впослѣдствіи превращаются въ крѣпостныхъ людей (vilains, main mortables, leibeigene, serves), со всѣми аттрибутами этого состоянія: барщиной, личнымъ и имущественнымъ обложеніемъ въ пользу сеньора, прикрѣпленіемъ къ землѣ, съ ограниченіемъ права наслѣдованія въ формѣ mortuarium и т. п.[2]).

Чтобы въ точности представить себѣ организацію поземельныхъ отношеній въ средніе вѣка, нужно еще имѣть въ виду, что указанные типы собственности, какъ феодальной, такъ и цензуальной, постоянно соединялись самымъ разнообразнымъ образомъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Каждый отдѣльный вассалъ могъ владѣть аллодіальною землею, т. е. такою, которая не только была въ его собственности, но и въ его пользованіи; въ то же время другими землями онъ могъ владѣть по титулу бенефиція и феода, а третьими даже на началѣ цензивы. Такимъ образомъ онъ связанъ былъ самыми разнообразными обязательствами съ цѣлою массою лицъ: по отношенію къ однимъ онъ былъ вассаломъ, по отношенію къ другимъ несъ разныя обязательства бенефиціарнаго владѣнія и по отношенію къ этимъ же самымъ лицамъ обязанъ былъ платежемъ ренты. Кромѣ того, онъ могъ быть одновременно

---

[1]) То же, стр 248—250, 274.

[2]) Polyptyque T. I стр. 227, 277, 278 и др.

и бенефиціарнымъ, и феодальнымъ собственникомъ, такъ сказать, второй степени, такъ какъ тѣ лица, которыя ему уступали свои земли на началахъ бенефиція и феода,—сами могли быть не первоначальными собственниками, а такими же бенефиціарами и вассалами лицъ, еще выше ихъ стоящихъ на феодальной лѣстницѣ. Но этимъ не ограничивалась сложность поземельныхъ отношеній вассальнаго собственника. Такъ, земли собранныя въ его рукахъ подъ самыми разнообразными титулами, въ свою очередь, сдавались ими уже не землевладѣльцамъ, а земледѣльцамъ, своимъ подданнымъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ чиншевого владѣнія: подъ условіемъ платежа ренты, деньгами или натурой, разныхъ услугъ и барщинной работы.

Организація средневѣковой юрисдикціи. Сложная сѣть поземельныхъ обязательствъ, связывающая по всѣмъ направленіямъ личность въ средніе вѣка, вытекавшая изъ дробленія института поземельной собственности, не будетъ понятна въ полной мѣрѣ, если не обратить вниманіе на ту зависимость указанныхъ выше элементовъ сельскаго населенія, которая возникала для нихъ изъ подчиненія феодальной юстиціи и администраціи.

Административныя и судебныя функціи королевской центральной власти въ средніе вѣка перешли постепенно къ феодальнымъ собственникамъ, т. е. эти функціи стали соединяться съ феодальнымъ и бенефиціарнымъ владѣніемъ, сдѣлались аттрибутами этихъ земель Актъ, посредствомъ котораго уступались эти верховныя права феодальнымъ владѣльцамъ, извѣстенъ подъ именемъ *иммунитетовъ*. Право иммунитета означало исключеніе изъ юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ бенефиціарныхъ и феодальныхъ земель, при чемъ наиболѣе распространены были пожалованія иммунитетовъ церкви. Въ иммунитетныя земли королевскіе чиновники не имѣли права въѣзда, какъ видно изъ нѣкоторыхъ актовъ, даже фальшивыхъ монетчиковъ они не могли преслѣдовать; подъ ихъ присмотромъ находились только водные и сухопутные пути. Для управленія и суда въ своихъ имѣніяхъ духовные и свѣтскіе феодалы создали поэтому цѣлый классъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ сложилась патримоніальная юстиція. Но и тутъ повторилось съ юрисдикціей то же, что и съ феодальной собственностью—феодалы уступали свои права по отправленію юстиціи и администрированію имѣній низшимъ себя по рангу лицамъ: въ деревняхъ обыкновенно фохтамъ, мерамъ, подъ условіемъ съ ихъ стороны разныхъ платежей. При этомъ нерѣдко бывало и такъ, что феодалъ не имѣлъ права патримоніальной юстиціи надъ нѣкоторыми группами населенія его территоріи, напр. колоновъ, зависимыхъ отъ него въ поземельномъ отношеніи, которые были подчинены юрисдикціи сосѣднихъ бароновъ и графовъ. Такимъ образомъ, данный цензуальный собственникъ могъ быть обязанъ одному феодалу взносомъ чинша, а въ то же время въ административномъ и судебномъ

отношеніи быть подчиненнымъ власти другого феодала. Эта дробность юрисдикціи образовалась двумя путями: а) посредствомъ дарованія правъ юстиціи въ видѣ отдѣльныхъ леновъ сверху лицамъ, ниже стоящимъ въ феодальной іерархіи, и б) посредствомъ добровольнаго поступленія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общинъ подъ покровительство болѣе могущественнаго феодала, чѣмъ тотъ территоріальный владѣлецъ, на земляхъ котораго они жили. Такъ, въ Эльзасѣ многія общинныя земли нерѣдко были цензуальными по отношенію къ монастырямъ и въ то же время находились въ юрисдикціи сосѣднихъ графовъ и бароновъ.

Общій типъ феодальнаго хозяйства. Сложность обязательственныхъ отношеній, вытекавшихъ изъ землевладѣнія, подчиненія суду и администраціи, создавала для личности въ средніе вѣка много центровъ тяготѣнія, въ формахъ зависимости юридической, административной и хозяйственной. Центрами хозяйственнаго тяготѣнія средневѣковаго населенія были господскіе дворы (Frohnhofe), т. е. монастырскія хозяйства, хозяйства свѣтскихъ феодаловъ и королевскія виллы (Hof-Closter und Villen-Wirthschaften). Къ этимъ центрамъ сходились всѣ главнѣйшія нити, связывавшія средневѣковую личность зависимостью самаго разнообразнаго рода. При слабомъ развитіи государственной связи, вся жизнь личности въ средніе вѣка вращалась въ предѣлахъ господскаго двора, который былъ за-разъ и административнымъ, и политическимъ, и хозяйственнымъ центромъ. Каждый такой господскій дворъ заключалъ въ себѣ значительное количество земель, которыми онъ владѣлъ подъ самыми разнообразными титулами—цензивы, бенефиція или феода. По способу эксплоатаціи земли господскаго хозяйства раздѣлялись на двѣ категоріи. На одной части ихъ велось собственное хозяйство феодала подъ управленіемъ его чиновниковъ, министеріаловъ (Sal-land, Allod, Alleu, Frank alleu). Другая же, обыкновенно гораздо большая часть, обрабатывалась зависимыми лицами на началахъ цензуальнаго владѣнія (Zinsland). Собственное хозяйство господскихъ дворовъ велось на земляхъ, прилегавшихъ къ монастырямъ, замкамъ свѣтскихъ магнатовъ и въ королевскихъ виллахъ. Относительно этой поры (8—9 в.) весьма правдоподобна презумпція, что монастыри были первыми организаторами хозяйства по римскому образцу и, такъ сказать, пионерами раціональнаго сельскаго хозяйства, которое затѣмъ было усвоено въ королевскихъ виллахъ и въ имѣніяхъ свѣтскихъ феодаловъ. На земляхъ духовныхъ орденовъ велось, подъ управленіемъ монаховъ, образцовое для того времени хозяйство. Кромѣ хлѣбныхъ запашекъ, разбивались сады и виноградники, при усадьбахъ устраивались скотскіе дворы и птичники, строились мельницы, въ однихъ случаяхъ корчевался лѣсъ, а въ другихъ насаждался. Кромѣ того, для потребностей двора и монастыря организованы были ремесленныя мастерскія самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Всѣ работы на усадьбѣ, въ полѣ и въ мастерскихъ исполнялись трудомъ зависимыхъ отъ господскаго двора элементовъ населенія. Къ числу обязательствъ низшихъ

категорій цензуальныхъ владѣльцевъ, т. е. тѣхъ, которые пользовались меньшею мѣрою личной свободы—рабовъ и литовъ—относилась также работа на собственномъ хозяйствѣ феодала въ теченіе опредѣленнаго числа дней въ году. При этомъ, трудомъ этихъ низшихъ категорій цензуальныхъ собственниковъ исполнялись всѣ хозяйственныя работы на господскомъ дворѣ, а именно на кухнѣ, въ винномъ погребѣ, въ пекарняхъ, а также уборка и молотьба хлѣба, поставка дровъ изъ господскаго лѣса и т. п. Болѣе почетными считались внѣшнія хозяйственныя работы, т. е. полевыя; онѣ выполнялись частью колонами и частью литами. Вообще же всѣ работы на господскомъ хозяйствѣ выполнялись барщиннымъ трудомъ цензуальныхъ собственниковъ, и число дворовыхъ людей, предназначенныхъ для вседневной работы въ господскомъ хозяйствѣ и постоянно жившихъ въ господскомъ дворѣ (Cosseten, Hintersassen), было весьма незначительно. Произведенія хозяйства феодальнаго двора составляли относительно меньшую часть въ общемъ доходѣ феодала, большая же часть его доходовъ слагалась изъ чиншей цензуальныхъ владѣльцевъ, подчиненныхъ феодальному двору, уплачиваемыхъ ими въ видѣ натуральныхъ продуктовъ или денегъ[1]). Владѣнія отдѣльнаго феодала иногда были разбросаны

[1]) Для нагляднаго представленія хозяйственнаго строя господскаго двора,—все равно, принадлежалъ онъ свѣтскому феодалу, монастырю или королю, въ качествѣ частнаго владѣнія,—мы приводимъ здѣсь составъ владѣній и количества доходовъ (Rins) трехъ монастырскихъ имѣній 8—9 вѣка: Прюмъ, Вердена и Блейденстадта. (Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingen Periode. Inama-Sternegg. 1879 г. Leipzig—стр. 516).

			Прюмъ	Верденъ	Блейденстадтъ
Составъ земель		Число мѣстъ, въ которыхъ находились владѣнія	285	449	36
		Число участковъ, на которыхъ велось собственное хозяйство	340	9	8
		Бенефиціарныхъ земель	80	Неизвѣстно	
		Цензуальныхъ участковъ (каждый изъ нихъ былъ достаточенъ для прокормленія одной средней семьи)	1753	919	85
Два вида чинша	Доходъ въ видѣ натур. продуктовъ	Хлѣба въ зернѣ	6000 модіевъ	13760	490
		Льну	600 фунт.	—	33 ф.
		Свиней и поросятъ	1800 штукъ	25	11
		Куръ	4000 „	—	150
		Яицъ	20000 „	—	1700
		Меду	4 мѣры	179	—
		Вина	4000 модіевъ	—	6
		Денегъ	1500 солид.	1011	92
	Барщины	Рабочихъ дней	70000	4730	4447
		Количество подводъ	4090	—	34

въ разныхъ провинціяхъ государства, а владѣнія монастыря нерѣдко выходили за предѣлы отдѣльнаго государства. Такъ, напримѣръ, владѣнія монашескаго ордена бенедиктинцевъ во Франціи разбросаны были въ 27 провинціяхъ. Главнымъ центромъ, къ которому они тяготѣли былъ монастырь Сенъ-Жерменъ де Пре въ Парижѣ. Швейцарскій монастырь Сенъ-Галленъ имѣлъ свои владѣнія въ Швейцаріи, Швабіи, Франконіи, Эльзасѣ и даже въ Италіи, также въ разныхъ странахъ Западной Европы владѣлъ землями монастырь Фульда и другіе. Группы монастырскихъ земель, расположенныя въ одной мѣстности, имѣли свой главный дворъ (Fisc), изъ котораго исходило управленіе доходами собираемыми отъ зависимаго населенія окрестныхъ земель и, по обыкновенію, на одномъ изъ участковъ[1]) велось небольшое собственное хозяйство монастыря. Кромѣ чинша, господскій дворъ располагалъ еще и другими формами дохода—разнаго рода регаліями и косвенными налогами.

---

[1]) О монастырскомъ хозяйствѣ того времени даетъ много фактическихъ данныхъ описаніе земельныхъ имуществъ и управленія ими одного изъ самыхъ замѣчательныхъ монашескихъ орденовъ—бенедиктинцевъ, которому принадлежало аббатство Сенъ-Жерменъ де Пре въ Парижѣ. Это аббатство, сначала подъ именемъ Saint Croix и Saint Vincent, было основано въ Парижѣ (или возлѣ тогдашняго Парижа, на лугу, откуда и названіе его des Prés) въ 543 г. королемъ Жильбертомъ I, сыномъ Клодвига, и было однимъ изъ древнѣйшихъ во Франціи. Въ моментъ описанія его, въ 800 г., аббатомъ Ирминономъ, оно владѣло помѣстьями въ 27 провинціяхъ (pagus) Франціи, при чемъ нѣкоторыя земли аббатства не вошли въ эту регистрацію. Въ каждой изъ 27 провинцій аббатство владѣло нѣсколькими имѣніями, такъ что его имѣнія находились почти въ двухстахъ разныхъ мѣстахъ. Центромъ, откуда исходило управленіе всѣми этими имѣніями, было аббатство Сенъ-Жерменъ въ Парижѣ, но оно управляло черезъ посредство своихъ филіаловъ, разбросанныхъ въ районахъ нахожденія земель Монастыри, церкви и каплицы аббатства, разсѣянные по всей Франціи, являлись пунктами, возлѣ которыхъ и сосредоточивалось административное управленіе землями (fiscus) Къ этимъ пунктамъ тяготѣло по нѣсколько имѣній и населенныхъ мѣстъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ районахъ такой административный центръ (fiscus) управлялъ только однимъ имѣніемъ, но иногда къ нему тяготѣло до 8 имѣній, и въ одномъ случаѣ даже болѣе сорока. Каждый изъ этихъ церковно-хозяйственныхъ филіаловъ Бенедиктинскаго аббатства велъ собственное хозяйство на земляхъ, прилегающихъ къ монастырю. Смотря по мѣстнымъ условіямъ, на этихъ земляхъ устраивались сады, виноградники или обрабатывались пашни, эксплоатировались рыбныя ловли, мельницы и т п, при этомъ хозяйственная иниціатива исходила отъ главнаго управленія монастыря Сенъ-Жерменъ въ Парижѣ Аббатъ Ирминонъ, стоявшій во главѣ Бенедиктинскаго ордена въ 800 г., за 20 лѣтъ своего управленія посадилъ 94 арпана виноградниковъ въ семи владѣніяхъ монастыря, расчистилъ подъ пашни извѣстное пространство земель, на которыхъ высѣвалось до 60 модіевъ пшеницы, обратилъ подъ культуру одинъ обширный островъ на Сенѣ, построилъ 7 новыхъ мельницъ, три мельницы перестроилъ заново, соорудилъ каменную стѣну въ одномъ изъ провинціальныхъ монастырей и при двухъ церквахъ въ провинціи устроилъ госпитали для монаховъ и посѣтителей. Для управленія этими имѣніями, охраны лѣса, земель и угодій существовалъ обширный штатъ чиновниковъ, которые носили названіе меровъ, вилликовъ, декановъ и т. п. На территоріи аббатства жилъ также много-

Фискальные доходы господскаго двора. На первомъ планѣ здѣсь стояли доходы отъ монополій и акцизовъ со спиртныхъ напитковъ. Самымъ обычнымъ предметомъ феодальныхъ монополій были мельницы Никто, кромѣ феодала, не могъ на его территоріи устраивать мельницъ и владѣть ими. Въ однихъ случаяхъ феодалы сами эксплоатировали, черезъ своихъ министеріаловъ, свои мельницы, получая доходъ отъ помола хлѣба окрестнаго населенія, въ другихъ случаяхъ они сдавали ихъ на откупъ. Акцизы съ вина взимались въ нѣсколькихъ формахъ. Прежде всего за право содержанія питейныхъ домовъ и гостиницъ платился извѣстный ежегодный налогъ, аналогичный современному патенту, но, кромѣ этого особый налогъ платился за право раздробительной продажи, тотъ и другой обыкновенно уплачивался въ видѣ опредѣленной мѣры вина, рѣже—деньгами. Вообще вся посредническая торговля виномъ, какъ спеціальное занятіе (за исключеніемъ продажи его самыми производителями) была регулирована подробными предписаніями; напримѣръ, не позволялось въ одной гостиницѣ торговать вмѣстѣ двумя сортами вина, бѣлымъ и краснымъ, вѣроятно, для устраненія постороннихъ примѣсей. Цѣны на вина вообще были таксированы. Фискъ т. е управленіе двора, сохранялъ за собою монополію раздробительной продажи вина, но не постоянно, а только въ теченіе опредѣленнаго числа дней въ году. Такъ, напр., аббатство Мюнстеръ пользовалось ею три раза въ году, и всякій разъ въ теченіе пятнадцати дней — около времени Пасхи, Пятидесятницы и т. п. Въ эти дни гостиницы или совсѣмъ не могли торговать виномъ, или же торговали виномъ, принадлежавшимъ аббатству, которое онѣ брали на коммиссію за извѣстную плату. Въ нѣкоторыхъ раіонахъ было обязательно для всякаго жителя феодальной территоріи въ эти дни покупать въ господскомъ дворѣ опредѣленное количество вина, и если онъ этого не исполнялъ добровольно, то вино посылалось ему на домъ, вливалось въ бочку, назначенную для воды, и при этомъ, конечно, бралась соотвѣтствующая стоимость этого вина.

Существовали еще налоги за провозъ товаровъ по дорогамъ, мостамъ и каналамъ, а также подорожная и подводная повинность. Кромѣ того, общины должны были снабжать всѣмъ необходимымъ довольствіемъ феодала и его чиновниковъ въ дни торжественныхъ собраній (tria placita

---

численный классъ зависимыхъ отъ него ремесленниковъ Въ одномъ изъ монастырей аббатства *Corbie*, во время управленія аббата Адаляра, масса ремесленниковъ, раздѣленныхъ по спеціальностямъ (по камерамъ, chambres), жила въ самомъ монастырѣ и работала на монастырь, а нѣкоторая часть ихъ жила внѣ монастырскихъ стѣнъ, въ селахъ. Изъ ремеслъ зарегистрированы: сапожники, сукновалы, кузнецы, слесаря, ювелиры, оружейные мастера, плотники, каменщики, врачи, не считая тѣхъ, которые работали на монастырской кухнѣ, въ пекарнѣ, пивной, винномъ погребѣ, больницѣ. Внѣ монастыря поселены были рабочіе, которые заняты были на мельницахъ, въ саду, въ мастерской повозокъ, на виноградникахъ, огородѣ, конскомъ заводѣ, птичникѣ, рыбныхъ ловахъ, пасли стада и т. п. Polyptique, I, стр. 49.

legitima), въ періодъ которыхъ собирались налоги, творился судъ и подтверждались договоры, а также при всякомъ проѣздѣ его по территоріи населеніе обязано было поставлять кормъ людямъ и лошадямъ и угощать феодала и его свиту торжественнымъ обѣдомъ. Всѣ эти обязательства строго опредѣлены были въ цензуальныхъ грамотахъ, до мельчайшихъ подробностей и оставались неизмѣнными въ теченіе вѣковъ; въ нихъ указывалось даже, изъ сколькихъ блюдъ долженъ быть выданъ обѣдъ для аббата и его чиновниковъ (avoues, Schultheis, maire), при посѣщеніи ими общины и изъ сколькихъ для сеньора, которому принадлежала юстиція въ данномъ раіонѣ.

Отправленіе юстиціи было для господскаго двора также источникомъ дохода, такъ какъ всякій актъ ея сопровождался штрафами съ обвиненныхъ, поступавшими въ пользу сеньора, которому принадлежала юстиція. Мы уже раньше указывали, что юстиція очень часто принадлежала не тому сеньору, который былъ верховнымъ собственникомъ территоріи цензуальныхъ земель, а двору другого, сосѣдняго сеньора. Также весьма часто сеньоръ уступалъ юстицію надъ цензуальными владѣльцами, въ видѣ лена, особому чиновнику. Но бывало и такъ, что право юстиціи (zewing, ban) принадлежало тому же двору и тому сеньору, которому принадлежала территорія,—тогда доходы его съ мѣстнаго населенія удваивались. Мауреръ разсказываетъ одинъ анекдотъ, прекрасно характеризующій финансовую политику феодальныхъ сеньоровъ, которые изъ финансовыхъ соображеній старались доставить населенію возможно больше поводовъ прибѣгать къ ихъ суду. Обыкновенно дворовыя житницы и кладовыя изобиловали продуктами, получаемыми въ видѣ чинша; ихъ накоплялось больше, чѣмъ требовалось для потребностей самаго двора. У одного феодала, разсказываетъ Мауреръ, скопилось много вина, для котораго не представлялось на сторону никакого сбыта, тогда онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости. Въ одинъ день слуги сеньора объявили всѣмъ его подданымъ, что погреба его открыты для всѣхъ желающихъ даромъ попить вина. Это привлекло все населеніе, и черезъ нѣсколько дней весь большой запасъ вина господскаго погреба былъ выпитъ. Но попойка, длившаяся нѣсколько дней, дала поводъ къ массѣ столкновеній и дракъ, которыя повели къ судебнымъ процессамъ. Мудрый сеньоръ, соединявшій въ качествѣ собственника территоріи и аттрибуты верховнаго судьи, вступился за нарушенный порядокъ, произвелъ судъ, наложилъ на виновныхъ судебныя пени, и такимъ образомъ стоимость выпитаго вина была оплачена.

Значительный ростъ финансовыхъ доходовъ господскаго двора, въ видѣ чиншей, рентъ, баналитетовъ, акцизовъ, разнаго рода пошлинъ и судебныхъ пеней, все болѣе отодвигалъ на задній планъ интересъ феодаловъ къ веденію собственнаго двороваго хозяйства Количество земель, обрабатываемыхъ феодаломъ для своихъ нуждъ, съ теченіемъ времени уменьшалось. Феодальные владѣльцы все меньше занимались производствомъ,

становясь гораздо болѣе правителями и собирателями доходовъ, чѣмъ частными хозяевами. Феодальное помѣстье, оставаясь единицею владѣнія, теряло значеніе единицы хозяйства: центръ тяжести послѣдняго переходилъ на крестьянскій оброчный надѣлъ

Если ко всѣмъ правамъ, которыми обладалъ феодалъ надъ своей территоріей, въ качествѣ верховнаго собственника, хозяина, судьи и администратора, присоединить еще право чисто суверенной власти и даже обязанность по отношенію къ королю держать войско, тогда феодальная территорія представится намъ тѣмъ, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ была — государствомъ въ государствѣ. Феодальный районъ заключалъ въ себѣ даже большую полноту государственныхъ функцій, чѣмъ тогдашнее государство; это послѣднее, представляемое королемъ, было по преимуществу организацией военной защиты. Король пользовался вполнѣ прерогативами государственной, судебной и административной власти, но только въ своихъ частныхъ имѣніяхъ—виллахъ; эти права его не отличались отъ тѣхъ, которыми располагалъ всякій свѣтскій и духовный феодалъ въ своихъ имѣніяхъ. Внѣ королевскихъ виллъ и небольшого числа свободныхъ общинъ король не имѣлъ никакого непосредственнаго отношенія къ населенію феодовъ и бенефицій

Государственная организація военной защиты была главною функціей королей феодальной эпохи, но въ случаѣ войны они обращались съ призывомъ въ военную службу не непосредственно къ населенію государства, а къ феодаламъ, и тѣ поставляли войско, вооруженіе, весь подвижной составь, повозки лошадей и провизію. Въ области государственной юстиціи королю также принадлежало не много. Въ земли, пользовавшіяся иммунитетомъ, королевскіе чиновники не имѣли права въѣзда даже для разбора судебныхъ дѣлъ.

На территоріяхъ феодаловъ, не пользовавшихся иммунитетами, королю принадлежала подсудность по преступленіямъ высшаго рода, т. е. уголовнымъ. Но обыкновенно свою юрисдикцію въ этихъ земляхъ король уступалъ, въ видѣ лена, своимъ чиновникамъ, оставляя за собою одну часть штрафныхъ денегъ, другая часть которыхъ поступала въ пользу мэра, авуе и шультгайса, производившихъ судъ именемъ короля. Государственныхъ финансовъ въ современномъ смыслѣ не существовало; такъ какъ королевская власть не заключала въ себѣ большей части функцій современной центральной власти, то поэтому не было надобности въ системѣ общихъ государственныхъ налоговъ. Издержки же содержанія королевскаго двора покрывались доходами, получаемыми изъ королевскихъ виллъ, т. е. частныхъ имѣній короля.

Имѣя въ виду изобразить феодализмъ, какъ систему аграрныхъ отношеній, мы тѣмъ не менѣе въ разныхъ частяхъ нашего очерка должны были касаться политической, судебной и административной организаціи феодализма; этотъ пріемъ вытекалъ изъ самаго существа нашей задачи

и самъ себя оправдываетъ. Мы видѣли, что формы личной зависимости въ средніе вѣка имѣли рѣшительное вліяніе на складъ землевладѣнія и характеръ института поземельной собственности. Во всякомъ случаѣ, формы подчиненія личности въ средніе вѣка, все равно, принимали ли онѣ характеръ частноправовой или политической зависимости, находятся въ тѣсной связи съ превращеніемъ частнаго и общиннаго землевладѣнія въ феодальную и цензивную собственность и образованіемъ средневѣковаго типа земледѣльческаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе феодальныхъ формъ зависимости ложило рѣшительный отпечатокъ и на организацію обрабатывающей промышленности на ранней ступени ея развитія.

Обрабатывающая промышленность въ средніе вѣка.

Цехи. Переходъ отъ феодальнаго хозяйства къ хозяйству новаго времени подготовлялся двумя народно-хозяйственными явленіями первостепенной важности: выдѣленіемъ обрабатывающей промышленности, какъ спеціальнаго занятія отдѣльнаго класса общества, въ формѣ средневѣковыхъ цеховъ, и образованіемъ городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ примитивныя формы обработки сырьевыхъ продуктовъ слиты были съ сельскимъ хозяйствомъ. Ремесла были необходимою принадлежностью всякаго домашняго хозяйства, при чемъ большая часть домашнихъ ремеслъ тогда лежала на обязанности женщинъ. По древней германской пословицѣ, веретено и ткацкій станокъ такъ же были принадлежностью хозяйки дома, какъ мечъ—мужчины. Но ремесленный трудъ впервые получилъ правильную организацію въ формѣ цеховъ[1]). Въ исторіи цеховъ можно различить три періода: 1) возникновенія цеховъ изъ господскихъ мастерскихъ, 2) полнаго развитія цеховой организаціи и 3) вырожденія цеховъ.

Зародышъ цеховой организаціи, несомнѣнно, наблюдается уже въ господскихъ мастерскихъ, которыя въ особенности получили значительное развитіе въ королевскихъ виллахъ и монастырскихъ хозяйствахъ. Извѣстно изъ капитулярій Карла Великаго, что заведеніе мастерскихъ въ королевскихъ виллахъ было предметомъ его особенной заботливости, и, повидимому, организація ремеслъ была доведена въ нихъ до возможнаго въ то время совершенства. Особенное развитіе эти мастерскія получили въ монастыряхъ. Въ 8 и 9 вв. славились своими мастерскими монастыри—Фульда, Страсбурга, Кельна, Парижа, Сенъ-Гилена. Въ хозяйственномъ инвентарѣ Сенъ-Гиленскаго монастыря 820 г. названы мастерскія (Hof-

[1]) Названіе цеховъ произошло отъ слова Zeche, синонима Trinkstube—питейный домъ, харчевня,—гдѣ собирались ремесленники для обсужденія своихъ профессіональныхъ дѣлъ.

rechtliche Innungen)—бочаровъ, токарей, пивоваровъ, башмачниковъ, сѣдельщиковъ, мечей и оружія, дубильщиковъ кожъ, кузнецовъ, золотыхъ дѣлъ и валяльщиковъ суконъ. Нѣкоторые монашескіе ордена отличались техническими познаніями. Бенедиктинцы, напримѣръ, были образованнѣйшими архитекторами своего времени; въ ихъ школахъ обучались живописи, рисованію, скульптурѣ, каллиграфіи, имѣвшей тогда особенное значеніе при отсутствіи книгопечатанія, а также литейному дѣлу, приготовленію шелковыхъ матерій и разныхъ утонченныхъ издѣлій изъ слоновой кости и т. п. Монастырскія мастерскія имѣли свою довольно детально разработанную систему управленій. Для управленія разнообразными отраслями своего хозяйства монастыри располагали значительнымъ штатомъ монастырскихъ чиновниковъ, носившихъ названіе министеріаловъ. Отдѣльными мастерскими при монастыряхъ завѣдывали лучшіе техники по той или другой спеціальности. Благодаря правильной организаціи ремеслъ, а также техническимъ усовершенствованіямъ, перенятымъ монастырями отъ южныхъ итальянскихъ городовъ, въ свою очередь унаслѣдовавшихъ ихъ отъ древняго Рима, производство господскихъ мастерскихъ такъ расширилось, что начало превышать потребности монастырей въ обработанныхъ продуктахъ. Получался излишекъ производства, для котораго нужно было найти сбытъ на сторону, въ обмѣнъ на продукты земледѣлія и даже деньги. Отвѣтомъ на эту потребность, предъявленную монастырскими хозяйствами, явились періодическія ярмарки въ стѣнахъ монастыря, господскаго двора или возлѣ нихъ, гдѣ предлагались для продажи монастырскіе продукты. Эти ярмарки (по дословному переводу съ нѣмецкаго Jahrmarkt—годичный рынокъ) были сначала ежегодными и происходили въ дни церковныхъ праздниковъ (messa)[1]), но съ развитіемъ торговли онѣ превратились въ еженедѣльныя ярмарки, затѣмъ и въ постоянные рынки (Wochenmarkt и Tagmarkt). Для нуждъ рыночнаго оборота были затѣмъ устроены постоянные склады товаровъ, лавки, общественные вѣсы и т. п приспособленія. Въ виду развитія мѣновыхъ оборотовъ, монастыри и болѣе значительные свѣтскіе владѣльцы начали чеканить монету. Монету обыкновенно чеканили передъ большими ярмарками, которыя совпадали съ значительными годовыми праздниками—св. Михаила, Троицы и т. п. Установился такой обычай, что пріѣзжіе на ярмарку должны были для торговыхъ оборотовъ употреблять только мѣстную монету, а для этого имъ приходилось обмѣнивать извѣстное количество привозимой ими иногородной монеты. Обычай этотъ установился частью въ фискальныхъ интересахъ самого двора, желавшаго воспользоваться при обмѣнѣ извѣстнымъ лажемъ, но, кромѣ того, онъ былъ разсчитанъ на исключеніе изъ оборота фальшивой и легковѣсной монеты, выпускъ которой былъ распространеннымъ способомъ

[1]) Въ нѣмецкомъ языкѣ до сихъ поръ messa означаетъ и церковную службу, и ярмарку.

спекуляціи феодальныхъ владѣльцевъ. Промышленное значеніе, которое начали пріобрѣтать господскія мастерскія, вслѣдствіе того, что онѣ стали работать для сбыта на рынокъ, не осталось безъ вліянія, какъ на личное положеніе самихъ ремесленниковъ, такъ и на отношеніе ихъ къ господамъ и монастырямъ. Господскіе и монастырскіе ремесленники въ первую пору являются людьми не свободнаго состоянія (hofhörige, serviles), но, по мѣрѣ расширенія производства господскихъ мастерскихъ, и особенно съ возрастаніемъ значеній торговыхъ пунктовъ, основанныхъ монастырями и свѣтскими феодальными владѣльцами, они пріобрѣтаютъ личныя и имущественныя права, а въ заключеніе обрываютъ всякую связь съ господскимъ хозяйствомъ, образуя изъ себя свободныя корпораціи или цехи. Такая перемѣна, имѣвшая громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія обрабатывающей промышленности, отчасти вызвана была хозяйственнымъ разсчетомъ самихъ феодальныхъ владѣльцевъ и монастырей, приспособившихся къ новымъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что съ развитіемъ ярмарокъ и обмѣна измѣнились статьи ихъ дохода, и въ особенности явилось много новыхъ, а именно доходы отъ разныхъ учрежденій для мѣновой торговли, съ найма лавокъ, складовъ, городскихъ вѣсовъ, чеканки монеты и проч. Теперь уже владѣльцы торговыхъ мѣстъ несравненно болѣе были заинтересованы въ разныхъ хозяйственныхъ выгодахъ, связанныхъ съ учрежденіемъ рынковъ, чѣмъ въ сохраненіи личной зависимости отъ нихъ ремесленнаго класса. Ихъ заботы направляются на привлеченіе возможно большаго населенія въ эти торговые пункты, которые мы уже въ этотъ моментъ можемъ назвать городами въ промышленномъ смыслѣ,—на расширеніе торговаго оборота, такъ какъ все это обѣщало новые обильныя фискальныя статьи дохода.

Организація свободныхъ цеховъ. Вслѣдствіе причинъ, указанныхъ въ предыдущемъ изложеніи, ремесленныя мастерскія превратились изъ отдѣльной отрасли частнаго хозяйства (господскаго или монастырскаго) въ цѣлую отрасль народнаго хозяйства. Взамѣнъ прежней работы на монастырь или господскій дворъ, теперь онѣ ведутъ все производство на собственный счетъ и сбываютъ свои произведенія на городскомъ рынкѣ, въ обмѣнъ на произведенія сельскаго хозяйства. Правда, доходы господскаго двора отъ этого едва ли пострадали, но для нихъ открылись иные источники. Всѣ личныя обязательства ремесленниковъ, которыми они были связаны съ господскимъ дворомъ, превращаются въ реальныя. Ремесленныя корпораціи остаются жить въ зданіяхъ, принадлежащихъ монастырю, но уже платятъ за нихъ опредѣленную наемную плату (Zins, чиншъ). Далѣе, всякое пользованіе съ ихъ стороны разными торговыми учрежденіями, лавками, складами для товаровъ, площадями для рынковъ, городскими вѣсами и мѣрами, составлявшими частную собственность епископовъ и феодаловъ, сопряжено было съ цѣлою системою косвенныхъ и прямыхъ налоговъ, которые съ избыткомъ вознаграждали господскій дворъ

за тотъ ущербъ, который непосредственно влекло за собою освобожденіе дворовыхъ мастеровыхъ.

Не всѣ, однако, цеховыя организаціи произошли изъ господскихъ мастерскихъ. На ряду съ цехами этого происхожденія существовали цехи, искони вольные. Нѣкоторыми ремеслами высшаго ранга, граничащими съ художествами, занимались вольные мастера и лица привилегированнаго класса, которые организовались по образцу зависимыхъ цеховъ. Среди этихъ искони вольныхъ цеховъ чаще всего встрѣчались цехи золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ и т. п.

Когда говорятъ о цехахъ, то обыкновенно связываютъ съ ними представленіе о ихъ замкнутости, препятствовавшей поступленію въ ихъ составъ новыхъ членовъ, о необычайно дробной спеціализаціи ремесленнаго труда, которая вела къ безконечнымъ спорамъ разныхъ цеховыхъ корпорацій изъ-за предѣловъ ремесла и очень затрудняла заказчиковъ, такъ какъ послѣднимъ не всегда было извѣстно, къ компетенціи какого цеха относилось то или другое производство. Эти и тому подобныя явленія дѣйствительно существовали въ жизни цеховъ, но они относятся къ болѣе позднѣйшему времени—къ періоду ихъ вырожденія. Организація же цеховъ въ періодъ ихъ процвѣтанія, въ 12—13 и 14 вв., вполнѣ соотвѣтствовала интересамъ вновь нарождающагося промышленнаго класса, а также интересамъ потребителей и, какъ мы убѣдимся изъ разсмотрѣнія разныхъ сторонъ цехового устройства, представляла всѣ гарантіи для успѣшнаго развитія обрабатывающей промышленности при тогдашнихъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ.

Цехи, въ періодъ своего процвѣтанія, представляли болѣе тѣсную связь членовъ, чѣмъ та, которую мы видимъ въ современныхъ промышленныхъ ассоціаціяхъ; они были, по выраженію Роппера, промышленными братствами. Члены одного цеха нерѣдко жили на общей квартирѣ, во всякомъ случаѣ на одной опредѣленной улицѣ[1]), принадлежали къ одному церковному приходу и имѣли общаго патрона въ лицѣ какого-нибудь особенно чтимаго ими святого. Видную сторону цеховой жизни представляли религіозныя церемоніи и торжественные ходы по городу въ дни цеховыхъ праздниковъ, а также парадныя похороны умершихъ членовъ[2]).

---

[1]) Въ Гамбургѣ, напримѣръ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, улицы носили названіе тѣхъ цеховъ, которые ихъ населяли. Тамъ существовали улицы—булочниковъ, кузнецовъ, сѣдельщиковъ, шубниковъ и т. п. (Bäcker-, Schmieder-, etc.—Gasse) еще въ тотъ моментъ, когда эти цехи не вполнѣ освободились отъ господскаго двора. Maurer. Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland I, стр. 63.

[2]) Эта сторона жизни цеховъ послужила поводомъ нѣкогда господствовавшей въ наукѣ, но теперь отвергнутой, теоріи происхожденія цеховъ, принадлежащей нѣмецкому ученому Вильде. Вильде доказывалъ, что цехи произошли изъ религіозныхъ обществъ, учреждавшихся съ цѣлью отправленія тѣхъ или другихъ религіозныхъ обрядовъ—чествованія храмовыхъ праздниковъ, торжественныхъ похоронъ умершихъ членовъ общества и т. п. Теорія эта опровергнута документальными изслѣдованіями

Цехи были связаны солидарною взаимною помощью во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ семейной и хозяйственной жизни. Существовали общія кассы, назначеніе которыхъ было оказывать пособіе членамъ цеховъ, въ случаѣ безработицы, а также вспомоществованіе вдовамъ и больнымъ, лишеннымъ возможности работать. Самый тщательный взаимный надзоръ за личнымъ поведеніемъ членовъ цеха постоянно держалъ на извѣстной высотѣ нравственную репутацію цеховъ. Члены цеховъ, погрѣшавшіе противъ общихъ моральныхъ требованій, если противъ нихъ оказывалась безспльной цѣлая система дисциплинарныхъ взысканій, изгонялись изъ корпорацій. Выгнанные изъ цеховъ становились въ положеніе изгоевъ (Bönhase) положеніе которыхъ было очень тяжелое въ этотъ вѣкъ, когда всякій человѣкъ для охраны личной безопасности долженъ былъ находиться или подъ защитой феодальнаго барона, или же, какъ это имѣло мѣсто въ 12 вѣкѣ, подъ защитой какой-нибудь корпораціи

Та строгая и подробнѣйшая регламентація, которою отличалось цеховое устройство въ періодъ своего процвѣтанія, по своему времени, была необходима для того, чтобы дать окрѣпнуть зарождавшейся обрабатывающей промышленности. Это видно уже изъ того, что она исходитъ не сверху, а со стороны самого промышленнаго класса, при чемъ законодателями являются сами ремесленники, которые находили для себя необходимою цеховую регламентацію производства. И, дѣйствительно, цеховая регламентація въ томъ видѣ, какъ она является въ цеховыхъ статутахъ 13—14 в., была какъ бы разсчитана на: 1) усовершенствованіе самаго производства, 2) обезпеченіе интересовъ промышленнаго класса и 3) даже на возможно лучшее соблюденіе интересовъ самихъ потребителей.

1) Техническое раздѣленіе труда, положенное въ основаніе цеховой организаціи, было чрезвычайно благопріятно для усовершенствованія производства разныхъ ремесленныхъ издѣлій. Такое же значеніе имѣла система обученія ремесламъ и весь порядокъ прохожденія цеховой карьеры. Всякій членъ цеха долженъ былъ, для того, чтобы достигнуть званія мастера, пройти долгіе годы обученія, обыкновенно отъ 5 до 7 лѣтъ, сначала въ качествѣ ученика, затѣмъ подмастерья. Обученіе мастерству не ограничивалось пребываніемъ у одного мастера: въ систему цехового образованія входило также путешествіе по разнымъ городамъ, которые славились какимъ-либо особеннымъ искусствомъ въ приготовленіи своихъ издѣлій.

Шмоллера, который доказалъ, что цехи, при самомъ своемъ возникновеніи, имѣли характеръ промышленныхъ товариществъ; а что касается религіозной стороны въ жизни цеховъ, то Шмоллеръ показалъ, что религіозныя церемоніи въ средніе вѣка занимали видное мѣсто въ жизни всѣхъ средневѣковыхъ классовъ общества и не составляли спеціальной особенности быта ремесленнаго класса. Но, на ряду съ промысловыми цехами, дѣйствительно существовали церковныя братства ремесленниковъ, ставившія себѣ задачу устройства похоронныхъ кассъ, снабженія своей приходской церкви свѣчами и т. п.

Въ Германіи такими городами были: Нюренбергъ, славившійся своими часами, Кёльнъ, Страсбургъ и Аугсбургъ—суконными издѣліями и т. п. Путешествія цеховыхъ учениковъ, съ цѣлью полученія техническаго образованія, имѣли настолько правильную организацію, что для удобства странствующихъ ремесленниковъ въ значительныхъ городахъ устроены были, по взаимному соглашенію цеховъ, особыя гостиницы и пріюты (Herberge), въ которыхъ пришлые ремесленники пользовались полнымъ гостепріимствомъ мѣстныхъ цеховъ, получали квартиру и столъ. Послѣ долгихъ годовъ обученія цеховой ученикъ долженъ былъ выдержать экзаменъ, состоявшій главнымъ образомъ въ томъ, что онъ представлялъ цеховому начальству образцовое произведеніе своего ремесла (Meisterstück). Затѣмъ онъ получалъ званіе подмастерья и черезъ нѣсколько лѣтъ званіе мастера. Цехи, въ лучшій періодъ ихъ исторіи, вовсе не имѣли того кастическаго, замкнутаго характера, которымъ они отличались въ эпоху своего упадка и вырожденія. Доступъ къ званію подмастерья и мастера былъ открытъ для всякаго лица, независимо отъ его происхожденія; для этого требовалось только пройти предписанную цеховымъ регламентомъ школу обученія и іерархическую служебную лѣстницу. Отъ вступающаго въ цехъ, хотя бы въ качествѣ ученика, требовался единовременный взносъ небольшой суммы въ цеховую кассу, который открывалъ зато для новаго члена доступъ къ пользованію всѣми цеховыми благотворительными учрежденіями—кассой взаимопомощи и т. п.

2) Цеховая организація вполнѣ гарантировала интересы промышленнаго класса. Раздѣленіе занятій между цехами,—при чемъ каждый цехъ имѣлъ опредѣленную спеціальность, которою не могъ заниматься другой, рядомъ стоящій цехъ,—дѣлая каждый цехъ общественно необходимымъ въ системѣ ремесла. тѣмъ самымъ вполнѣ обезпечивало для каждаго цеха сбытъ его произведеній. Благодаря началу монополіи и раздѣленія занятій, между цехами одного города была совершенно исключена взаимная конкуренція, которая могла выдвинуть однородные цехи одни передъ другими и для многихъ цеховъ быть гибельной. Чтобы обезпечить всѣмъ цехамъ сбытъ ихъ произведеній, не только тщательно опредѣлялись предѣлы спеціальности его ремесла, но на это, повидимому, было разсчитано ограниченіе размѣровъ производства. Эти ограниченія направлялись какъ на капиталъ производства, такъ и на число рабочихъ, занятыхъ въ отдѣльныхъ цехахъ, и на продолжительность рабочаго дня. Такъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ ткачамъ запрещалось имѣть больше двухъ станковъ. Въ видахъ ограниченія размѣровъ производства было опредѣлено максимальное число учениковъ и подмастерьевъ, которое могъ содержать одинъ мастеръ. Въ Кёльнѣ въ 14 в. было ограничено производство одѣялъ въ теченіе одного дня, для мастера числомъ четырехъ, а для подмастерья—трехъ. Впрочемъ, ограниченія послѣдняго рода имѣли мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда не существовало ограниченія относительно количества учениковъ и подмастерьевъ, занятыхъ у одного мастера.

3) Монополія цеховыхъ ремеслъ, при сравнительной немногочисленности персонала ремесленнаго класса, создавала крайне неблагопріятныя условія для потребителей и покупателей ремесленныхъ издѣлій. По словамъ Зомбарта, «положеніе рынка въ средніе вѣка характеризовалось тѣмъ, что сравнительно сильному спросу на ремесленныя издѣлія противопоставлено было слабое предложеніе ихъ, такъ что въ дѣйствительности на одного продавца продуктовъ обрабатывающей промышленности приходилось два покупателя». При такихъ условіяхъ открывался широкій просторъ для эксплоатаціи потребителей, но для устраненія этого зла были разсчитаны другія стороны цеховой регламентаціи, развившіяся подъ вліяніемъ совѣтовъ городскихъ управленій (Stadtrath), выступавшихъ на защиту интересовъ остального городского населенія противъ своекорыстныхъ стремленій цеховыхъ организацій. Цеховыми статутами было предписаны какъ качество издѣлій, такъ нерѣдко и цѣны, по которымъ они должны продаваться. Каждый цехъ несравненно въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ наше время фирма, ручался передъ потребителями за качество своихъ издѣлій. Регенсбургскій статутъ, напримѣръ, запрещалъ изготовлять сукно дурного качества подъ штрафомъ извѣстной суммы денегъ. Страсбургскій статутъ запрещалъ примѣшивать при изготовленіи сукна пеньковыя нитки къ шерсти. Предписаны было также длина и ширина изготовленныхъ суконъ. Особая цеховая полиція контролировала качества издѣлій, предлагаемыхъ въ продажу, въ отношеніи того, насколько они отвѣчали цеховымъ предписаніямъ На сукно дурного качества чины дозорной полиціи (Schaupolizei) налагали штрафной штемпель или дѣлали ножницами одну-двѣ вырѣзки, изъ которыхъ каждая оплачивалась особымъ штрафомъ. А штрафы, при тогдашней грубости нравовъ, бывали нерѣдко очень жестокіе: виновные подвергались отсѣченію пальцевъ на рукѣ и рукъ, куски дурного сукна разрывались на спинѣ виновнаго и т п. Сукно, удовлетворявшее цеховымъ регламентамъ, обозначалось однимъ штемпелемъ, а болѣе высокаго качества двумя штемпелями. Такъ какъ издѣлія изъ металловъ представляли для покупателей ихъ наибольшую трудность при распознаваніи качества и состава металла, то контроль надъ качествами издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ былъ порученъ особымъ пробирнымъ учрежденіямъ, которыя и ведутъ свое начало со времени средневѣковыхъ цеховъ. По мнѣнію Шмоллера, запрещеніе работы при свѣчахъ, практиковавшееся въ средніе вѣка, также имѣло своею цѣлью гарантировать качество произведеній ремесла, потому что не могло быть хорошей работы при тогдашнемъ дурномъ освѣщеніи, да и нѣкоторые матеріалы производства портились отъ копоти свѣтильниковъ (напр. шерсть) Хотя это постановленіе могло быть издано также въ видѣ предосторожности отъ столь частыхъ въ средніе вѣка пожаровъ. Но въ особенности гарантировались интересы потребителей противъ злоупотребленія монополіей цеховъ въ отношеніи цѣнъ ремесленныхъ издѣлій. Это достигалось таксировкою цѣнъ почти всѣхъ

продуктовъ цехового производства, которая практиковалась, какъ городскими совѣтами, въ составъ которыхъ входили и представители цеховъ, такъ и непосредственно самими цеховыми управленіями. Наибольше были распространены таксы на предметы первой необходимости, какъ то, хлѣбъ, пиво и мясо, изъ чего можно заключить, что таксы имѣли цѣлью охранять интересы менѣе состоятельныхъ классовъ. Хлѣбъ ниже узаконеннаго вѣса обыкновенно конфисковался въ пользу бѣдныхъ города. Само собою, разумѣется, что всякая примѣсь постороннихъ веществъ къ мукѣ строго преслѣдовалась. Таксы на хлѣбъ строго примѣнялись къ цѣнамъ на муку и измѣнялись соотвѣтственно колебаніямъ этихъ послѣднихъ. Такъ, въ Лейпцигѣ съ марта 1593 г. до февраля 1596 г. такса на хлѣбъ была перемѣнена до 188 разъ.

Вырожденіе цеховой организаціи. Цехи, въ періодъ своего расцвѣта, представляли прогрессивную организацію промышленности и ремесленнаго класса, которая привела къ освобожденію ремесленниковъ отъ ихъ зависимости отъ господскаго двора, завоевала имъ положительныя права по владѣнію недвижимостью, открыла имъ доступъ къ участію въ городскомъ управленіи, вообще подняла значеніе ремесленнаго класса въ средневѣковомъ обществѣ, въ которомъ до того времени соціальное положеніе лица исключительно зависѣло отъ поземельныхъ привилегій Но, съ усложненіемъ жизненныхъ условій, цехи, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, достигли такого пункта, когда они уже становились тормозомъ для развитія обрабатывающей промышленности, и многочисленныя группы лицъ, искавшихъ приложить свой трудъ въ этой отрасли промышленности, встрѣчали серьезную преграду въ тѣхъ рамкахъ, которыя созданы были цеховою организаціею. Въ эту пору ремесленныя спеціальности достигаютъ крайняго дробленія, напримѣръ были случаи, когда приготовленіе разныхъ сортовъ гвоздей распредѣлялось чуть ли не между двадцатью отдѣльными цехами, такъ что трудно было опредѣлить границы двухъ соприкасающихся ремеслъ, и это давало поводъ къ нескончаемымъ спорамъ и процессамъ между соприкасающимися по своей спеціальности цехамъ. Представители цеховъ ревниво слѣдили другъ за другомъ и рѣшали важные вопросы о томъ, долженъ ли починять палку у зонтика зонточныхъ дѣлъ мастеръ, или токарный мастеръ; долженъ ли кожаные наконечники къ переплетамъ прилаживать переплетчикъ, или кожаныхъ дѣлъ мастеръ; кто долженъ прилаживать замокъ къ чемодану— слесарь или чемоданщикъ и т. п. Техническія предписанія относительно способовъ производства, которыя, въ періодъ процвѣтанія цеховъ имѣли цѣлью вводить въ общее употребленіе разныя новыя улучшенія въ производствѣ, направляются впослѣдствіи на сохраненіе рутины и на запрещеніе примѣненія новыхъ усовершенствованій и изобрѣтеній, сдѣланныхъ кѣмъ-либо въ своемъ ремеслѣ. Самыя цехи принимаютъ кастовый характеръ и дѣлаются наслѣдственнымъ занятіемъ отдѣльныхъ родовъ. Цеховыя управленія, посредствомъ спеці-

альной регламентации, ставили систематическія препятствія къ поступленію постороннихъ лицъ въ составъ ремесленнаго класса. Такъ, цехи допускали къ обученію ремеслу, въ качествѣ учениковъ, только тѣхъ лицъ, которыя могли доказать свое происхожденіе отъ лично свободныхъ родителей, совершенно закрывая доступъ къ ученичеству дѣтямъ крѣпостного класса. Съ тою же цѣлью цехи старались по возможности удлинить сроки ученичества и пребыванія въ роли подмастерья, ставя нерѣдко условіемъ для полученія права мастера предварительное пріобрѣтеніе права гражданства въ городѣ. Пробная экзаменаціонная работа, раньше требовавшаяся для доказательства технической подготовки подмастерья, теперь, во время упадка цеховъ, нерѣдко превращалась во взятку, которую въ видѣ цѣннаго издѣлія (въ особенности у ювелировъ, суконщиковъ и т. п.) подмастерье долженъ былъ приподнести коллегіи цеховыхъ мастеровъ, рѣшавшихъ вопросъ о его профессіональной подготовкѣ. Вступительная плата, открывавшая доступъ къ пользованію разнаго рода цеховыми учрежденіями—кассою взаимопомощи и т. п.,—теперь превратилась въ высокую пошлину. Кромѣ того, вступавшій въ рангъ мастера долженъ былъ устраивать для всѣхъ товарищей по цеху дорогое угощеніе (Meisteressen). При такихъ стѣсненіяхъ, свободный доступъ къ званію мастера открывался только посредствомъ родственныхъ связей. Для того чтобы получить это званіе, требовалось подмастерью породниться съ извѣстнымъ цехомъ, жениться на вдовѣ или на дочери цехового мастера Въ результатѣ такой политики цеховъ, цѣлыя массы лицъ оставались въ положеніи подмастерьевъ, безъ всякой надежды получить когда-либо право на самостоятельное занятіе ремесломъ, и которыя могли имѣть занятія только въ заведеніяхъ цеховыхъ мастеровъ. Поэтому среди подмастерьевъ накоплялось недовольство, переходившее въ открытую борьбу съ коллегіей цеховыхъ мастеровъ. Опору для своихъ протестовъ подмастерья находили въ своей союзной организаціи, которую мастера старались стѣснить всѣми силами, въ особенности въ тѣхъ городахъ, гдѣ цеховые мастера занимали вліятельное положеніе въ городскомъ совѣтѣ. Въ 1421 году въ Майнцѣ, Вормсѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ сдѣлана была попытка закрыть «гостиницы и харчевни», въ которыхъ собирались подмастерья. Иногда запрещалось имъ организовать союзы и товарищества, кромѣ устройства похоронныхъ кассъ и сборовъ для снабженія своего приходскаго храма восковыми свѣчами. На эти, и тому подобныя, репрессіи подмастерья отвѣчали стачками и цѣлыми массами уходили и располагались въ другихъ городахъ.

Хозяйственное равновѣсіе между отдѣльными цехами въ эту пору нарушилось. Образовались цехи высшіе и низшіе, и одни цехи получили окончательное экономическое господство надъ другими. Такъ, въ Страсбургѣ цехъ валяльщиковъ суконъ считался аристократическимъ по отношенію къ ткачамъ, которыхъ онъ сильно эксплоатировалъ. Въ другихъ городахъ господствующими цехами были портные, торговцы шерстью. Многія отрасли

ремесленнаго труда стали считаться презрительными (unehrlich); къ категоріи таковыхъ относились всѣ ремесла, доступныя приходившимъ въ городъ крестьянамъ и существовавшія въ деревнѣ внѣ цеховъ Въ Германіи признавались подлыми занятія ткачей, пастуховъ, мельниковъ, сборщиковъ податей, гробокопателей, цирюльниковъ и много другихъ. Наконецъ, внутри цеховъ образовался классъ наемныхъ рабочихъ, для которыхъ доступъ къ званію мастера и подмастерья былъ уже навсегда не только фактически, но и юридически закрытъ. Цеховая организація, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ 14—15 вв. не соотвѣтствуетъ болѣе даже условіямъ средневѣковаго хозяйственнаго оборота. А между тѣмъ въ эту пору въ социально-экономической жизни западноевропейскихъ народовъ назрѣвалъ цѣлый рядъ явленій, которыя въ корнѣ измѣняли основанія народнаго хозяйства; такими явленіями были: развитіе морской и сухопутной торговли, образованіе міровыхъ рынковъ и техническія изобрѣтенія, вызывавшія производство въ обширныхъ размѣрахъ. Цеховая организація теперь уже не соотвѣтствовала новымъ хозяйственнымъ условіямъ: «старые мѣхи не могли сохранять вина новаго» — она должна была пасть. Періодъ разложенія цеховъ наполненъ жестокою анархіею и взаимною борьбою трехъ элементовъ ремесленнаго класса.— учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ, а также и отдѣльныхъ цеховъ между собою въ ихъ полномъ составѣ. Конецъ этой анархіи положенъ былъ центральной властью, въ однѣхъ странахъ раньше, въ другихъ позже, отмѣнившей актомъ своего вмѣшательства бо́льшую часть цеховыхъ привилегій.

Происхожденіе и развитіе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли. Города, какъ укрѣпленные пункты (Burg), существовали уже на территоріи, занимаемой германо-романскими племенами, въ 6—8 в.в., т. е. гораздо раньше, чѣмъ возникли города въ промышленномъ значеніи слова. По условіямъ военной защиты, въ началѣ среднихъ вѣковъ каждый феодальный владѣлецъ строилъ себѣ замокъ, который служилъ опорнымъ пунктомъ для защиты его владѣній, и почти всѣ болѣе значительныя поселенія старались окружить себя, для своей безопасности, каменными стѣнами. Конечно и города, какъ промышленные центры, могли развиться только при условіяхъ внѣшней безопасности, но каменныя стѣны не всегда были для нихъ безусловною необходимостью, такъ какъ безопасность многихъ городовъ гарантировалась уваженіемъ къ авторитету духовныхъ властей, епископовъ и аббатовъ, являвшихся владѣльцами этихъ городовъ. Извѣстно, что такіе крупные промышленные города въ средніе вѣка, какъ Кельнъ и Мюнстеръ, не имѣли городскихъ укрѣпленій. На ряду съ существованіемъ городовъ внѣ сосѣдства съ укрѣпленнымъ замкомъ, наличность каменныхъ стѣнъ и укрѣпленія въ данномъ населенномъ пунктѣ не указывала еще на его промышленный характеръ. Только тамъ, гдѣ встрѣчалось сочетаніе благопріятныхъ условій для раз-

витія обрабатывающей промышленности и торговли, наблюдается преобразованіе даннаго населеннаго мѣста въ городъ

На предыдущихъ страницахъ былъ изложенъ процессъ преобразованія въ господскомъ хозяйствѣ (Hofwirthschaft.), который привелъ къ организаціи обрабатывающей промышленности. въ формѣ цеховъ, и къ учрежденію рынковъ для потребностей ремесленной промышленности, насколько она нуждалась въ посредничествѣ рынковъ для пріобрѣтенія сырья и сбыта своихъ произведеній. Но поводы для основанія рынковъ и періодическихъ ярмарокъ существовали гораздо раньше возникновенія цеховъ, такъ какъ рынки въ извѣстной мѣрѣ были необходимы и при чисто земледѣльческихъ занятіяхъ населенія для взаимнаго обмѣна неоднородныхъ продуктовъ разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, а также произведеній странъ разныхъ климатовъ. Ярмарки ведутъ свое начало въ Западной Европѣ съ эпохи дохристіанской. Вообще онѣ устраивались въ пунктахъ наиболѣе населенныхъ или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ почему-нибудь періодически стекались массы народа. Чаще всего, въ началѣ среднихъ вѣковъ, народъ стекался на торгъ вблизи языческихъ капищъ, гдѣ въ то же время совершались жертвоприношенія, творился родовой и племенной судъ, а также въ разныхъ мѣстахъ, расположенныхъ по большимъ, преимущественно рѣчнымъ, путямъ сообщенія. Въ христіанскую эпоху ярмарки учреждались по сосѣдству съ значительными монастырями и аббатствами, славившимися реликвіями святыхъ, на поклоненіе которымъ стекалось много народа, и вообще въ дни особенно чтимыхъ святыхъ Часто также постоянные рынки занимали мѣсто въ самой церковной оградѣ, при чемъ лавки цѣлою стѣною окружали церковь, помѣщались подъ колокольней и т п. Во время каролинговъ особенно много рынковъ возникло на территоріи многочисленныхъ королевскихъ виллъ и замковъ (villa dominicata, Pfaltz, palatium), разбросанныхъ по всей Франціи и западной Германіи и служившихъ временными резиденціями для короля при его поѣздкахъ по странѣ. Въ болѣе раннюю пору среднихъ вѣковъ, каждый феодальный владѣлецъ могъ, по желанію. устраивать ярмарки и рынки въ своихъ имѣніяхъ, хотя такіе рынки въ помѣстьяхъ мелкихъ феодаловъ имѣли только мѣстное значеніе, обслуживая небольшой округъ, на который простиралась ихъ власть. Но для рынковъ болѣе значительныхъ по своимъ оборотамъ, нужно было покровительство такого лица, власть котораго простиралась на болѣе обширную территорію, поэтому могущаго оказать защиту посѣтителямъ рынка при ихъ слѣдованіи изъ отдаленныхъ мѣстностей, а такими лицами могли быть владѣтельные герцоги и короли. Такимъ образомъ, право на открытіе рынковъ, соединенное съ обязательною защитою ихъ посѣтителей, естественно сдѣлалось королевской прерогативою, которую король, однако, уступалъ своимъ вассаламъ и бенифиціарнымъ владѣльцамъ, въ особенности епископамъ и аббатамъ, владѣвшимъ обширными помѣстьями. Рынки раньше всего и развились въ королевскихъ и монастырскихъ

имѣніяхъ. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ ростомъ обрабатывающей промышленности и торговыхъ оборотовъ, настолько преобразовался характеръ этихъ имѣній, что они стали городами. Учрежденіе рынковъ и годовыхъ ярмарокъ соединялось съ существованіемъ другихъ регалій, какъ-то: чеканки монеты, обложенія пошлинами привозныхъ товаровъ и т. п. Такъ какъ всѣ эти прерогативы уступались королевскою властью, въ видѣ пожалованій, феодальнымъ владѣльцамъ, то въ результатѣ этой системы уступокъ почти каждый феодалъ пользовался этими правами. Что касается чеканки монеты, то эту операцію феодальные владѣльцы сдавали на откупъ спеціалистамъ монетнаго дѣла, каковыми были ювелиры и мастера металлическихъ производствъ. Въ составѣ этихъ мастеровъ монетнаго дѣла встрѣчались и лица привилегированныхъ классовъ, и бывшіе дворовые, и министеріалы, а иногда эта спеціальность переходила въ руки іудеевъ. Впослѣдствіи, они подобно другимъ категоріямъ ремесленниковъ, соединялись въ товарищества и союзы (Münzer-Hausgenossen) сохраняя за собою монополію монетнаго дѣла. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ городовъ эта монополія была выкуплена отъ частныхъ компаній и сдѣлалась регаліей городского управленія, до тѣхъ поръ пока она, въ новое время, обратно перешла къ королевской власти.

Такимъ образомъ во многихъ населенныхъ пунктахъ, пользовавшихся защитою или покровительствомъ значительнаго феодальнаго владѣльца, сложились основные элементы торгово-промышленной жизни, въ корнѣ измѣнившіе первоначальный сельскій характеръ этихъ поселеній. Древнѣйшіе города германо-романскаго міра съ этими зачатками промысловъ и торговли, въ сущности, представляли деревни, и отсюда ихъ римское названіе «villa», которое во французской рѣчи усвоено и за современными городами (la ville). Городское населеніе однако продолжало долго еще заниматься сельскимъ хозяйствомъ на окружающихъ городъ поляхъ, пока эти занятія, уже въ періодъ поздняго средневѣковья, окончательно уступили свое мѣсто промысламъ и торговлѣ, для развитія которыхъ удобства сбыта на рынкѣ, защищенномъ въ военномъ отношеніи и огражденномъ покровительственными пошлинами, создали весьма благопріятныя условія. Исподоволь всѣ слои городского населенія втягивались въ занятія промыслами и торговлей, не только изъ зависимыхъ элементовъ населенія господскаго двора, но и изъ городской аристократіи и рыцарства. Въ заключеніе городъ становится средоточіемъ обрабатывающей промышленности и торговли, въ противоположность деревнямъ, какъ раіонамъ чисто земледѣльческихъ занятій. Средневѣковые города, въ періодъ ихъ промышленнаго расцвѣта, становятся, въ то же время, пунктами разнообразнаго культурнаго тяготѣнія для болѣе или менѣе значительной округи. Въ эту пору городъ являлся и укрѣпленнымъ замкомъ, и мѣстнымъ религіознымъ центромъ, въ которомъ находилась епископская каѳедра и какой-нибудь извѣстный соборъ, а также средоточіемъ промысловъ и торговли. Здѣсь, въ городахъ,

какъ въ оазисахъ, среди сплошного моря феодальнаго безправія, господства крѣпостного права и произвола, расцвѣла гражданская и муниципальная свобода, гдѣ крестьянинъ, ушедшій отъ своего владѣльца, сбрасывалъ путы рабства и пріобщался къ жизни свободнаго гражданства Для того, чтобы охарактеризовать средневѣковый городъ въ его культурномъ значеніи, намъ необходимо остановиться на этой послѣдней сторонѣ городской жизни. Здѣсь, несомнѣнно, мы наблюдаемъ тотъ фактъ, что промышленное развитіе города привело его населеніе къ гражданской свободѣ. Отправнымъ пунктомъ происхожденія городовъ было дворовое хозяйство короля, свѣтскаго или духовнаго феодальнаго владѣльца, изъ разныхъ элементовъ населенія котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, слагался первоначальный составъ жителей города—деревни. Вслѣдъ за дворовыми ремесленниками, освободившимися отъ крѣпостной зависимости и принявшими самостоятельную организацію, въ формѣ цеховъ, дворъ городского владѣльца выдѣлялъ все новые и новые кадры лицъ, получавшихъ личную свободу. Бывшіе колоны, литы и рабы, пристроившіеся къ занятію ремесломъ, торговлей, или, въ качествѣ низшихъ служащихъ, къ городской администраціи, образовали собою средній классъ, или городскую демократію—бюргерство. Аристократическій элементъ городского населенія образовался изъ рыцарскихъ фамилій, имѣвшихъ свои помѣстья и владѣвшихъ частями городской территоріи, а также изъ многочисленнаго класса бывшихъ чиновниковъ (министеріаловъ) господскихъ дворовъ.[1] Первоначально вся территорія города составляла полную (аллодіальную) собственность владѣльца, а иногда нѣсколькихъ феодальныхъ владѣльцевъ, на смежныхъ земляхъ которыхъ устраивался городъ, но къ 11—12 вѣку и демократическіе элементы городского населенія получаютъ доступъ къ землепользованію, въ формѣ чиншевого владѣнія. Бывшее зависимое населеніе городовъ, обратившееся къ занятію городскими промыслами, ремесленники и торговцы, строятъ на владѣльческой землѣ дома, продаютъ ихъ, передаютъ по наслѣдству и дару, словомъ, распоряжаются ею, какъ своею собственностью, но при этомъ всѣ эти акты мобилизаціи поземельной собственности обязательно регистрируются въ управленіи владѣльца города и доставляютъ ему опредѣленный доходъ, въ формѣ годовой ренты и разныхъ другихъ фиксированныхъ платежей, въ строго опредѣленныхъ случаяхъ—перемѣны владѣнія, какъ со стороны вотчинника, такъ и чиншевика. Переходъ разныхъ элементовъ населенія господскаго двора къ самостоятельнымъ промышленнымъ занятіямъ, на условіяхъ личной свободы, вопреки тому, что имѣло мѣсто на земледѣльческой территоріи, не только не вызывало сопротивленія со стороны собственниковъ городовъ, но послѣдніе прямо сами шли на встрѣчу этому явленію, такъ какъ освобожденіе ихъ дворовыхъ людей, селившихся на ихъ же городской территоріи, не только не было связано съ какимъ-либо матеріальнымъ ущербомъ, но владѣльцы городовъ прямо выигрывали отъ такой перемѣны. Для владѣльцевъ городовъ было ясно, что промыш-

ленное развитіе городовъ въ корнѣ измѣнило основы ихъ хозяйственнаго интереса. Освобожденіе лично зависимыхъ отъ нихъ людей съ избыткомъ искупалось выгодами, доставляемыми ими же, въ качествѣ жителей на городской территоріи. Въ этомъ отношеніи городское хозяйство открывало для владѣльцевъ городовъ перспективу огромныхъ доходовъ, въ видѣ чиншевыхъ повинностей за мѣста для торговли—лавки, столы и лари, платы за пользованіе городскими мѣрами и вѣсами, акцизовъ съ напитковъ, пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ и т. п. Выгоды владѣльцевъ городовъ были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе развивались городскіе промыслы, чѣмъ болѣе увеличивались торговые обороты городскихъ рынковъ, а это, въ свою очередь, зависѣло отъ роста городского населенія. И владѣльцы городовъ прилагаютъ много стараній для привлеченія въ города сельскаго населенія, которое и безъ того тяготѣло къ нимъ, въ силу соціальныхъ преимуществъ, связанныхъ съ городскою жизнью. Лицамъ крѣпостного состоянія, поселявшимся въ городахъ, обыкновенно даровалась личная свобода. Это былъ основной принципъ популяціонистической политики владѣльцевъ городовъ, который заносился въ средневѣковые городскіе статуты, въ извѣстныхъ фразахъ: «Luft in der Städten frei mache» (городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ), «Kein Huhn fliegt über die Mauern» (ни одинъ пѣтухъ не перелетаетъ городскихъ стѣнъ). Принесеніе въ дань пѣтуха было знакомъ крѣпостной зависимости, которая уничтожалась съ поселеніемъ даннаго лица крѣпостного состоянія въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ. Развитіе городскихъ вольностей, на ряду съ усиленіемъ гнета сельскаго крѣпостного населенія на феодальной территоріи, обусловливало массовое бѣгство послѣдняго въ города. Но привлеченіе въ города сельскаго населенія не обходилось безъ столкновеній между владѣльцами городовъ, съ одной стороны, и феодальными собственниками крѣпостныхъ людей, съ другой. Эти столкновенія въ Германіи закончились компромиссомъ. А именно, на одномъ изъ съѣздовъ феодаловъ выработано было соглашеніе, по которому крѣпостные, бѣжавшіе отъ своихъ господъ въ города, должны быть выдаваемы управленіями послѣднихъ ихъ господамъ до истеченія годового срока; послѣ же этого срока бѣглый крестьянинъ получалъ, вмѣстѣ съ личною свободою, право прочной осѣдлости въ городѣ.

Обширное движеніе сельскаго населенія въ города, возникшее благодаря этой привилегіи, представляетъ аналогію съ бѣгствомъ крѣпостного населенія Россіи, въ 17—18 в.в., на окраины отечества. Различіе въ экономическомъ значеніи этихъ двухъ явленій заключалось въ томъ, что германское крѣпостное населеніе, бѣжавшее въ города, находило тамъ высшую культуру того времени, свободныя учрежденія и, наконецъ, такія общественныя условія, которыя давали имъ возможность подвигаться по лѣстницѣ общественныхъ состояній. Крѣпостные, получавшіе, самымъ фактомъ переселенія въ городъ, личную свободу, могли затѣмъ достигать званія бюргера и участвовать въ городскомъ управленіи. Русскіе же

крестьяне, убѣгавшіе отъ своихъ господъ на окраины Россіи, въ Архангельскую и Вологодскую губерніи, въ Таврію, на Черноморье и въ Бессарабію, поселяясь посреди дикихъ лѣсовъ, тундръ и степей, часто порывали всякую связь и съ тою убогою культурою, которая существовала въ центрѣ страны, пріобщались къ разнымъ мистическимъ сектамъ и т. п.

Мы видѣли, что чиншевое владѣніе въ городахъ открывало доступъ къ землепользованію той части городской демократіи, которая слагалась изъ бывшихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ людей. Но чиншевое владѣніе являлось только временнымъ этапомъ для этихъ элементовъ населенія къ пріобрѣтенію полной собственности. Это произошло слѣдующимъ образомъ. При дальнѣйшемъ развитіи экономической жизни въ городахъ, всѣ обязательные платежи, связанные съ чиншевымъ владѣніемъ (чинши и ренты), какъ аттрибуты верховныхъ правъ вотчинниковъ, сдѣлались предметомъ свободнаго оборота, т. е. они, въ качествѣ обыкновенныхъ реальныхъ обязательствъ, отчуждались послѣдними въ другія руки, передавались по наслѣдству, дару, завѣщанію и т. п. Но тогда уже, при удобномъ случаѣ, ничто не препятствовало самимъ чиншевикамъ выкупать эти реальныя обязательства, лежавшія на ихъ владѣніи, и такимъ образомъ соединять въ однѣхъ рукахъ свое условное, чиншевое, владѣніе съ титуломъ верховной собственности (dominium directum et dominium utile), или другими словами, горожане изъ чиншевиковъ становились полными собственниками владѣемыхъ имъ участковъ. Въ то же время развитіе денежныхъ ссудъ вело за собою обремененіе долговыми обязательствами аллодіальной собственности городской родовой аристократіи, сближая условія ея землевладѣнія съ чиншевою собственностью городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ, такъ какъ обязательства, лежащія на той и другой собственности, могли быть выкупаемы на одинаковыхъ, общихъ основаніяхъ, а въ случаѣ ихъ невыполненія вести за собою отчужденіе и мобилизацію земель, какъ чиншевыхъ, такъ и аллодіальныхъ. Во всякомъ случаѣ, въ 13 вѣкѣ, въ массѣ городовъ средневѣковой Европы, купцы и цеховые ремесленники являются уже полными собственниками, а не только собственниками домовъ, построенныхъ на чиншевой землѣ. Преобразованіе чиншевого владѣнія въ полную собственность повело, въ свою очередь, къ уничтоженію одного изъ коренныхъ сословныхъ различій между городской демократіей, въ составѣ классовъ купеческаго и ремесленнаго, съ одной стороны, и городскимъ рыцарствомъ и аристократіей—съ другой. Вмѣстѣ съ этимъ въ городахъ пропадаетъ зависимость состоянія личныхъ правъ отъ условій землевладѣнія, столь характерная для всего феодальнаго режима.

Эволюціонный процессъ, который привелъ въ городахъ къ освобожденію личности и собственности отъ узъ феодализма, расчленяется, какъ мы видѣли, на три ясно обозначившіяся стадіи. Въ началѣ исторіи средневѣковыхъ городовъ владѣлецъ города является собственникомъ всей его территоріи, затѣмъ эта территорія, раздробленная на участки, превра-

щается въ чиншевое владѣніе горожанъ и, въ заключеніе, въ послѣдній періодъ среднихъ вѣковъ, становится ихъ полною собственностью. По справедливому замѣчанію Арнольда, автора классическаго сочиненія по исторіи собственности въ нѣмецкихъ городахъ, городское населеніе въ процессѣ своего освобожденія проходило тѣ же стадіи, что и сельское, но оно ихъ прошло ранѣе и скорѣе[1]). Впрочемъ, не всѣ города въ теченіе среднихъ вѣковъ прошли отмѣченный выше циклъ аграрнаго развитія. Достаточно припомнить, что значительная часть территоріи современнаго Лондона принадлежитъ нѣсколькимъ лордамъ и сдается ими, по участкамъ, на чиншевомъ правѣ, для выстройки домовъ городскимъ жителямъ. Даже въ Россіи, въ юго-западномъ краѣ, существуетъ до сего времени цѣлый рядъ уѣздныхъ городовъ, какъ напримѣръ: Бердичевъ, Лубны, Луцкъ, Ровно, территорія которыхъ принадлежитъ двумъ тремъ собственникамъ (г. Бердичевъ—Рукавишникову), а все многотысячное торговое населеніе этихъ городовъ, по традиціи, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пользуется землею на чиншевомъ правѣ: лавки, товарные склады и жилые дома построены ихъ жителями на чиншевой землѣ. Условія землевладѣнія въ этихъ владѣльческихъ городахъ, являясь фактомъ переживанія феодальнаго режима, теперь тормозятъ развитіе благоустройства многихъ обширныхъ городскихъ общинъ, въ ряду которыхъ г. Бердичевъ имѣетъ уже болѣе, чѣмъ стотысячное населеніе.

Въ тотъ моментъ исторіи развитія средневѣковыхъ городовъ, о которомъ идетъ рѣчь, приблизительно въ 13—14 вѣкѣ, пріобрѣтеніе всѣми элементами городского населенія правъ личной свободы и владѣнія полною поземельною собственностью, въ результатѣ, привело къ тому, что городъ также рѣзко измѣнилъ свой политическій укладъ. Городъ началъ свое существованіе, какъ доминіальное частное хозяйство (Hofwirthschaft) феодальнаго магната, которому принадлежало право собственности на всю городскую территорію съ прикрѣпленнымъ къ ней населеніемъ, равно какъ и верховныя права по управленію, а закончилъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ, свое развитіе, какъ вольная самоуправляющаяся община, автономныя права которой были признаны окрѣпшею къ тому времени государственною властью.

Процессъ преобразованій въ городскомъ управленіи шелъ по слѣдамъ промышленнаго развитія городовъ. Съ освобожденіемъ цеховъ отъ господскаго двора, а также съ образованіемъ свободныхъ городскихъ сословій и гильдій, функціи управленія постепенно переходятъ отъ епископской власти и свѣтскихъ феодаловъ къ городскимъ сословіямъ. Во главѣ городского управленія становится городской совѣтъ, составленный изъ представителей городскихъ цеховъ и сословій. Сначала городской совѣтъ

[1]) Arnold. Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten. Basel. 1861. стр. 2.

былъ только совѣщательной комиссіей по городскимъ дѣламъ, собираемой епископами, но компетенція его постоянно растетъ, и, наконецъ, въ большинствѣ городовъ, городской совѣтъ окончательно вытѣсняетъ единоличную власть владѣльцевъ городовъ. По мѣрѣ промышленнаго развитія городовъ и составъ представительства въ городскомъ совѣтѣ демократизируется. Въ первое время городской автономіи въ совѣтѣ участвовали исключительно представители аристократическихъ родовъ, патриціевъ и богатыхъ купеческихъ гильдій. Но, съ теченіемъ времени, представители цеховъ также получаютъ доступъ въ городской совѣтъ, а затѣмъ достигаютъ въ немъ полнаго преобладанія. Вліяніе цеховъ на политическое и финансовое устройство городовъ было громадное и почти исключало вліяніе другихъ городскихъ классовъ. Въ Страсбургѣ, напримѣръ, городской голова (Burgomeister) выбирался изъ членовъ цеха; изъ тридцати городскихъ совѣтниковъ двадцать были члены цеховъ; шефеновъ въ городской судъ также выбирали цехи. Въ высшей правящей коллегіи города тринадцати (Dreizehner) засѣдали четыре лица, бывшія прежде городскими головами и четыре представителя отъ цеховъ. На городской службѣ состояли также рыцари, кнехты и т. п., но центръ тяжести городского самоуправленія лежалъ въ цехахъ. Останавливаясь на выясненіи тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ ремесленный классъ получилъ широкій доступъ къ участію въ городскомъ управленіи, Арнольдъ замѣчаетъ, «что не вступленіе ремесленниковъ и торговцевъ въ городской совѣтъ разрушило монопольныя права собственниковъ городской земли, а, наоборотъ, пріобрѣтеніе земельной собственности промышленными классами уничтожило господство родовой знати въ городахъ»[1]). Въ послѣднюю пору исторіи средневѣковыхъ городовъ, по мѣрѣ того какъ основою экономическаго благосостоянія является преимущественно занятіе обрабатывающей промышленностью и торговлею, различіе, въ отношеніи политическихъ правъ городского населенія, между обладаніемъ чиншевою и полною собственностью сглаживается. При такихъ условіяхъ значеніе третьяго промышленнаго сословія постоянно увеличивалось. Впереди всего этого экономическаго и соціальнаго движенія шли епископскіе города. Уже въ 12 вѣкѣ епископскіе города настолько подвинулись въ развитіи гражданской свободы ихъ населенія, что они именовались civitates, тогда какъ королевскіе города все еще носили названіе «urbes, oppida, castra, castella».

Историки хозяйственнаго быта—Мауеръ, Гегель, Арнольдъ и др. различаютъ три типа средневѣковыхъ городовъ въ отношеніи положенія ихъ самоуправленія: вольные города, владѣльческіе и смѣшанные. Въ послѣднихъ владѣльцы городовъ раздѣляли власть по управленію съ городскимъ совѣтомъ. Всѣ эти три типа городовъ, существовали параллельно, но они различались только тѣмъ, что представляли собою различныя стадіи въ

[1]) Arnold. Geschichte d. Eigenthums, стр. 251 и др.

развитіи городского самоуправленія, которыя въ теченіе средневѣкового періода переживали всѣ города, сначала находившіеся въ патримоніальномъ управленіи феодальныхъ владѣльцевъ, а затѣмъ, въ учрежденіи городского совѣта, получившіе прямое средство къ достиженію полнаго городского самоуправленія. Нѣкоторые отдѣльные города успѣли ранѣе другихъ освободиться отъ опеки ихъ феодальныхъ владѣльцевъ и развить свое самоуправленіе (Гамбургъ, Франкфуртъ на Майнѣ), а потому уже съ 12 в. фигурируютъ какъ вольные города, но во многихъ другихъ городахъ этотъ процессъ завоеванія вольностей совершился гораздо позже.

Экономическая политика средневѣковыхъ городовъ. Образованіе и развитіе средневѣковыхъ городовъ явилось слѣдствіемъ не однѣхъ только непроизвольныхъ причинъ, которыя принято называть силою историческихъ условій, оно было отчасти плодомъ цѣлой системы политики, которую настойчиво проводили сначала владѣльцы городовъ—феодальные бароны и епископы, а затѣмъ городской совѣтъ, перенявшій, въ качествѣ верховнаго органа городского самоуправленія, всѣ функціи власти бывшихъ владѣльцевъ городовъ. Политика органовъ городского управленія проникнута стремленіемъ поднять промышленность городовъ, въ ущербъ деревнямъ, ремесла—въ ущербъ земледѣлію; это была словомъ та покровительственная экономическая система, которая впослѣдствіи сдѣлалась изъ историческаго факта экономической теоріей, подъ именемъ меркантилизма. Въ исторіи городовъ и цеховъ мы стоимъ у самаго источника происхожденія меркантилистической системы. Нѣмецкіе ученые, характеризующіе меркантилистическую политику средневѣковыхъ городовъ обыкновенно указываютъ, что въ основаніи ея лежала противоположность интересовъ города и деревни (Gegensatz zwischen Stadt und Land).

Одною изъ главныхъ мѣръ для поднятія городскихъ ремеслъ было запрещеніе ремесленныхъ занятій въ селахъ. Исключенія въ этомъ отношеніи были сдѣланы только для немногихъ, самыхъ необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, ремеслъ, напримѣръ, для столярнаго, сапожнаго, но и этими послѣдними сельскіе жители могли заниматься только въ размѣрахъ ихъ домашнихъ потребностей. При этомъ они могли найти сбытъ своихъ чисто сельскихъ произведеній такихъ, какъ хлѣбъ, шерсть, дрова, домашняя птица, мясо, кожи и т. п. главнымъ образомъ въ городѣ, обмѣнивая ихъ на произведенія городскихъ ремеслъ. Но въ городахъ сбытъ земледѣльческихъ произведеній былъ обставленъ разными стѣсненіями для сельскихъ жителей, такъ какъ каждый городъ старался извлечь изъ этого исключительно возможно большія выгоды для городского населенія. Привозимыя на городской рынокъ сельскія произведенія прежде всего оплачивались разнообразными пошлинами за проѣздъ по дорогамъ и мостамъ, за пользованіе городскими площадями, вѣсами и мѣрами. Остатки этихъ средневѣковыхъ пошлинъ сохранились въ видѣ такъ называемыхъ octrois до послѣдняго времени въ такихъ міровыхъ городахъ, какъ Парижъ, Вѣна

и др. Кромѣ того, сельскіе жители обязаны были привезенныя ими на городской рынокъ произведенія продать въ теченіе опредѣленнаго числа часовъ, обыкновенно съ утра до двухъ часовъ пополудни, пока висѣлъ ярмарочный флагъ, который затѣмъ опускался. Взаимная мѣновая торговля между пріѣзжими на рынокъ запрещалась, сельскіе продукты обязательно было продавать непосредственно городскимъ жителямъ; не проданные же товары не дозволялось увозить обратно, а нужно было оставлять ихъ въ городѣ, на складѣ, до ближайшаго ярмарочнаго дня и за храненіе ихъ платить вознагражденіе, но и при этихъ условіяхъ владѣлецъ привезеннаго товара обязанъ былъ непремѣнно продать его въ теченіе двадцати дней. Для городскихъ жителей рынки были открыты ежедневно, а для пріѣзжающихъ только по воскресеньямъ. Не менѣе стѣснительнымъ для сельскихъ жителей былъ также весьма распространенный обычай у большей части городскихъ цеховъ покупать сообща всѣ необходимые для ремесленныхъ производствъ сырые продукты. Кузнецы, напримѣръ, обыкновенно закупали сообща все необходимое количество древеснаго угля — поэтому продавцы этого продукта лишались всей той выгоды, какая могла получиться для нихъ изъ конкуренціи покупателей. Такимъ образомъ, условія, въ которыя городскіе статуты ставили сбытъ сельскихъ произведеній, были настолько стѣснительны, что, по многимъ признакамъ, напоминали аукціонную продажу.

Во внѣшней торговлѣ меркантилистическая политика каждаго отдѣльнаго города встрѣчалась съ такимъ же одностороннимъ преслѣдованіемъ своихъ интересовъ со стороны другихъ городовъ. Это столкновеніе торговыхъ интересовъ соперничавшихъ между собою городовъ приводило ко взаимнымъ компромиссамъ, выражавшимся въ особыхъ договорахъ городовъ между собою, въ которыхъ они старались взаимно стѣснить другъ друга въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ. Такимъ именно духомъ мелочного протекціонизма и односторонняго преслѣдованія своихъ партикулярныхъ интересовъ отдѣльными городами проникнуто все городское законодательство о путяхъ сообщенія (Strassen und Stapelzwang, Stapelrecht), тарифная политика (Zollrecht) и все законодательство объ иностранной торговлѣ (Gastrecht).

Законодательство средневѣковыхъ городовъ о складочныхъ мѣстахъ и путяхъ сообщенія ставило свободу торговыхъ сношеній въ крайне узкія рамки Когда, напримѣръ, германскій городъ Магдебургъ желалъ сбыть свои товары въ Лейпцигъ, то для этого онъ долженъ былъ провезти эти товары по обязательному пути чрезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, хотя, помимо этой дороги, существовали параллельные пути, болѣе прямые и удобные. Кромѣ того, магдебургскіе купцы не всегда пользовались правомъ провоза своихъ товаровъ чрезъ Франкфуртъ, смотря по тому, какого рода предварительное соглашеніе состоялось между франкфуртскимъ и магдебургскимъ городскимъ управленіемъ: обыкновенно магдебуржцы должны были при

проѣздѣ чрезъ Франкфуртъ оставлять свои товары на нѣсколько дней на городскихъ складахъ. Но договоръ могъ состоять въ томъ, что магдебуржцы вовсе не имѣли права непосредственно продавать свои товары лейпцигскимъ купцамъ, а должны были продавать ихъ франкфуртцамъ, а тѣ уже перепродавали ихъ въ Лейпцигъ, извлекая значительныя выгоды отъ такого посредничества. Такимъ же образомъ гор Штеттинъ продавалъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ свои товары, въ которыхъ, собственно, нуждался Краковъ. Франкфуртъ же, въ свою очередь, не могъ непосредственно отправлять свои товары въ Краковъ, а долженъ былъ въ силу Stapelrecht[1]) продавать ихъ въ Бреславлѣ, а оттуда они уже перепродавались въ Краковъ.

Ведя мелочные меркантилистическіе счеты между собою, средневѣковые города, въ свою очередь, встрѣчали сложныя преграды для своихъ торговыхъ сношеній въ разобщенности многочисленныхъ феодальныхъ территорій, въ которыхъ ихъ владѣльцы или совершенно запрещали транзитъ товаровъ, или же облагали провозимые товары высокими и многочисленными пошлинами при слѣдованіи ихъ по дорогамъ, мостамъ, за пользованіе складами и т. п. Къ этимъ затрудненіямъ присоединялись техническія трудности перевозки, при отсутствіи устроенныхъ грунтовыхъ дорогъ, съ опасностью подвергнуться нападенію многочисленныхъ разбойничьихъ бандъ. Проѣзжающіе купцы поэтому старались купить себѣ защиту у владѣльцевъ феодальныхъ территорій, черезъ которыя имъ приходилось слѣдовать со своими товарами. Но при этомъ феодалы часто, вмѣсто покровительства, конечно, оплачиваемаго соотвѣтствующими поборами, предпочитали и сами пограбить проѣзжихъ. Поэтому купцы совершали свои торговыя путешествія цѣлыми караванами, въ сопровожденіи наемной стражи, хотя и при этихъ предосторожностяхъ не всегда благополучно достигали цѣли своего путешествія, теряя часть имущества въ пути; но когда доходили до мѣста, то барыши были настолько велики, что они съ излишкомъ искупали весь рискъ.

Приспособляясь къ трудностямъ торговаго оборота въ средніе вѣка, купцы болѣе значительныхъ городовъ соединялись въ товарищества и союзы, носившіе названіе «гильдій и ганзъ». Эти союзы, конкурируя между собою, входили въ договоры съ владѣльцами феодальныхъ территорій, снимая на откупъ право перевозки товаровъ черезъ ихъ земли. На этихъ транзитныхъ путяхъ торговыя компаніи организовали свою полицію и военную защиту каравановъ отъ разбойниковъ, исправляли грунтовыя дороги и мосты, устраивали склады и магазины, въ свою очередь,

---

[1]) Stapelrecht, отъ слова Stapel—скамья, обнимало собою право осмотра привозимыхъ товаровъ, раскладываемыхъ для этого на особыхъ скамьяхъ и обложенія ихъ пошлинами. Часто со Stapelrecht соединялось еще обязательство для пріѣзжихъ торговцевъ продавать свои товары непосредственно только мѣстнымъ жителямъ.

на правахъ монополистовъ, не допуская провоза товаровъ своихъ конкурентовъ, или облагая ихъ высокими пошлинами. При неудобствахъ грунтовыхъ дорогъ, большія судоходныя рѣки въ средніе вѣка имѣли такое значеніе, какъ желѣзныя дороги въ наше время, являясь наиболѣе удобными путями дальняго сообщенія. Поэтому торговые союзы и компаніи старались прежде всего обезпечивать за собою монополію судоходства и содержанія рѣчного флота по большимъ рѣкамъ. Во Франціи судоходство на большей части большихъ рѣкъ, Сенѣ, Луарѣ и Гаронѣ, примыкавшихъ къ удобнымъ морскимъ гаванямъ, находилось во владѣніи крупныхъ ганзейскихъ союзовъ (напр. англійской ганзы во Фландріи, Шампани и Нормандіи), за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣкъ, гдѣ монополія судоходства принадлежала виднымъ монастырямъ: Сенъ-Дени, Корбье и др. Сами феодальные владѣльцы вели непрерывную и упорную борьбу, какъ между собою, такъ и съ городами, за обладаніе бассейнами крупныхъ рѣкъ. Такъ, по воднымъ системамъ Эльбы, Одера и Дуная, гдѣ существовали удобные параллельные пути для провоза товаровъ, обыкновенно шла жестокая борьба между сосѣдними владѣльцами изъ-за права провоза и складовъ товаровъ. Города—Бранденбургъ, Кельнъ, Берлинъ, Мемель, Шпандау—находились въ постоянныхъ пререканіяхъ съ князьями земель, которыя примыкали къ Фрейбургу, Прагѣ, Дрездену и Франкфурту-на-Майнѣ. Въ этой борьбѣ мелкіе города, не успѣвшіе войти въ союзъ съ другими, теряли свои права на провозъ товаровъ и должны были подчиниться волѣ большихъ городовъ.

Промышленно-торговое движеніе, вызванное развитіемъ городовъ, нашло со временемъ новую опору въ цѣломъ рядѣ фактовъ, характеризующихъ исторію 11—14 вѣковъ Западной Европы. Здѣсь прежде всего надо отмѣтить огромное значеніе, какое имѣли концентрація феодальныхъ территорій въ рукахъ болѣе сильныхъ владѣтельныхъ князей и ростъ королевской власти, такъ какъ вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ двухъ явленій постепенно падали тѣ преграды для торговыхъ сношеній, которыя связаны были съ существованіемъ множества мелкихъ, автономныхъ феодальныхъ владѣній. Другимъ важнымъ факторомъ развитія торговыхъ сношеній былъ широко развитый въ 11—12 в. культъ паломничества и мода путешествія по святымъ мѣстамъ, а въ особенности въ Палестину, весьма распространенная въ Западной Европѣ задолго до крестовыхъ походовъ, а затѣмъ и самые крестовые походы. Лица, которымъ удавалось совершить путешествіе на Востокъ въ 11—13 в.в, пользовались въ народѣ такимъ же почетомъ, какъ «хаджи» въ мусульманскомъ мірѣ. Ежегодно массы поломниковъ изъ Англіи, Франціи и Германіи отправлялись въ Палестину черезъ Марсель, Венецію и Константинополь. По слѣдамъ богомольцевъ шло торговое движеніе и обмѣнъ товаровъ съ Востокомъ. Товары изъ Арменіи, Сиріи, Персіи и Константинополя въ 12—14 в.в. получаютъ распространеніе по всей Европѣ. Въ романсахъ и пѣсняхъ трубадуровъ

этого времени постоянно встрѣчаются описанія Арменіи, Хоросана, названіе Самарканда и другихъ среднеазіатскихъ городовъ, упоминаются дорогія матеріи Сиріи, Самоса, Константинополя, ковры Персіи, драгоцѣнности и благовонія Аравіи[1]). Католическіе провинціальные соборы вторили этому религіозно-торговому движенію, провозглашая неприкосновенность путешествующихъ священниковъ, монаховъ, купцовъ и крестьянъ, угрожая анаѳемой всѣмъ, кто позволялъ себѣ грабить купцовъ и слѣдовавшія по рѣкамъ и морямъ ихъ суда. Возникшіе, на почвѣ этого религіозно-торговаго движенія, крестовые походы имѣли для 12 вѣка такое же значеніе, какъ для 16 вѣка открытіе Америки и пути въ Индію. Къ концу 14 в. предѣлы торговыхъ сношеній Западной Европы были раздвинуты отъ Англіи и Балтійскаго моря до Египта, Палестины и Персіи. На сѣверѣ нити торговыхъ сношеній прокладывали торговые союзы германскихъ городовъ (ганзы) и богатыя купеческія компаніи этихъ городовъ, имѣвшія свои факторіи въ Лондонѣ, Брюгге, Дюнкирхенѣ, Новгородѣ и Псковѣ. По направленію же къ восточнымъ странамъ піонерами торговыхъ связей были паломники, и города на югѣ Франціи и по итальянскому побережью, служившіе отправными пунктами для морского путешествія въ Палестину, выросли въ крупные торговые центры. Вплоть до вторженія турокъ въ Европу и завоеванія ими Константинополя, въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ, по Средиземному морю шло непрерывное торговое и культурное общеніе Западной Европы съ восточными странами.

Литература по исторіи средневѣкового хозяйства: G. L. Maurer 1) Einleitung zur Geschichte d. Mark-Dorf-Hof und Stadtverfassung und der öfentlichen Gewalt. 2 Aufl. Wien. 1896. 2) Geschichte d. Frohnhöfe. 2 Bande. 3) Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. I, II, III. Bande Erlangen 1870. *Dr. K. Th. Inama-Sternegg.* 1) Die Ausbildung d. grossen Grundherschaften in Deutschland. Lpz. 1878. 2) Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingenperiode. Lpz. 1879. 3) Deutschte Wirthschaftsgeschichte des 10 bis 12 Jahrhunderts. Lpz. 1891. 4) Deutsche Wirthschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters. Erster Theil. Lpz. 1890. 5) Тоже. Zweiter Theil. 1901.

A. Meitzen: 1) Der Boden und landwirthschaftlichen Verhaltnisse preussischen Staats I, II Bande. 1868. 2) Siedelungen und Agrarwesen der Westgermanen, Ostgermanen, der Kelten, Romer, Finnen und Slaven. Berlin. 1895 in 3 Bande. *L'abbé Hanauer*: 1) Les constitutions des campagnes de l'Alsace au moyen âge. Paris.—Strassbourg. 1865. 2) Les paysans de l'Alsace au moyen âge. Paris 1865. *Polyptyque de l'abbé d'Irminon,* ou

[1]) H. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. Paris 1887, v. I, p. 131 и друг.

ednombrement des mances, des serfs et des revenus de l'abbaye de Saint-Gérmain des Près, publié par Guerard. Paris. 1854. *Nitsch*· 1) Ministerialität und Bürgerthum, глава «Das Hofrecht» v. St. Maxime. Deutsche Rechtsgeschichte v. F. Walter. 2 Ausg. 1 B. 1857. 2) Der alteste Marktverkehr des deutschen Binnenlandes. Hansiat. Geschichtsblatt Lpz. 1880-81 r. *Fischendorf.* Das Lehnswesen in den moselmanischen Staaten. 1872. *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France T. 1—6. Въ особенности: 1) Les origines du régime féodale. 2) Alleu et le domaine rural. 3) Le bénéfice de l'époque merovingienne. *Bücher.* Entstehung der Volkswirthschaft., Русскій переводъ. Спб. 1897. *Sée.* Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge 1901. *Bonnemère. E.* Histoire des paysans depuis la fin du moyen âge jusqu'à nos jours. 2 vol. Paris. 1856. *Paul Roth.* Geschichte d. Beneficialwesens v. d. altesten Zeiten bis ins zehnte Jahrhundert 1850. *Boutarique.* Revue questions historiques. Octobre 1875. *Chastel.* Etudes historiques sur l'influence de la charité durant premières siècles chrétienes 1853 (couronné par Ac. Française). *М. М. Ковалевскій*: 1) Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. М. 1 т. 1898 г. II. 1900 г., изд. Солдатенкова. Т. III, 1903. 2) Общинное землевладѣніе. М. 1877. *П. Г. Виноградовъ.* Происхожденіе феодальныхъ отношеній у лангобардовъ. 1880. *Карѣевъ.* Исторія французскихъ крестьянъ въ 18 вѣкѣ. *И. М. Гревсъ.* Статья «Феодализмъ» въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, 70 полутом. *Коннигемъ.* Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. (Средніе вѣка и новое время) Перев. Кончаловскаго подъ ред. проф. Мануилова М. 1903. *Каутскій.* Изъ исторіи общественныхъ теченій Спб. 1905. *В. Левитскій.* Вопросъ о чиншевомъ владѣніи «Русск. Мысль». 1886 г. кн. 6. *А. С. Лебедевъ.* Христианская помощь нуждающимся въ древнія времена христианства. Сборникъ статей въ честь проф. М. С. Дринова. Харьковъ. 1905.

W. Arnold. 1) Zur Geschichte des Eigenthums in deutschen Städten. Mit Urkunden. Basel. 1861. 2) Studien zur deutschen Culturgeschichte. Fränkische Zeit. Stuttgart. 1882. 3) Geschichte d freie Stadte. 4) Das Aufkommen des Handwerkerstandes im Mittelalter. Basel. 1861. *Mascher.* Das deutsche Gewerbewesen d. frühesten Zeit. 1866. *G. Schmoller.* Urkunden und Darstellungen. d. Strassburger Tucher und Weberzunft vom 13—17 Jahrhundert. Strassb. 1879. 2) Geschichte d. Strassburger Tucher und Weberzunft vom 13—17 Jahrhundert d. deutschen Zunftwesens Strassb. 1881. 3) Die Sociale Entwickelung Deutschlands und Englands auf dem platten Lande d Mittelalters. *Stieda.* Entstehung d. deutschen Zunftwesens. Jena. 1877. *Schönberg.* Die wirthschaftliche Bedeutung Zunftwesens in Mittelalter. Berlin 1868. *L. Brentano.* Arbeitergilden der Gegenwart. 1 Band. Lpz. 1872. *Georg Below.* Ursprung der deutschen Stadteverfassung. Düsseldorf. 1892. *Karl Hegel.* Die Entstehung des deutschen Städtewesens. Lpz. 1898.

W. Sombart. Gewerbewesen. Sammlung Göschen, Jahrbücher f. gesetz. und Volksw. 1888, стр. 202. 1 Theil. Lpz. 1904. *Mumenhoff.* Der Handwerker in des deutschen Vergangenheit. Lpz. 1901. *Eberstadt.* Ursprung des Zunftwesens und die ältere Handwerkerverbände des Mittelalters Lpz. 1900. *O. Gierke.* Das deutsche Genossenschaftsrecht B. 1. Berlin. 1868. *I. H. Labart.* Histoire des arts industriells au moyen âge et à l'époque de la Renaissance. 4 vol. Paris 1864. *Pigeonneau.* Histoire du commerce de la France. 2 édition 2 vol. Paris 1887.

Экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка.

Первые вѣка послѣ разложенія Римской имперіи въ западной Европѣ заполнены борьбою полудикихъ племенъ изъ-за постоянныхъ территоріальныхъ перемѣщеній, вызванныхъ великимъ переселеніемъ народовъ. Въ эту пору грубаго варварства, которымъ начинается средневѣковая исторія, духовная жизнь, съ ея умственными интересами и нравственными запросами, нашла свое убѣжище за стѣнами католическихъ монастырей. Начиная съ 5 вѣка и почти въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія теологамъ католической церкви нераздѣльно принадлежало господство въ области мысли, между прочимъ и въ той части мнѣній и сужденій, которыя касались экономической жизни. Цѣлыхъ тысячу лѣтъ судьбы экономической мысли находились въ рукахъ христіанскихъ богослововъ. Экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка такъ же, какъ и въ античный періодъ исторіи, не были выдѣлены въ особую доктрину. Но между тѣмъ какъ экономическія ученія греческихъ и римскихъ писателей высказывались въ трактатахъ о политикѣ и этикѣ (Аристотель), философіи (Платонъ, Сенека и др.), исторіи (Ксенофонтъ и Ѳукидидъ) и наконецъ, въ сочиненіяхъ римскихъ юристовъ, экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка были слиты съ теологіей. Экономическіе вопросы трактовались средневѣковыми учеными попутно, по поводу разныхъ теологическихъ проблемъ и поэтому въ теологіи они составляли какъ бы особую главу о богословской этикѣ и казуистикѣ. Экономическія доктрины сплошь и рядомъ занимаютъ извѣстное мѣсто въ сочиненіяхъ о таинствѣ исповѣди и отпущенія грѣховъ. Экономическіе вопросы въ средніе вѣка также часто были предметомъ церковныхъ проповѣдей, во всякомъ случаѣ сборники церковныхъ поученій лучшихъ католическихъ проповѣдниковъ 13—15 вв. служатъ однимъ изъ первыхъ источниковъ для характеристики экономическихъ воззрѣній этой поры.

Было бы однако ошибочно думать, что сужденія христіанскихъ теологовъ по экономическимъ вопросамъ, разъ высказанныя, застыли, какъ незмѣнныя догмы въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ. На самомъ дѣлѣ, экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка такъ же эволюціонировали, какъ и теологическія воззрѣнія католическихъ ученыхъ, кото-

рыя подвергались значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ измѣняющихся условій времени. Уже тотъ фактъ, что христіанская церковь въ 4—5 в.в. ставила себѣ иныя задачи, чѣмъ въ послѣдующій періодъ среднихъ вѣковъ, имѣлъ огромное вліяніе на характеръ ея экономическихъ взглядовъ. Въ первую пору средневѣковья церковнымъ идеаломъ являлся аскетизмъ, перешедшій по традиціи съ христіанскаго Востока. Въ духѣ аскетическихъ взглядовъ христіанская церковь относилась отрицательно къ участію въ мірской жизни, въ управленіи, судѣ; она старалась отвлекать своихъ членовъ отъ хозяйственныхъ и торговыхъ дѣлъ, даже семью церковь только терпѣла и, во всякомъ случаѣ, не поощряла вступленія въ бракъ (слова ап. Павла—оженивыйся—добре творитъ, не жинивыйся лучше творитъ). На почвѣ этихъ воззрѣній возникло и развилось монашество. Но уже, со второй половины среднихъ вѣковъ, отмѣченное отношеніе церкви къ мірскимъ дѣламъ смѣнилось рѣзко выраженнымъ свѣтскимъ идеаломъ, воспитаннымъ на почвѣ увеличенія свѣтской власти римскихъ папъ и того вліятельнаго политическаго положенія, которое заняло католическое духовенство во франко-германскомъ обществѣ, въ качествѣ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, съ ихъ прерогативами въ администраціи, судѣ, сыгравшее притомъ видную роль въ хозяйственной исторіи среднихъ вѣковъ. Въ силу этого свѣтскаго идеала, католическая церковь въ германо-романскомъ мірѣ старалась подчинить своему вліянію всѣ сферы жизни и общественнаго управленія, вплоть до государства. Вмѣстѣ съ этимъ новымъ положеніемъ, занятымъ католическою церковью въ средневѣковомъ обществѣ, рѣзко измѣнилось ея отношеніе и къ сферѣ экономическихъ интересовъ. Вмѣсто монаха-отшельника, мы повсюду встрѣчаемъ теперь монаха-хозяина и администратора. По мѣрѣ того какъ монастыри все больше втягиваются въ хозяйственныя занятія, цѣлые монашескіе ордена ставятъ своей миссіей распространеніе усовершенствованныхъ способовъ земледѣлія, многіе представители духовенства епископы и аббаты проявляютъ свою дѣятельность въ строительствѣ городовъ и играютъ видную роль въ организаціи городского хозяйства и управленія. Въ связи съ этимъ положеніемъ, которое заняло католическое монашество въ народномъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ, важно отмѣтить тотъ фактъ, что, начиная съ 9 вѣка, во Франціи и Германіи появляется цѣлый рядъ обстоятельныхъ описаній монастырскихъ хозяйствъ подъ названіемъ „polyptyk“, а также хозяйственныхъ инвентарей, составителями которыхъ были аббаты и епископы, выдѣлявшіеся своею организаторскою дѣятельностью въ области монастырскаго хозяйства. Католическое духовенство въ германо-романскомъ обществѣ, утратившее традиціи восточнаго аскетизма, не только вошло въ тѣсное соприкосновеніе съ хозяйственными интересами феодальныхъ территорій, но сдѣлалось однимъ изъ дѣятельныхъ факторовъ хозяйственной исторіи. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, католическое монашество, какъ единственная интеллигенція своего времени, должно было въ своихъ

сужденіяхъ и взглядахъ, въ извѣстной мѣрѣ, отражать тѣ крупныя перемѣны, которыя происходили въ строѣ средневѣкового хозяйства въ 11—14 в.в., выразившіяся въ образованіи городовъ, какъ центровъ обрабатывающей и торговой промышленности, а также въ развитіи международной торговли и другихъ явленіяхъ, совершенно преобразовавшихъ строй прежняго натуральнаго хозяйства.

Въ связи съ указанными вліяніями и причинами, опредѣлявшими отношеніе католическаго духовенства въ области хозяйственныхъ интересовъ, надо различать два преемственно слѣдовавшихъ цикла экономическихъ воззрѣній христіанскихъ теологовъ средневѣкового періода. Одинъ изъ нихъ заключался въ Евангеліи и примыкавшихъ къ нему ученіяхъ первыхъ отцовъ церкви, а другой—представленный въ трактатахъ католическихъ теологовъ второй половины среднихъ вѣковъ, начиная съ 12 вѣка, отражалъ въ себѣ условія германо-романскаго хозяйственнаго быта и совпадалъ съ рецепціей воззрѣній римскихъ юристовъ и общественныхъ идей Аристотеля.

Въ основѣ евангелическаго ученія лежитъ опредѣленный кругъ экономическихъ воззрѣній, рѣзко опредѣляющихъ отношеніе христіанства къ хозяйственнымъ дѣламъ. Ученія Евангелія проникнуты полнымъ пренебреженіемъ къ богатству, торговлѣ, къ хозяйственнымъ занятіямъ, къ хозяйственной бережливости и предусмотрительности и вообще ко всѣмъ основнымъ элементамъ правильной хозяйственной дѣятельности. („Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, такъ какъ у каждаго дня своя забота; не заботьтесь о томъ, что вамъ ѣсть, что пить и во что одѣться; посмотрите на птицы небесныя, которыя не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, однако Отецъ небесный питаетъ ихъ“). Основная идея Евангелія заключалась въ томъ, чтобы подчинить всѣ человѣческіе интересы, въ томъ числѣ и хозяйственные, высшему христіанскому идеалу спасенія души и приготовленія ея къ болѣе совершенной жизни за гробомъ.

Евангельское ученіе признавало обезпеченіе матеріальнаго существованія не только излишнимъ для добраго христіанина, но многократно указывало на него, какъ на прямую преграду для нравственнаго усовершенствованія. (“Богатый не можетъ войти въ царство небесное, поэтому, если хочешь спастись, иди и раздай свое имущество бѣднымъ“). Нищета и бѣдность рекомендуются Евангеліемъ, какъ непремѣнныя условія христіанской чистоты жизни. Современные комментаріи христіанскаго ученія, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій и дѣйствующаго законодательства, значительно уклонились отъ того отношенія къ хозяйственной жизни, какое запечатлѣно въ Евангеліи. Не то было въ первые вѣка христіанства и въ періодъ вселенскихъ соборовъ, когда предписанія Евангелія въ буквальномъ смыслѣ переходили въ жизненный обиходъ. Отцы церкви первыхъ вѣковъ христіанства въ своихъ поученіяхъ брали

за исходныя точки евангельскія воззрѣнія и разрабатывали ихъ въ примѣненіи ко всѣмъ частностямъ обыденной жизни. Проповѣдь нищенства, какъ состоянія наиболѣе благопріятнаго для нравственнаго усовершенствованія, шла параллельно съ проповѣдью личнаго труда. Каждый въ обществѣ долженъ быть работникомъ: такъ звучитъ извѣстное выраженіе ап. Павла „кто не работаетъ, пусть не ѣстъ“. Но трудъ въ ученіяхъ первыхъ христіанскихъ учителей представлялся не какъ средство личнаго обезпеченія, а какъ исполненіе общественнаго долга и актъ любви къ ближнему; результатъ труда долженъ былъ итти на общественную пользу, въ видѣ милостыни, поэтому считался предосудительнымъ трудъ разсчитанный на то, чтобы собирать доходы и копить богатство. Изъ такого пониманія назначенія труда вытекало отрицаніе частной собственности и пожеланіе, чтобы все частное имущество христіанъ поступало въ общее пользованіе христіанскихъ общинъ. Въ томъ обстоятельствѣ, что первые учители церкви ставили одною изъ первыхъ обязанностей христіанскихъ общинъ попеченіе о бѣдныхъ и слабыхъ, заключался исходный моментъ осужденія процентовъ и отдачи денегъ въ ссуду, на условіяхъ платежа процентовъ. Запрещеніе процентовъ являлось однимъ изъ актовъ законодательства о бѣдныхъ. Въ условіяхъ натуральнаго хозяйства того времени, ссуды преимущественно брались для потребительныхъ цѣлей, а не для примѣненія капиталовъ къ производству, а потому онѣ являлись средствомъ жестокой эксплоатаціи матеріальной нужды должниковъ. Это моральное ученіе о предосудительности взиманія процентовъ церковные соборы и римскіе папы превратили въ законодательныя предписанія. Уже въ 446 г. папа св. Левъ издалъ посланіе о запрещеніи взиманія процентовъ. Даже свѣтская власть, въ лицѣ византійскихъ императоровъ, подчинялась въ этомъ вопросѣ теченію, господствовавшему въ церковныхъ кругахъ, судя поэтому, что императоромъ Василіемъ (867—886 г.г.) также былъ изданъ эдиктъ о запрещеніи процентовъ, мотивированный опасаніемъ, „что наша слишкомъ большая привязанность къ римскому праву (санкціонировавшему взиманію процентовъ) грозитъ опасностью нарушить божескій законъ“. Правда, преемникъ этого императора поспѣшилъ отмѣнить этотъ эдиктъ, въ виду того „что онъ вслѣдствіе внесенной имъ смуты, оказался болѣе вреднымъ чѣмъ полезнымъ“, зато церковные соборы въ католическихъ странахъ періодически повторяли постановленія о запрещеніи процентовъ до 14 вѣка.

По существу Евангеліе и сочиненія христіанскихъ канонистовъ не даютъ законченнаго цикла экономическихъ ученій. По вѣрному замѣчанію Эндемана, то, что они содержатъ по экономическимъ вопросамъ, нельзя даже считать экономическими воззрѣніями, а только воззрѣніями, имѣющими экономическое значеніе. Какъ однако ни отрывочны эти воззрѣнія, но въ ряду тѣхъ сужденій по экономическимъ вопросамъ, которыя господствовали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ донаучный періодъ поли-

тической экономіи, они имѣли свой историческій смыслъ и значеніе. Христіанское ученіе, выступившее на исторической аренѣ съ проповѣдью любви, перевернуло вверхъ дномъ всю общественную мораль языческаго міра: послѣдніе въ строѣ языческаго общества, съ точки зрѣнія христіанскаго ученія, считались первыми, а первые—послѣдними. Если языческій міръ являлся господствомъ сильныхъ, облеченныхъ властью и богатыхъ, то христіанство выдвигало въ общественномъ значеніи бѣдныхъ, угнетенныхъ и слабыхъ. Отсюда культъ нищихъ и уваженіе человѣческой личности въ рабахъ. Христіанское ученіе, явившееся коренной реформой этическихъ воззрѣній и понятій языческаго міра, возникло и получило распространеніе въ то время, когда римскій народъ импонировалъ всему тогдашнему міру своею силою, властностью и богатствомъ. И вотъ христіанскія воззрѣнія на хозяйственную жизнь, въ своихъ исходныхъ началахъ, являлись глубокою реакціей, какъ противъ грубого матеріализма, которыми была проникнута жизнь римскаго народа, такъ и противъ тѣхъ элементовъ римской культуры, которые были запечатлѣны въ великомъ духовномъ наслѣдствѣ, оставленномъ Римомъ—въ его правѣ. Прибыль, пріобрѣтеніе, хозяйственный интересъ, строгая частная собственность, богатство и власть—все чему римское право даетъ такую тонко обоснованную защиту, христіанская мораль презирала и осуждала, противопоставляя имъ идеальныя блага, любовь къ ближнему, нестяжательность, отказъ отъ собственныхъ матеріальныхъ выгодъ.

Евангельскія воззрѣнія на хозяйственную жизнь находили для себя вполнѣ благопріятную почву въ западной Европѣ къ началу среднихъ вѣковъ во всеобщемъ господствѣ натуральнаго хозяйства. Въ то время, когда населеніе только начинало еще переходить къ земледѣлію, ремесла пока были въ зачаточномъ состояніи, торговаго обмѣна почти не существовало, а къ ссудамъ денегъ прибѣгали чаще всего въ періоды неурожаевъ и голодовокъ для потребительнаго назначенія, каноническое осужденіе процентовъ встрѣчало полное сочувствіе народныхъ массъ. Съ другой стороны, признаніе католическою церковью личности трудящихся классовъ встрѣчалось горячимъ сочувствіемъ народныхъ массъ, такъ какъ оно вносило прямое облегченіе въ положеніе несвободныхъ классовъ и реально выразилось въ смягченіи первобытнаго рабства, въ превращеніи рабовъ въ литовъ и колонновъ, раньше всего осуществленномъ въ монастырскихъ имѣніяхъ. Осужденіе барышей, извлекаемыхъ изъ торговыхъ сдѣлокъ, и вообще пренебреженіе, внушаемое ученіемъ первыхъ христіанъ къ торговымъ дѣламъ, также никого не задѣвало въ ту пору, когда еще слаба была потребность въ торговомъ обмѣнѣ. Самый взглядъ церкви на необходимость общей собственности могъ быть только симпатиченъ народамъ, пользовавшимся землею на общинномъ началѣ и находившимъ свое матеріальное обезпеченіе въ условіяхъ веденія хозяйства крупными родовыми группами. Далѣе каноническое ученіе

о преимуществахъ общей собственности служило юридическимъ титуломъ для умноженія монастырскихъ имуществъ, которыя считались въ глазахъ общества какъ бы запаснымъ капиталомъ на случай голодовокъ, неурожаевъ и народныхъ бѣдствій. И монастыри старались оправдывать назначеніе своихъ обширныхъ имѣній, образовавшихся изъ пожертвованій, принимая на себя содержаніе бѣдныхъ, раздачу милостыни и другія дѣла благотворенія.

Но если въ первую пору среднихъ вѣковъ экономическія воззрѣнія духовныхъ канонистовъ въ прямомъ смыслѣ согласовались съ условіями натуральнаго хозяйства и слабо развитаго экономическаго оборота, то какъ могла мириться съ отрицательнымъ отношеніемъ къ основамъ мѣнового оборота гражданская жизнь поздняго средневѣковья, съ ея цвѣтущими городами, обязанными своимъ культурнымъ ростомъ развитію промысловъ и торговли на ихъ территоріи. Что могъ, напримѣръ, имѣть противъ ссуды капитала за процентъ цеховой мастеръ, когда эта ссуда давала ему возможность основать или расширить свое производство. Какимъ образомъ можно было осуждать торговыя занятія, когда въ годы неурожаевъ только привозъ иноземнаго хлѣба спасалъ населеніе отъ голода, когда потребность во многихъ предметахъ необходимости и удобства могла быть удовлетворена только посредствомъ ввоза иностранныхъ товаровъ. При измѣнившихся историческихъ условіяхъ, экономическая доктрина, подчиняясь запросамъ жизни, устами самихъ теологовъ дѣлаетъ уступки и измѣняетъ свое отношеніе къ современнымъ явленіямъ экономическаго оборота: къ торговлѣ, деньгамъ, процентамъ, хотя эти уступки теологической доктрины слѣдуютъ съ большимъ запаздываніемъ, судя по тому факту, что запрещеніе взиманія процентовъ по денежнымъ ссудамъ на помѣстныхъ соборахъ повторялось почти до конца среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, на воззрѣнія теологовъ въ области хозяйственныхъ явленій этой поры должны были оказать вліяніе такіе выдающіеся факты въ культурной жизни европейскаго Запада, какъ основаніе университетовъ въ итальянскихъ городахъ, рецепція римскаго права и, наконецъ, знакомство съ ученіями Аристотеля, сочиненія котораго въ 1271 году были переведены Вильямомъ Мербекомъ на литературный того времени латинскій языкъ.

Задачу преобразованія теологической доктрины, въ ея экономическихъ воззрѣніяхъ, съ тѣмъ чтобы приблизить ее къ измѣнившемуся складу экономическаго быта, выполнилъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ теологовъ католическаго міра (doctor angelicus), который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самымъ замѣчательнымъ представителемъ своего времени въ области общественной философіи,—Ѳома Аквинскій (род. 1225 г., ум. 1274 г.). Обстоятельства его личной жизни сложились благопріятно для того, чтобы, стоя на высотѣ современнаго знанія, обстоятельно познакомиться съ общественнымъ бытомъ своего времени. Съ 11 до 17-лѣтняго возраста онъ

пребывалъ въ доминиканскомъ монастырѣ въ Неаполѣ. Ученую школу прошелъ въ Кельнѣ подъ руководствомъ Альберта Великаго, ученую степень получилъ въ Парижскомъ университетѣ за сочиненіе „De principium naturae“ и затѣмъ послѣдовательно былъ профессоромъ въ университетахъ Кельна, Парижа, Неаполя и Болоньи. Во время своихъ переѣздовъ Ѳ. Аквинскій хорошо ознакомился съ жизнью французскихъ и германскихъ городовъ, и въ особенности съ бытомъ современной ему Италіи, который онъ имѣлъ возможность наблюдать въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ своей жизни, сопровождая римскихъ папъ въ ихъ постоянныхъ переѣздахъ изъ одной резиденціи въ другую. Изъ его многочисленныхъ сочиненій для обществовѣдѣнія имѣютъ значеніе въ особенности слѣдующія два: „De regimine principum“ и „Summa theologiae“, представляющія собою изслѣдованіе по вопросамъ богословія, права и народнаго хозяйства. Какъ большой почитатель Аристотеля, онъ находился подъ сильнымъ его вліяніемъ въ области экономическихъ воззрѣній. Вдохновенный теологъ, проникнутый до глубины души христіанской моралью, Ѳома Аквинскій, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, старался согласовать, въ теоріи, евангельскія воззрѣнія на хозяйственныя отношенія съ условіями хозяйственнаго быта современной ему эпохи. Какъ христіанскій мыслитель, онъ задался цѣлью примирить въ научной доктринѣ то, что давно уже было примирено самою жизнью, такъ какъ христіанство не только не ставило преграды развитію торгово-промышленной дѣятельности въ германо-романскомъ мірѣ, но самые представители духовнаго сословія, какъ извѣстно, играли дѣятельную роль въ образованіи городовъ, какъ центровъ торговли и промысловъ. Но въ условіяхъ того времени, когда жилъ Ѳома Аквинскій, эти вопросы сами по себѣ являлись только одною частью болѣе общей проблеммы— объ отношеніи христіанства и католической церкви къ германо-романской культурѣ вообще, включая сюда и вопросъ объ отношеніи церкви къ государству. Отрицательное отношеніе христіанства первыхъ вѣковъ къ свѣтскимъ учрежденіямъ и къ языческому государству теперь не могло уже имѣть мѣста, когда и самое государство стало христіанскимъ. Католическая церковь, преслѣдуя свои задачи и руководствуясь мотивами, совершенно отличными отъ тѣхъ стимуловъ и интересовъ, которые составляютъ движущую силу гражданскаго и экономическаго оборота, и теперь также сохраняла свое оппозиціонное положеніе къ мірской жизни, но основанія этой оппозиціи совершенно измѣнились. Это былъ моментъ, когда теологическая доктрина должна была, или сохраняя свое прежнее отношеніе къ хозяйственному обороту, стать анахронизмомъ и утерять всякое вліяніе, или же найти средство иначе обосновать свои положенія, обезпечивая за собою и на будущее время значеніе вліятельнаго фактора въ общественной жизни. Въ этомъ заключалось существо задачи, которую пришлось разрѣшить въ своемъ ученіи Ѳомѣ Аквинскому. Въ основѣ воззрѣній Ѳомы Аквинскаго на хозяйственныя явленія и учре-

жденія лежитъ истолкованіе измѣнившагося отношенія церкви къ свѣтскому міру.

Въ связи съ отмѣченными условіями, общественная философія Ѳомы Аквинскаго проникнута дуализмомъ: онъ противопоставляетъ мірскія отношенія, созданныя грѣховнымъ человѣчествомъ „божественному порядку", предписанному св. писаніемъ. Дѣйствительная жизнь и божественный порядокъ ставятъ себѣ совершенно различныя цѣли. По предписанію св. писанія цѣль земного существованія заключается не въ удовольствіяхъ, не въ богатствѣ, господствѣ и почестяхъ, а въ добродѣтельной жизни, чтобы посредствомъ ея достигнуть вѣчнаго блаженства на небѣ. Ѳома Аквинскій выдѣляется отъ своихъ предшественниковъ, отцовъ церкви, тѣмъ, что онъ учитываетъ историческую дѣйствительность и проникнутъ сознаніемъ значенія учрежденій, создаваемыхъ ростомъ человѣческой культуры и прежде всего государства, а также необходимости обезпеченія экономическаго благосостоянія страны; но всѣ эти полезныя учрежденія и хозяйственныя стремленія и заботы онъ желаетъ урегулировать по принципамъ „божественнаго порядка", т. е., другими словами, подчинить ихъ требованіямъ христіанской морали. Проводникомъ этихъ моральныхъ началъ должна быть церковь, а такъ какъ всѣ взаимныя отношенія людей между собою должны быть подчинены требованіямъ христіанской морали, то для осуществленія этой задачи свѣтская власть должна быть подчинена духовной. Отсюда слѣдуетъ, что верховный представитель свѣтской власти, въ христіанскомъ государствѣ, чтобы быть руководителемъ своихъ подданныхъ въ достиженіи высшихъ цѣлей человѣческаго существованія, долженъ подчиняться предписаніямъ главы церкви—римскаго папы. Такимъ образомъ, предписанія Евангелія, которыя въ пониманіи первыхъ христіанъ и учителей церкви являлись абсолютными требованіями—порвать всякія отношенія съ хозяйственною дѣятельностью, въ ученіи Ѳомы Аквинскаго получаютъ значеніе требованій высшей морали, которой онъ рекомендуетъ подчинить всю жизнь общества, въ томъ числѣ и экономическія отношенія. Ученіе Ѳомы Аквинскаго было проповѣдью этизированія экономической дѣятельности, законность и цѣлесообразность которой онъ однако признавалъ. Послѣ выясненія исходныхъ принциповъ воззрѣній Ѳомы Аквинскаго, намъ становится понятнымъ то положеніе, которое онъ занялъ въ своихъ ученіяхъ о главнѣйшихъ явленіяхъ современнаго ему экономическаго обихода—а именно: о цѣнѣ, куплѣ-продажи, процентахъ на капиталъ и частной собственности.

А. Цѣна. Остановивъ свое вниманіе на цѣнѣ товаровъ, онъ признаетъ, что купля-продажа предназначена служить для общей пользы; но для того, чтобы отвѣчать своему назначенію, она должна быть поставлена такъ, чтобы выгоды обѣихъ сторонъ—покупателя и продавца—въ этомъ актѣ были равны. Неравенство выгодъ и несправедливость для одной изъ сторонъ наступаетъ тогда, когда вещь оцѣнена выше или ниже своей

стоимости. Отсюда его требованіе соблюденія справедливой цѣны. Для осуществленія „справедливой цѣны“ со стороны продавца, надо учитывать не только реальную стоимость вещи, но и степень нужды въ ней даннаго покупателя; поэтому, если послѣдній очень нуждается въ извѣстномъ предметѣ, то ему можно его продать по болѣе высокой цѣнѣ, но не дороже того, что онъ стоилъ самому продавцу. Если же затѣмъ купившій данную вещь извлечетъ изъ этого очень большую выгоду, то, по чувству порядочности (honestas), онъ долженъ удѣлить часть этой выгоды продавцу, у котораго онъ столь удачно пріобрѣлъ вещь. Т. е. Ѳома Аквинскій рекомендуетъ въ мѣновомъ оборотѣ поступать не по соображеніямъ хозяйственнаго разсчета, а слѣдовать требованіямъ высшей справедливости, осуществляемой въ божественномъ законѣ. Въ отличіе отъ послѣдняго, человѣческій законъ (при чемъ подъ человѣческимъ закономъ Ѳома Аквинскій вездѣ разумѣетъ римское право) не все то запрещаетъ, что противно добродѣтели: для него достаточно запретить только то, что разрушаетъ взаимную жизнь людей; остальное, что не подходитъ подъ этотъ критерій, онъ разрѣшаетъ, но не потому, чтобы онъ одобрялъ, а потому, что признаетъ это не наказуемымъ. Съ этой точки зрѣнія римское право считаетъ не наказуемымъ продажу вещей по чрезвычайно высокой или покупку ее по слишкомъ низкой цѣнѣ, сравнительно съ ея стоимостью, если при этомъ не имѣлъ мѣста обманъ одной стороны другой. Но и человѣческій законъ во всякомъ случаѣ наказываетъ продавца, если онъ при продажѣ вещи скрылъ ея недостатки, для того чтобы взять болѣе высокую цѣну, напр. лѣнивую лошадь выдалъ за скорую, испорченную провизію за свѣжую и т. п. Требованія же божественнаго закона идутъ гораздо дальше: онъ не оставляетъ безнаказаннымъ всего того въ сферѣ мѣнового оборота, что противно добродѣтели. Поэтому онъ предписываетъ, чтобы сторона, потерявшая при продажѣ предмета, была вознаграждена другою, получившею исключительную выгоду, хотя бы со стороны другого контрагента не было никакого обмана. Но предписаніе божескаго закона должно ограничиться общею формулою, ибо точнаго опредѣленія справедливой цѣны нельзя достигнуть и незначительныя уклоненія отъ справедливой цѣны и духовнымъ закономъ могутъ быть игнорированы. Напримѣръ, возьмемъ такой случай, что продавецъ является со своимъ товаромъ въ городъ въ тотъ моментъ, когда въ этомъ товарѣ чувствуется крайній недостатокъ, и продаетъ его поэтому по очень высокой цѣнѣ, хотя при этомъ онъ случайно знаетъ, что вслѣдъ за нимъ направляется въ тотъ же городъ масса продавцовъ съ тѣмъ же товаромъ, вслѣдствіе чего цѣна на него черезъ нѣсколько часовъ значительно понизится. Продавецъ, который, при такихъ условіяхъ не пожелалъ бы воспользоваться случаемъ продать подороже или рѣшившійся возвратить излишекъ выручки покупателямъ, послѣ того какъ цѣна на него, вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, понизилась, по словамъ Ѳомы Аквинскаго, долженъ былъ бы считаться чело-

вѣкомъ болѣе чѣмъ добродѣтельнымъ; долгъ справедливости во всякомъ случаѣ его къ этому не обязываетъ.

В. Торговля. Ѳома Аквинскій, слѣдуя за Аристотелемъ, различаетъ два вида торговли: обмѣнъ товара на товаръ, а также обмѣнъ денегъ на товаръ, для удовлетворенія потребностей въ предметахъ необходимости, и второй видъ торговли—обмѣнъ денегъ на деньги или на другія вещи, но не съ цѣлью удовлетворенія потребностей, а для полученія барыша. Въ отличіе отъ Аристотеля, который только первый видъ торговли одобрялъ. а второй порицалъ, „потому что онъ питаетъ страсть къ наживѣ", Ѳома Аквинскій находитъ, что стремленіе къ прибыли, являющееся цѣлью всякой торговли, не заключаетъ въ себѣ ничего позорнаго или противнаго добродѣтели Это видно изъ того, что прибыль сплошь и рядомъ можетъ быть употреблена на полезныя дѣла, какъ это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда данное лицо, получающее умѣренную прибыль изъ денежныхъ оборотовъ, предназначаетъ ее для содержанія своей семьи, на помощь бѣднымъ, или жертвуетъ ее на государственныя нужды. Съ нравственной точки зрѣнія онъ вполнѣ оправдываетъ полученіе прибыли въ тѣхъ случаяхъ, когда торговецъ, съ своей стороны, подвергнулъ товаръ нѣкоторой обработкѣ, для приданія ему извѣстныхъ качествъ или когда онъ получаетъ барышъ, какъ плату за перевозку товара въ то мѣсто, гдѣ въ немъ нуждаются, или за сбереженіе товара. Ѳома Аквинскій осуждаетъ только спекулятивную торговлю, при которой торговецъ множитъ свои барыши, не связанные ни съ какими затратами на перевозку и храненіе товара. Но, такъ какъ въ ту пору этотъ видъ торговли, характерный для биржевыхъ операцій новаго времени, почти не встрѣчался, то можно сказать, что онъ вообще признавалъ занятіе торговлей непредосудительнымъ. Оправдывая, съ точки зрѣнія „божественнаго порядка", торговлю, Ѳома Аквинскій однако относится отрицательно къ взиманію процентовъ по ссудамъ денегъ. Его аргументація противъ взиманія процентовъ заключается въ слѣдующемъ. Онъ раздѣляетъ всѣ вещи, могущія быть предметомъ ссуды, на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ, какъ напр. вино, пшеница, при самомъ употребленіи ихъ уничтожаются и, другія—какъ напр. дома, пользованіе которыми не связано съ ихъ уничтоженіемъ. Поэтому при ссудѣ предметовъ первой категоріи было бы несправедливо со стороны заимодавца требовать, сверхъ возвращенія самыхъ вещей опредѣленной мѣры или вѣса, еще извѣстнаго количества ихъ, какъ плату за пользованіе ими; такъ какъ пользованіе вещью въ данномъ случаѣ соединяется съ ея уничтоженіемъ, то, съ точки зрѣнія Ѳомы Аквинскаго, такое требованіе равнозначительно тому, если бы при продажѣ данной вещи взять за нее двойную цѣну, что̀ явно не справедливо. Иначе, однако, дѣло обстоитъ, когда рѣчь идетъ о ссудѣ предметовъ, не уничтожаемыхъ при пользованіи ими. При наймѣ дома для жилья вполнѣ справедливо требовать отъ нанимателя, чтобы онъ къ опредѣленному сроку возвратилъ

домъ и, кромѣ того, заплатилъ за пользованіе имъ. Деньги Ѳома Аквинскій относитъ къ первой категоріи предметовъ, уничтожаемыхъ при самомъ пользованіи ими, насколько деньги предназначаются для совершенія мѣновыхъ оборотовъ; поэтому взиманіе процентовъ за ссуду денегъ онъ считаетъ недозволительнымъ. Но если кто-либо предоставляетъ другому лицу деньги для пользованія, какъ украшеніемъ или въ видѣ залога, то такое пользованіе, кромѣ возврата вещи, должно быть оплачено особымъ вознагражденіемъ.

Обосновавъ, съ своей точки зрѣнія, положеніе о несправедливости взиманія процентовъ, Ѳома Аквинскій, съ тонкостью римскаго юриста, анализируетъ цѣлый рядъ казусовъ, въ которыхъ наблюдается замаскированная форма взиманія процента, не находящая для себя оправданія. Такъ, во многихъ случаяхъ, должникъ хотя и не платитъ процентовъ, но онъ отдаетъ въ залогъ кредитору какую-нибудь вещь, въ видѣ обезпеченія исправности возврата ссуды, которою послѣдній пользуется. Ѳома Аквинскій приравниваетъ такое пользованіе предметомъ залога со стороны кредитора къ процентамъ и считаетъ этотъ видъ сдѣлокъ недозволеннымъ. Также при продажѣ вещи продавецъ иногда назначаетъ за нее болѣе высокую плату, въ виду того, что платежъ со стороны покупателя отсрочивается на нѣкоторое время; и, наоборотъ, бываютъ случаи, когда цѣна на товаръ разсчитанно понижается продавцемъ, именно потому, что плата за нее вносится ранѣе передачи самой вещи покупателю. Всѣ эти скидки и надбавки къ настоящей стоимости вещи Ѳома Аквинскій признаетъ равнозначительными съ взиманіемъ процента и осуждаетъ ихъ съ точки зрѣнія христіанской морали.

Сопоставляя по этому вопросу человѣческіе (римскіе) законы съ требованіями христіанской морали, Ѳома Аквинскій замѣчаетъ, что послѣднія оставляютъ нѣкоторые грѣхи ненаказуемыми, вслѣдствіе несовершенствъ человѣческаго быта, при которыхъ многимъ людямъ былъ бы нанесенъ ущербъ, если бы всѣ грѣхи рѣшительно были запрещены подъ угрозою наказанія. Человѣческій законъ позволяетъ брать проценты не потому, чтобы это, съ его точки зрѣнія, соотвѣтствовало справедливости, но въ виду того, чтобы не ставить преграды выгодамъ многихъ. Въ заключеніе однако оказывается, что, и съ точки зрѣнія христіанской морали, взиманіе процентовъ осуждается далеко не во всѣхъ случаяхъ. Ѳома Аквинскій считаетъ, по божескому закону, дозволительнымъ взиманіе процентовъ, когда покупающій предназначаетъ ихъ на пособіе бѣднымъ и потерпѣвшимъ отъ разбойниковъ, на выкупъ своихъ соотечественниковъ изъ плѣна и т. п.

Крупный шагъ отъ евангельскихъ воззрѣній къ свѣтской наукѣ представляютъ сужденія Ѳомы Аквинскаго о собственности. Въ спорѣ Аристотеля съ Платономъ объ общей и частной собственности онъ становится на сторону перваго. Вмѣстѣ съ Аристотелемъ, онъ видитъ преимущество частной собственности въ томъ, что человѣкъ, работающій для личнаго

пріобрѣтенія, напрягаетъ всю свою энергію и тщательное вниманіе въ той спеціальной отрасли труда, которою онъ занятъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, при существованіи режима частной собственности въ обществѣ устанавливается прочный порядокъ и миръ. Общая же собственность, вызывая постоянныя споры и недоразумѣнія, часто обусловливаетъ небрежное обращеніе съ имуществомъ. Неудобства общей собственности онъ поясняетъ на примѣрѣ товарищескихъ путешествій на общій счетъ, когда среди товарищей происходятъ безконечныя препирательства о томъ, что̀ имъ ѣсть, какія комнаты брать и т. п., которые иногда переходятъ въ ссоры и драки. Наконецъ, Ѳома Аквинскій настолько считался съ необходимостью для человѣческаго общества торговли и промысловъ, что, говоря о государствѣ, онъ указываетъ на то, что при основаніи, государства должны быть приняты во вниманіе также удобства, представляемыя территоріей для торговли и экономическаго развитія страны. Но, слѣдуя за Аристотелемъ и подчиняясь христіанской традиціи, онъ признаетъ въ ряду разныхъ отраслей хозяйства всѣ преимущества въ хозяйственномъ и моральномъ отношеніи за земледѣліемъ. Это та отрасль хозяйства, которая, по мнѣнію Ѳомы Аквинскаго, требуется общежитіемъ и одобряется высшимъ божественнымъ закономъ.

Для характеристики того преобразованія, которое внесено было въ церковно-католическую доктрину по хозяйственнымъ вопросамъ Ѳомою Аквинскимъ, важны не столько его воззрѣнія на отдѣльныя экономическія явленія, сколько высказанные имъ общіе принципы для разграниченія духовной и свѣтской точекъ зрѣнія на экономическую жизнь общества и крупный шагъ, сдѣланный имъ, въ дѣлѣ признанія самою церковью законности экономическаго оборота, санкціонированнаго свѣтскимъ закономъ. Учитывая историческія условія человѣческаго развитія, Ѳ. Аквинскій признавалъ, что хозяйственная жизнь, со всѣми ея сложными отношеніями, является, такъ сказать, общественно-необходимой; что цѣлый рядъ явленій, противъ которыхъ протестовало христіанство первыхъ вѣковъ, какъ обмѣнъ, ссуда, %, и т. п.,—вызваны нуждами человѣческаго общежитія и „отвѣчаютъ выгодамъ многихъ“; но, съ другой стороны, въ складѣ экономическихъ отношеній, связанныхъ съ мѣновымъ и денежнымъ хозяйствомъ, есть много отрицательныхъ сторонъ, которыя должны корректироваться предписаніями божественнаго закона. Въ сущности Ѳ. А. такъ опредѣляетъ отношеніе божественнаго закона къ мірскимъ законамъ, т. е. къ римскому праву, санкціонировавшему явленія экономическаго оборота, какъ современная этическая школа въ политической экономіи опредѣляетъ отношеніе этики къ современному хозяйственному быту, съ тою разницею, что, по ученію послѣдней, явленія экономическаго оборота, основанныя на началахъ хозяйственнаго эгоизма и конкуренціи, должны быть исправлены проведеніемъ принциповъ гуманизма и солидарности, а по ученію Ѳ. Аквинскаго—проведеніемъ законовъ божественнаго порядка,

т. е. христіанской морали. Воззрѣнія Ѳомы Аквинскаго представляли огромный шагъ послѣ евангельскаго ученія о грѣховности почти всякой хозяйственной дѣятельности. Ѳома Аквинскій далъ направленіе, по которому слѣдовала теологическая мысль по экономическимъ вопросамъ въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ, и послѣдующіе теологи этого времени, касавшіеся экономическихъ темъ, продолжали развивать начала, высказанныя Ѳ. Аквинскимъ, дѣлая дальнѣйшія уступки въ признаніи новыхъ явленій экономическаго оборота, съ точки зрѣнія ученій церкви.

Въ направленіи, намѣченномъ Ѳ. Аквинскимъ, развивали свои экономическія воззрѣнія—его современникъ Генрихъ де Гангъ (de Gang 1220—1295 г.), Жилъ де Ромъ (Gille de Rome—ум. 1316 г.), Николай Оремъ (Oresme—ум. 1382 г.) и другіе. Вообще мы должны сказать, что раньше чѣмъ экономическіе вопросы сдѣлались предметомъ изслѣдованія свѣтскихъ ученыхъ, экономическая доктрина, въ воззрѣніяхъ католическихъ теологовъ на основныя явленія современнаго имъ экономическаго оборота, постепенно сближается съ мірскими взглядами и предписаніями римскаго права. Послѣднимъ этапомъ въ этомъ движеніи теологической мысли можно считать воззрѣнія св. Бернардина (1330—1444 г.) и св. Антонина (1330—1459 г.). Оба они являются защитниками частной собственности, какъ такого учрежденія, которое гораздо больше стимулируетъ хозяйственную дѣятельность гражданъ, чѣмъ общинная собственность, устраняя споры и несогласія, связанные съ существованіемъ послѣдней. Осуждая торговую спекуляцію, когда торговецъ получаетъ барыши, не неся никакихъ затратъ на перемѣщеніе или обработку товара, они признаютъ полезнымъ для общества занятіе торговлей, если она разсчитана на сбытъ излишковъ продуктовъ данной страны или на доставленіе въ страну необходимыхъ продуктовъ изъ другихъ странъ. Оба эти писатели считаютъ весьма цѣлесообразнымъ, существованіе особаго торговаго класса, посвящающаго всѣ свои физическія и духовныя силы „перемѣщенію товаровъ“ изъ одного раіона въ другой, такъ какъ онъ способенъ лучше выполнить эту задачу, чѣмъ люди, не имѣющіе спеціальныхъ свѣдѣній въ торговыхъ дѣлахъ. По поводу разсужденій о торговлѣ у нихъ проглядываетъ сознаніе необходимости общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда и сотрудничества. Имъ также не вполнѣ чуждо понятіе о продуктивности капитала, а потому и ихъ отношеніе къ взиманію % по ссудамъ совершенно различно, въ зависимости отъ того, для какого назначенія дается ссуда. Считая предосудительнымъ взиманіе % съ людей бѣдныхъ, прибѣгающихъ къ ссудѣ для доставленія себѣ средствъ пропитанія, они въ то же время оправдываютъ полученіе %, когда ссудный капиталъ примѣняется для производства новыхъ продуктовъ. Но раньше, чѣмъ взиманіе % по ссудамъ окончательно было легализировано церковью (въ концѣ 15-го

вѣка), отдѣльные теологи оправдывали процентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣлъ мѣсто, какъ вознагражденіе за просрочку въ платежѣ капитальнаго долга, а также какъ вознагражденіе за рискъ не получить обратно ссуженный капиталъ. Что касается процентовъ по ипотечнымъ долгамъ, въ особенности уплачиваемыхъ въ весьма характерной для среднихъ вѣковъ формѣ вѣчной ренты, безъ обязательства погашенія капитальной суммы долга, то этотъ видъ взиманія процента съ самаго момента возникновенія этого рода сдѣлокъ, при продажѣ земли и домовъ, не только не встрѣчалъ неодобренія со стороны католической церкви, но постоянно практиковался ею, какъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ эксплуатаціи монастырскихъ имуществъ.

Точнымъ отраженіемъ направленія, въ которомъ текла мысль средневѣковыхъ теологовъ въ ихъ сужденіяхъ по экономическимъ вопросамъ, является, составленный въ половинѣ 12-го вѣка монахомъ Граціаномъ (Gratian) сборникъ церковныхъ постановленій и папскихъ декреталій, восходящихъ до 3 вѣка, извѣстный подъ именемъ *corpus juris canonici*. Черезъ весь этотъ кодексъ красною нитью выступаетъ основная задача — создать такую организацію общественной жизни, въ которой были бы согласованы начала христіанской этики съ потребностями и интересами матеріальной жизни людей.

Обстоятельная характеристика экономическихъ воззрѣній, заключающихся въ corpus juris canonici, представлена въ извѣстномъ сочиненіи спеціальнаго знатока этой эпохи, проф. Эндемана. На основаніи постановленій, заключающихся въ „corpus juris canonici“, Эндеманъ даетъ характеристику воззрѣній канонистовъ на главныя категоріи экономическихъ явленій: деньги, цѣну и цѣнность, кредитъ, капиталъ, налоги, трудъ и распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Методологическіе пріемы изслѣдованія Эндемана оставляютъ въ читателѣ впечатлѣніе, какъ будто бы воззрѣнія средневѣковыхъ канонистовъ, разъ формулированные въ извѣстныхъ постановленіяхъ, продолжали существовать въ видѣ неизмѣнныхъ, застывшихъ нормъ въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ. Въ началѣ своего изслѣдованія Эндеманъ говоритъ, что онъ лучше всего исчерпаетъ экономическія воззрѣнія, содержащіяся въ corpus juris canonici, если сперва дастъ точный анализъ института, лежащаго въ основаніи всего экономическаго міровоззрѣнія канонистовъ. Такимъ институтомъ онъ считаетъ запрещеніе процентовъ (Wuchegesetze). Изъ отрицательнаго отношенія къ взиманію % при ссудахъ Эндеманъ выводитъ, какъ дальнѣйшія консеквенціи, воззрѣнія канонистовъ на деньги, прибыль, кредитъ и т. д. Но этотъ пріемъ догматическаго анализа, по существу, и у Эндемана не заслоняетъ того факта, что каноническія воззрѣнія къ экономическимъ вопросамъ эволюціонировали. Въ своей характеристикѣ воззрѣній канонистовъ онъ неограничивается матеріалами кодекса каноническаго права, а выясняетъ

такъ же, какъ воззрѣнія на данную категорію явленій экономическаго оборота, деньги, % и т. д. преемственно развивались и измѣнялись у главнѣйшихъ духовныхъ писателей въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ названнымъ изслѣдованіемъ Эндемана и въ немъ ясно обрисовываются два преемственно слѣдовавшихъ цикла экономическихъ воззрѣній канонистовъ среднихъ вѣковъ.

Литература по исторіи экономическихъ воззрѣній въ средніе вѣка. *W. Endemann.* Die nationalokonomischen Grundsätze der canonistischen Lehre, Jena, 1863. Его же Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre, Jena, 1874. *H. Contzen.* Geschichte der volkswirthschaftlichen Litteratur in dem Mittelalter, Berlin, 1872. *J. J. Baumann.* Die Staatslehre des h. Thomas von Aquino, Lpz., 1873. *Brants.* Les théories économiques aux XIII et XIV siècles, Paris, 1895. *Ch. Jourdain.* Sur les commencements de l'économie politique dans les écoles du moyen-âge, Paris, 1874. *E. Nys.* Les théories economiques au moyen-âge. Paris 1898. *E. Funck.* Uber die ökonomischen Anschauungen des mittealterlischen Theologen. Zeitschr. f. Staatsw. Bd. 25. Tübing. 1869 *E. de Girard.* Histoire de l'économie sociale jusqu'à la fin du XVI siècle. 1900.

НОВОЕ ВРЕМЯ (15—18 в.).

Коренныя перемѣны въ складѣ хозяйства народовъ Западной Европы въ началѣ новаго періода исторіи.

Въ то время, какъ въ области экономическихъ воззрѣній канонические писатели боролись со свѣтскими взглядами на задачи хозяйственной жизни, непрерывно дѣлая уступки ея требованіямъ, католическая церковь искала осуществленія теократическаго идеала общественнаго строя—въ крестовыхъ походахъ. Взятіе въ 1099 году арміей крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Годфрида Булонскаго, священнаго города на время окрылило надежду римскихъ папъ осуществить въ святой землѣ соціальный строй, согласно каноническому идеалу. Насколько можно судить по конституціи Іерусалимскаго государства, изложенной въ „Assis et bons usages du royaume Jérusalem", въ новомъ теократическомъ государствѣ предполагалось создать еще болѣе вліятельную церковную организацію, чѣмъ это представляла собою въ то время католическая церковь въ Западной Европѣ. Въ остальномъ проектъ общественнаго устройства въ Іерусалимскомъ государствѣ копировалъ соціальный строй среднихъ вѣковъ, съ характернымъ для него дѣленіемъ общества на три класса: феодальной аристократіи, надѣленной суверенными правами, затѣмъ горожанъ и зависимыхъ, полусвободныхъ, крестьянъ [1]).

Но историческія обстоятельства скоро и властно направили теченіе общественной жизни западно-европейскихъ народовъ въ другую сторону. Вмѣсто ожидаемаго роста вліянія католической церкви, въ самомъ центрѣ Европы появлялось реформаціонное движеніе, а вторженіе турокъ въ Европу и занятіе ими Константинополя поставило надолго непреодолимую преграду движенію христіанскихъ народовъ Европы на ближній Востокъ. Но въ то самое время, когда народамъ Западной Европы въ ихъ торговыхъ и экономическихъ отношеніяхъ, по видимости, суждено было замкнуться въ предѣлахъ европейскаго континента, усовершенствованія, достигнутыя въ области морского транспорта, раздвинули рамки культурнаго и торговаго общенія народовъ на необъятныя разстоянія. Открытіе въ

[1]) Aug. Onken. Geschichte der nationale Oekonomie, стр. 136.

1492 году Колумбомъ Америки, отысканіе Васко де-Гамой, въ 1497 году новаго пути въ Индію, мимо мыса Доброй Надежды, были только первыми этапами дальнѣйшихъ географическихъ открытій, вводившихъ европейскіе народы въ сферу мірового хозяйства.

Переходъ изъ среднихъ вѣковъ къ новому времени ознаменованъ также цѣлымъ рядомъ техническихъ открытій и изобрѣтеній, оказавшихъ реформирующее вліяніе на складъ хозяйственныхъ отношеній, таковы изобрѣтенія: компаса, пороха и книгопечатанія. Этими изобрѣтеніями начинается эпоха въ исторіи европейскихъ народовъ, когда, на ряду съ ролью общественныхъ факторовъ и такой или иной организаціи политической власти, на хозяйственную жизнь народовъ пріобрѣтаютъ огромное вліянія научныя открытія и сила прикладныхъ знаній. Этотъ фактъ огромнаго значенія для бущей судьбы человѣчества прикладныхъ наукъ былъ уже съ полною ясностью оцѣненъ выдающимся мыслителемъ второй половины 16 в. Бекономъ Веруламскимъ, который въ своемъ сочиненіи Novum Organon писалъ „что истинная цѣль всѣхъ наукъ состоитъ въ надѣленіи жизни человѣческой новыми изобрѣтеніями и богатствами". Новые вѣка, въ хозяйственномъ отношеніи, характеризуются переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Тѣ тенденціи въ развитіи мѣнового хозяйства, которыя уже въ концѣ среднихъ вѣковъ такъ рельефно выразились въ спеціализаціи промысловъ и въ ростѣ городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли, нашли особенно благопріятныя условія для своего развитія въ названныхъ выше техническихъ и географическихъ открытіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ концѣ 15-го вѣка. Изобрѣтеніе компаса открыло неограниченный просторъ для морского транспорта. Моря и океаны, которые раньше изолировали отдѣльные народы и страны между собою, теперь сдѣлались самыми удобными и дешевыми путями экономическихъ и культурныхъ сношеній народовъ всего земного шара. Далѣе, изобрѣтеніе огнестрѣльнаго пороха имѣло огромное значеніе для успѣховъ хозяйственной дѣятельности тѣмъ, что вызвало замѣну народнаго ополченія постоянной, профессіонально обученной арміей. Въ то время какъ раньше каждый мирный обыватель жилъ въ постоянной тревогѣ всегда быть готовымъ къ призыву въ войска,—учрежденіе постоянной арміи освобождало массу населенія отъ несенія военной службы, предоставляя ей возможность отдаваться хозяйственнымъ занятіямъ, безъ помѣхъ и непредвидѣнныхъ перерывовъ. Съ другой стороны, постоянныя арміи, снабженныя огнестрѣльнымъ оружіемъ, рѣшили успѣхъ борьбы европейскихъ монарховъ съ закованнымъ въ желѣзо рыцарствомъ, съ высоты своихъ замковъ отстаивавшимъ политическую и хозяйственную обособленность мелкихъ феодальныхъ территорій. Наконецъ, третье важнѣйшее изобрѣтеніе этой эпохи—книгопечатаніе, въ качествѣ орудія для распространенія знаній и широкаго обмѣна мыслей, содѣйствовало ускоренію наступившихъ преобразованій въ складѣ

хозяйственнаго быта народовъ, клонившихся въ сторону развитія мѣнового хозяйства.

Начало новыхъ вѣковъ отмѣчено также кореннымъ преобразованіемъ въ строѣ политической жизни западно-европейскихъ народовъ, имѣвшимъ свои неисчислимыя послѣдствія для экономическихъ отношеній. Важнѣйшимъ фактомъ политической жизни 15-го и 16-го в. в. является ростъ сильной монархической власти. Въ противоположность съ тѣмъ, что мы видѣли въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, въ періодъ образованія феодальной системы, когда короли растеряли всѣ свои прерогативы суверенной власти, уступая ихъ, вмѣстѣ съ частями государственной территоріи, своимъ вассаламъ, теперь происходитъ обратный процессъ сосредоточенія верховныхъ правъ въ управленіи, судѣ и т. д., въ рукахъ немногихъ государей въ Европѣ. Выросшая въ своемъ значеніи, монархическая власть соединяетъ подъ своею державою обширныя территоріи, т. е., другими словами, на мѣсто сотенъ мелкихъ феодальныхъ территорій, пользовавшихся суверенными правами, между которыми въ теченіе среднихъ вѣковъ была подѣлена вся Западная Европа, теперь становится нѣсколько обширныхъ абсолютныхъ монархій. Политика государственной централизаціи имѣла своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ расширеніе сферы экономическаго общенія среди европейскихъ народностей, на почвѣ обмѣна и торговли. Въ то время какъ въ средніе вѣка экономическія отношенія замыкались предѣлами отдѣльныхъ феодальныхъ территорій, отдѣльныхъ городовъ и союзовъ городовъ (средневѣковыхъ ганзъ), къ началу новаго времени общеніе на экономической почвѣ расширяется территоріально, благодаря появленію крупныхъ монархій, обнимающихъ цѣлые народы. Объ исторической миссіи монархической власти въ хозяйственныхъ преобразованіяхъ новаго времени можно говорить еще и въ другомъ отношеніи: королевская власть этого времени выступаетъ какъ представительница хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ слоевъ населенія страны и непризнанныхъ дотолѣ, заслоненныхъ сословіями, народностей. Съ этого времени государственная власть, являясь органомъ экономической политики, налагаетъ свою печать на ходъ хозяйственнаго развитія страны. Имѣя возможность, смотря по моменту времени, ставить на первомъ планѣ интересы то одного, то другого класса общества, она всегда говоритъ именемъ цѣлаго народа. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ хозяйственной исторіи этого періода, проф. Шмоллеръ, справедливо называетъ политику европейскихъ монарховъ 15—17 вѣковъ политикою созиданія народнаго хозяйства.

Образованіе сильной государственной власти является не только совершившимся фактомъ, но и соціально-политическимъ идеаломъ новаго времени. Этотъ идеалъ, какъ извѣстно, нашелъ свое выраженіе въ политической наукѣ того времени, выдвинувшей ученіе „о полицейскомъ государствѣ“, въ которомъ сильная, неограниченная власть просвѣщен-

ныхъ деспотовъ изображалась благодѣтельницей народовъ (Юсти, Зоненфельдъ Пуффендорфъ и др.). Начиная съ 15-го и до второй половины 18 вѣка, вплоть до появленія школы энциклопедистовъ во Франціи и сочиненія Адама Смита „О богатствѣ народовъ", первостепенные мыслители, въ числѣ которыхъ находятся такія имена, какъ философъ Вольфъ и основатель школы физіократовъ Франсуа Кёне, въ своихъ планахъ общественныхъ преобразованій обращали взоры къ монархической власти и въ просвѣщенномъ деспотизмѣ абсолютныхъ монарховъ усматривали единственный органъ для осуществленія въ современномъ имъ быту народовъ предписаній „естественнаго права".

Новые вѣка ознаменовались также новыми теченіями въ области человѣческой мысли. Начало умственному пробужденію этой эпохи было положено возрожденіемъ, въ теченіе 15-го вѣка, наукъ и искусствъ въ Италіи, которое оказало непосредственное вліяніе на всѣ страны Европы и выразилось, между прочимъ, въ проявленіи особеннаго интереса среди образованнаго общества къ изученію произведеній греческихъ и римскихъ писателей. Вопросы философіи, права и государственнаго устройства, съ которыми общество знакомилось по сочиненіямъ античныхъ писателей, послужили темами для самостоятельныхъ трактатовъ мыслителей новаго времени. Изъ нихъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ было сочиненіе Макіавелли „О первой декадѣ Тита Ливія" и „Государь". Другимъ важнѣйшимъ культурнымъ фактомъ этой эпохи была реформація. Въ тотъ историческій моментъ, когда католицизмъ ушелъ въ мистицизмъ и ритуальныя обрядности, а власть католическаго духовенства надъ обществомъ вѣрующихъ достигла самаго высокаго напряженія, появившееся реформаціонное движеніе освободило личность отъ церковной опеки въ сферѣ мыслей и чувствъ, раціонализировало христіанскую религію, приблизивъ вѣрующихъ къ первоисточнику христіанскаго ученія—къ Евангелію Христа. Значеніе представителей церковнаго освободительнаго движенія для экономической науки заключалось не столько въ тѣхъ сужденіяхъ, которыя они высказывали по вопросамъ о ростовщичествѣ, деньгахъ, соціальныхъ классахъ, о власти и государствѣ, сколько въ чувствахъ нравственной отвѣтственности, съ которыми они смотрѣли на жизнь, въ общемъ вѣяніи духовной свободы, которое отъ нихъ исходило, и въ попыткѣ связать христіанскую мораль съ традиціями античной науки. Изъ этого теченія затѣмъ, въ концѣ 16 и началѣ 17 в.в., возникло ученіе „о естественномъ правѣ", какъ первый послѣ античнаго періода опытъ самостоятельнаго построенія ученія о правѣ, государствѣ и обществѣ [1]). Въ связи съ ознакомленіемъ съ трудами греческихъ мыслителей стоитъ также возникновеніе новой отрасли чело-

[1]) Gustav Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirthschaftslehre. 1900 г., стр. 80.

вѣческаго знанія — естественныхъ наукъ, получившихъ опору въ новыхъ реалистическихъ методахъ изслѣдованія, обоснованныхъ Бекономъ Веруламскимъ, въ его сочиненіи „Novum Organon“.

При такомъ широкомъ развитіи умственныхъ интересовъ и хозяйственныя явленія не могли не остановить на себѣ вниманія просвѣщенныхъ людей этого вѣка. Въ особенности два обстоятельства оказали рѣшительное вліяніе на развитіе экономическихъ знаній. Во-первыхъ, взгляды на хозяйственныя явленія получили иную постановку, вслѣдствіе того, что изслѣдованіе экономическихъ вопросовъ перешло преимущественно въ руки свѣтскихъ ученыхъ; во-вторыхъ, европейскія государства новаго времени выступили съ ярко выраженной экономической программой, которую настойчиво проводили путемъ цѣлой системы мѣропріятій въ области экономической политики. Поэтому вниманіе широкихъ круговъ общества было привлечено къ экономическимъ вопросамъ. Въ связи съ указанными обстоятельствами, господствовавшій у средневѣковыхъ канонистовъ взглядъ на богатство и матеріальный достатокъ, какъ на такія явленія, отъ которыхъ доброму христіанину слѣдуетъ себя скорѣе оберегать, ограниченіемъ до минимума своихъ матеріальныхъ потребностей,—смѣняется новымъ реалистическимъ воззрѣніемъ, по которому богатство является незамѣнимымъ условіемъ благосостоянія государства и народа. Такимъ образомъ, хозяйственныя воззрѣнія, съ началомъ новаго времени, освобождаются отъ подчиненія точкамъ зрѣнія религіи и затѣмъ постепенно выдѣляются въ обособленную отъ права и философіи, самостоятельную отрасль обществовѣдѣнія. Этотъ процессъ образованія экономической науки, какъ самостоятельной отрасли знанія, происходитъ на протяженіи первыхъ трехъ столѣтій новаго времени и заканчивается появленіемъ, въ концѣ 18 вѣка, сочиненія Адама Смита „О богатствѣ народовъ“.

Экономическія ученія нового времени можно раздѣлить на слѣдующія три группы: 1) система меркантилистовъ; 2) ученія, составляющія реакцію противъ меркантилистовъ, и школа физіократовъ и 3) ученія непосредственныхъ предшественниковъ А. Смита въ Англіи.